

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ

«ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»

№ 4 (40)

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2020**

VESTNIK

MOSCOW CITY UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

HISTORICAL STUDIES

№ 4 (40)

Published since 2008

Quarterly

Moscow

2020

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И. М.

председатель

ректор ГАОУ ВО МГПУ,

доктор педагогических наук, доцент,

почетный работник общего образования Российской Федерации

Рябов В. В.

заместитель председателя

президент ГАОУ ВО МГПУ,

доктор исторических наук, профессор,

член-корреспондент РАО

Геворкян Е. Н.

заместитель председателя

первый проректор ГАОУ ВО МГПУ,

доктор экономических наук, профессор,

академик РАО

Агранат Д. Л.

заместитель председателя

проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ,

доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Рябов В. В.

главный редактор

президент МГПУ, заведующий общеуниверситетской

кафедрой всеобщей и российской истории МГПУ,

доктор исторических наук, профессор

Михайловский Ф. А.

заместитель главного редактора

и. о. заведующего кафедрой истории древнего мира

и средних веков им. В. Ф. Семёнова МПГУ,

доктор исторических наук, профессор

Андреев И. Л.

заведующий кафедрой отечественной истории МГПУ,

кандидат исторических наук, доцент

Жирыков И. Г.

профессор кафедры новой, новейшей истории и методологии

МГОУ, доктор исторических наук, профессор

Исаков В. А.

профессор общеуниверситетской кафедры всеобщей

и российской истории МГПУ, доктор исторических наук,

профессор

Кириллов В. В.

директор ИГН МГПУ, кандидат исторических наук,

профессор

Мальшиева О. Г.

профессор кафедры отечественной истории МГПУ,

доктор исторических наук, профессор

Орлов А. А.

профессор кафедры новой и новейшей истории МПГУ,

доктор исторических наук, доцент

Ртищева Г. А.

доцент общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской

истории МГПУ, кандидат исторических наук, доцент

Сорокин А. А.

заведующий кафедрой методики преподавания истории,

обществознания и права МГПУ, кандидат исторических

наук, доцент

Токарева Е. А.

доцент кафедры отечественной истории МГПУ, кандидат

исторических наук, доцент

Уколова В. И.

заведующая кафедрой всемирной и отечественной истории

МГИМО, доктор исторических наук, профессор

Хаванов Е. И.

профессор общеуниверситетской кафедры всеобщей

и российской истории МГПУ, доктор исторических наук,

профессор

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

СОДЕРЖАНИЕ

История России: с древнейших времен до 1917 года

Виноградов А. Е. Донские руны и генезис салтово-маяцкой культуры	8
Болотина Н. Ю. Московские страницы жизни детей Петра Великого — Алексея, Анны и Елизаветы (1690–1712)	22
Гавриленков А. Ф. Переселенцы из прибалтийских губерний в Смоленской губернии (1884–1889 годы): религиозный аспект.....	32
Безина Е. А. М. Н. Катков о женском образовании в Российской империи	41

Новейшая история России

Кувшинова Е. Е., Челнокова А. Ю. Репрессии педагогической интеллигенции Москвы в немецкой операции НКВД 1937–1938 годов.....	50
Хатанзейский А. В. Поставки бронетехники в СССР по программе ленд-лиза в 1941–1945 годах: объемы и значение.....	63
Красильников Т. С. Хоккей с мячом в отечественном кинематографе	76

Всеобщая история

Нагиев Г. Г. Средневековый город Гянджа (о фортификации города и социальной структуре).....	84
Гладков А. К. «Pontifex est dominus servorum...»: Церковь, закон и свобода в политической мысли первой половины XIV века.....	97
Рагимова А. Ф. Индо-пакистанский конфликт в резолюциях ООН (к 75-летию образования ООН).....	103

Критика. Рецензии. Публицистика

Агуреев С. А. Рецензия на коллективную монографию:
Схватка за Ближний Восток. Региональные акторы
в условиях реконфигурации ближневосточного конфликта /
отв. ред.: А. В. Васильев, А. В. Кортаев, Л. М. Исаев.
М.: ЛЕНАНД, 2019. 256 с. 112

**Авторы «Вестника МГПУ», серия «Исторические науки»,
2020, № 4 (40)..... 117**

Требования к оформлению статей..... 121

CONTENTS

History of Russia: from Ancient Times to 1917

- Vinogradov A. E. Don Runes and the Genesis of the Saltov-Mayatsk Culture 8
- Bolotina N. Yu. Moscow Pages of the Life of Peter the Great's Children — Alexey, Anna and Elizabeth (1690–1712) 22
- Gavrilenkov A. F. Immigrants from the Baltic Provinces to the Province of Smolensk (1884–1889): the Religious Aspect.....32
- Bezina E. A. M. N. Katkov on Female Education in the Russian Empire 41

Modern History of Russia

- Kuvshinova E. E., Chelnokova A. Yu. Repression of Moscow's Pedagogical Intelligentsia in the German NKVD Operation of 1937–1938 50
- Khatanzevskij A. V. Lend-Lease Supplies of Armored Vehicles in the USSR in 1941–1945: Volumes and Significance.....63
- Krasilnikov T. S. Bandy in the Domestic Film Industry.....76

General History

- Nagiev G. G. Medieval City Ganja (City Fortification and Social Structure) 84
- Gladkov A. K. «Pontifex est dominus servorum...»: Church, Law and Liberty in Political thought of the First Half of the XIVth Century 97
- Ragimova A. F. Indo-Pakistani Conflict in UN Resolutions (to the 75th Anniversary of the Founding of the UN) 103

Criticism. Reviews. Publicism

- Agureev S. A. Review of the Collective Monograph:
The Battle for the Middle East. Regional Actors
in the Context of Reconfiguration of the Middle
East Conflict / ed. by A. V. Vasiliev, A. V. Korotaev,
L. M. Isaev. M.: LENAND, 2019. 256 p..... 112

- Authors of «Vestnik of Moscow City University»,
Series of «Historical Studies», 2020, № 4 (40)..... 119**

- Requirements for Style Articles 121

История России: С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО 1917 ГОДА

УДК 930.2:003.345

DOI: 10.25688/2076-9105.2020.40.4.01

А. Е. Виноградов

Донские руны и генезис салтово-маяцкой культуры

Вопрос о генезисе салтово-маяцкой археологической культуры становится все более актуальным по мере раскрытия многообразия ее этнической картины. Рунические памятники бассейна Дона могли бы внести некоторую ясность, но попытки их расшифровки с помощью тюркских или иранских языков не дают убедительных результатов. В то же время параллели донских рун с балканскими по происхождению алфавитами дают основания и для фонетических сравнений. Полученные переводы отражают народно-латинскую лексику, что может свидетельствовать как о миграции из Подунавья, так и о культурном влиянии бывших провинций Рима.

Ключевые слова: руническая письменность; салтовская культура; миграции; народная латынь; Подунавье.

Открытие и исследование памятников одной из крупнейших восточноевропейских археологических культур раннего Средневековья — салтово-маяцкой (СМК) — положили начало дискуссии о ее происхождении. Ее связывали с аланами [43: с. 72–79], болгаро-хазарами [5: с. 161–163], выделяли в ней два образования: лесостепное аланское и степное болгарское [26; 38: с. 98]. А. Е. Алихова сочла возможным атрибутировать культуру как преимущественно буртасскую, понимаемую как мордовскую с аланским влиянием [2: с. 64, табл. 2, 7, 9–11, 16–18, 20–21].

Некоторое присутствие пришлого, мадьярского, элемента в составе этой в целом аланской культуры допустил Ю. В. Готье [16: с. 73–74]. Исследователи пытались и до сих пор пытаются выделить в составе СМК характеристики, указывающие на промежуточную родину венгров — Леведию [59: с. 75–79; 44: с. 424]. С идеей о носителях СМК как смешанных тюрко-угорских племенах выступил В. К. Михеев [33: с. 23]. С. А. Плетнева отмечала устойчивость славянской гипотезы, особенно среди болгарских ученых [38: с. 6–7].

Активно выделяемый в последних исследованиях такой значительный элемент СМК, как население, оставлявшее кремационные захоронения, отождествляется то с абхазо-адыгскими, то со славянскими, то с угорскими и другими племенами (см. обзор [1: с. 31]).

Артефакты СМК, представляющие собой специфические зеркала, могли иметь и кавказское (неаланское), и греческо-причерноморское происхождение [30]. Салтовские безурновые захоронения по обряду близки могильникам Северо-Западного Кавказа (Дюрсо), однако найденная в них керамика соответствует артефактам Пастырского городища Среднего Поднепровья, прообразы которых, в свою очередь, отражают дунайскую ремесленную традицию [12].

Кроме того, при строительстве белокаменных укреплений, ассоциируемых с СМК, использовалась византийская технология, опиравшаяся на римскую традицию [7]. Этому есть объяснения, опирающиеся на рассказ Константина Багрянородного о византийской помощи хазарам в возведении одной из крепостей. Но такая технология применялась в строительстве СМК практически массово [6: с. 47–50], что вряд ли объяснимо хазаро-византийскими отношениями, уже не говоря о том, что и сама территория СМК далеко не всеми связывается с Хазарским каганатом.

В свете открывающегося многообразия различных этнических и культурных черт в СМК становится все труднее объяснить, какое же начало помогало ей сохранять облик, по выражению С. А. Плетневой, единой, в общем, культуры [38: с. 8]. На наш взгляд, важным вопросом в этом контексте является прочтение руноподобной письменности, памятники которой были найдены на блоках Маяцкого городища и других артефактах, ассоциируемых с СМК.

Эти надписи читаются разными исследователями противоречиво. Например, знаки, начертанные на одной из фляг, найденных в Подонье, прочитаны по-тюркски так: «Кумыс... кумыс наливая... в это большое отверстие, пей». Надпись на другой фляге, найденной при строительстве дороги Сальск – Царицын, является как будто бы перечнем тюркских имен [52: с. 274]. Другие исследователи читают их совершенно в ином ключе: «Резная надпись, надежды надпись, это — сосуд дома (лежбища)» и «сосуд дома (лежбища), это — дом (лежбище) — святилище. Живя в этом доме, то, что в последний раз отведаешь — водка. Пей!» [9: с. 68]. Прочие варианты прочтения разных исследователей приводит И. Л. Кызласов: «Важный посланник ант (по имени) Уму Ачыг Анту, проживающий у двустенного (второго) города»; «(Это) есть дешевое, мягкое, плохое серебро» [24: с. 173].

Подобные переводы вызывают массу вопросов, поскольку большое отверстие на деле — малое, фляга определенно предназначалась не для кумыса. Обилие имен на фляге, которую возил с собой один-единственный всадник, вызывает иронию [43: с. 74], странно и употребление в данном контексте слов «лежбище», «плохое серебро» и т. д. Видимо, неслучайно и А. М. Щербак признавал мало-перспективность прочтения салтовских рун исходя из традиционных письмен

восточных кочевников [52: с. 271], и современный тюрколог считает, что переводы классических памятников тюркского письма не помогли расшифровке восточноевропейской руники [32: с. 95].

Были попытки прочтения надписей на основе аланского или касожского (черкесского) языка, но они столь же неубедительны. Например, расшифровка Г. Ф. Турчаниновым надписи на большом камне из Маяцкого городища (по его мнению, трех разных надписей): «Урума (Грека) дочь Но (Новая). Анбал. Сауси» [43: с. 78] — также представляет собой перечень имен, только нетюркских.

Исследователи не зря проделали большую работу, пытаясь установить связи рун СМК с другими письменными системами. Так, по мнению Г. Ф. Турчанинова, сходство демонстрируют некоторые буквы глаголицы и производный от последней кириллический юс малый, особенно если иметь в виду палеографические отклонения от официального азбучного кодекса [Там же: с. 85]. И сейчас гипотезу о связях хазарских, по их мнению, надписей Подонья и глаголицы поддерживают некоторые специалисты, в частности Г. Веконь [58: с. 80]. Разнообразие в этнические трактовки добавляет и точка зрения Г. Е. Афанасьева, считающего по крайней мере одну из надписей Маяцкого городища греческой [8: с. 112].

В свою очередь, еще более ста лет назад ученые обратили внимание на сходство донских надписей с надписями на предметах клада из г. Надь-Сент-Миклош (Австро-Венгрия, Румыния), далее — НСМ [27: с. 27]. Наконец, из другой, юго-восточной части современной Румынии, из храмового комплекса Мурфатлар, происходит еще одна схожая руническая группа.

Все эти алфавиты указывают, на наш взгляд, не на восточные, а на западные связи СМК. Рунические надписи НСМ, по нашему мнению, восходят к североиталийским алфавитам [13]. Что касается памятников из Мурфатлара, то общепризнанного их прочтения не существует [31: с. 292], их знаки не похожи на известные тюркские алфавиты [24: с. 54]. Даже выделенная Н. Овчаровым по принципу близости к орхонско-енисейской местная группа знаков [57: р. 51] на деле в большинстве своем заметно отличается от тюркской классики по форме или по транскрипции.

Наиболее древние глаголические тексты также связаны с балканским регионом и Центральной Европой [50: с. 22, 30]. При этом часть знаков из Мурфатлара, чья нижняя датировка опускается к IX веку, напоминает глаголические (а также кириллические) формы; однако, как заметил Г. Веконь, они означают другие, неизвестные в славянских алфавитах фонемы [58: с. 78]. Возможно, речь идет об алфавите, послужившем в последующем образцом для глаголицы.

Вместе с тем имеется четкое указание на источник, в котором творение Мефодия (которому многие исследователи приписывают авторство глаголицы) квалифицируется как готские письмена [49: с. 48]. В этой связи нельзя пропустить свидетельство Валафрида Страбона, в IX веке отмечавшего близ

г. Томы остатки готского богослужения среди местных скифских народов [19: с. 79]. Учитывая, что именно в этой местности находится комплекс Мурфатлар и датировка сочинения франского монаха соотносится с «нижними» датами указанных надписей, их готские корни отнюдь не кажутся невозможными. На вероятность связи готского арианства, глаголицы и «русских письмен», которым обучился в Корсуни другой славянский просветитель — Кирилл, — указывал А. Г. Кузьмин [21].

Связь между предположительно (с учетом отсутствия достоверно готских рунических памятников для сравнения) готской протоглаголицей и появлением письменности СМК, в принципе, объяснима. Археологически зафиксированы волны постгуннских переселений с Дуная на территории, где позже отмечались памятники СМК. — от Нижнего Днестра до Северного Кавказа. Так, на левобережье Днестра и его притоках открыты престижные варварские захоронения конца IV–V веков, которые рассматриваются как свидетельство существования здесь германских королевств [18].

Германская волна в V–VI веках пошла дальше на юго-восток [40: с. 222–225], ее культурное влияние распространилось вплоть до Центрального Кавказа [14: с. 332; 29: с. 29], т. е. района, откуда началась миграция в донские области СМК. Среди германцев-переселенцев называют готов [3], герулов [55: с. 25–38], ругов [22: с. 166.], вообще «другие германские племена», постепенно смешивавшиеся как между собой, так и с другими этносами [25: с. 220]. Среди вещей этих мигрантов отмечены гепидские артефакты [28].

Речь могла идти как о дунайско-германском этническом, так и в первую очередь культурном импульсе [11], который постепенно смешивался с ала-но-сарматской, понтийской, римской, кавказской и прочими культурными традициями [29: с. 27]. По одной из версий, готы и руги оказались в Причерноморье и в юго-восточном Приазовье в составе иранских племен, со временем смешиваясь с ними, отчего можно говорить о руго-роксоланской этнической общности [39: с. 16].

Дунайский импульс, вероятно, продолжался и позже, чем можно объяснить влияние на СМК и пастырской керамики, и римско-византийских традиций строительства, а также ее связи с балкано-дунайской культурой бассейна Нижнего Подунавья (БДК). С. А. Плетнева долгое время развивала мысль о ней как о распространившемся на запад варианте СМК [38: с. 8], при этом начало БДК относилось к концу IX – началу X века [36]. Однако в работах румынских археологов проходит мысль о сильной восточнороманской составляющей БДК (Дриду) [56: р. 54–56]. Нижняя граница ее датировки опускается до начала VIII века [35: с. 109–110], тогда как история СМК начинается лишь со второй половины VIII века [37: с. 52–53; 17: с. 155], и, соответственно, возникает вопрос о том, какая из них влияла на другую. В. Е. Флёрова допускает, что некоторые элементы погребальной обрядности донской СМК были привнесены в VII–VIII веках мигрантами из Карпато-Дунайского бассейна [48: с. 80].

В контексте указанного нет оснований отрицать саму возможность зарождения письменности СМК под воздействием западной (дунайской, готской) традиции, перешедшей к скифским народам.

Другое дело, что влияние этой традиции на руны СМК наиболее ощутимо в одной группе памятников, локализуемой в бассейне Дона и его притоков. Есть еще и вторая группа, ассоциируемая с гораздо более широким регионом (Северный Кавказ, район современной Калмыкии, Средней Волги — по И. Л. Кызласову, этот алфавит, который он называет кубанским, распространяется в том числе и в Волжской Болгарии [23: с. 74]).

Первая группа знаков представлена незначительным числом надписей и характеризуется не очень большим количеством знаков, но в ее особенности можно записать характерные повторяющиеся сочетания, а также сочетание знаков, роднящее СМК с письменностью НСМ.

Конечно, параллели между двумя группами восточноевропейской руники присутствуют. Однако, чем их объяснить? Согласно указанию Фахр ад-Дин Мубарак-шах Мерверруди (начало XIII века), письменность хазар происходит от письмен племени русов, при этом «они пишут слева направо» [45: с. 113]. Это указание представляется интересным в свете гипотезы Д. Т. Березовца — Е. С. Галкиной о носителях СМК как русах (ар-Рус) восточных источников [10: с. 69; 15: с. 176–191]: в таком контексте первая группа знаков представляет собой письмо русов, вторая — алфавит хазар, заимствовавший из него часть рун. Многое может объяснить и написание слева направо с учетом того, что попытки прочтения надписей СМК были основаны на тюркской традиции написания в противоположном направлении.

В своей версии прочтения мы исходили из указанной близости к знакам СМК североиталийских алфавитов, а также некоторых знаков глаголицы, того, что часто встречающееся сочетание двух знаков [24: с. 276; 4: с. 264; 52: с. 274] на определенно личных вещах означает местоимение первого лица единственного числа. Мы также предположили, что сочетание знаков, похожих на DN (повторяющееся и в НСМ), читается, согласно Мерверруди, именно слева направо и означает не что иное, как сокращение от латинского *donum* — «дар», так как слово «дар» для вещей особо выделялось в европейской (североиталийской, германской) рунике [20: с. 394].

Часть этой и других анализируемых надписей написана не буквами, а слоговыми (силлабическими) знаками. Однако наш перевод отражает не тюркскую или аланскую, равно как и готскую, а вульгарно-латинскую лексику.

Так, правый фрагмент надписи (или группа надписей) [43: с. 75–76] на смежных фрагментах большого блока Маяцкого городища, которая, по Г. Ф. Турчанинову, представляет собой набор личных имен, в нашей транскрипции гласит:

ENTHEC(A) SARSI.

В переводе:

ИНВЕНТАРЬ (Я) ЧИНИЛ.

По нашему мнению, данный перевод соответствует восходящему еще к Н. Е. Макаренко мнению современных исследователей, что многие знаки Маяцкого городища представляют собой знаки мастеров [8: с. 112], технические записи его строителей. В русле той же логики, например, и аланское прочтение О. А. Мудрака: «Эти» и «Осмотр/охрана стены» [34: с. 301–302], но наш перевод представляется более цельным.

Прочтение граффити на другом камне из этого же городища [24: с. 242; 52: с. 274] затрудняет лишь то, что оно неполное — первые символы почти стерты. По нашему предположению, эти символы соответствуют латинскому FA, а вся надпись читается так:

...(FA)CEA DOCUMENT.

С учетом особенностей все той же балканской латыни (ср.: рум. făcea — «сделали», восходящее к лат. facio):

...СДЕЛАЛИ ОБРАЗЦОМ.

Наша версия: форма и размеры камня, на котором эта надпись была сделана, действительно служили шаблоном для изготовления прочих каменных блоков.

Еще одно граффити на камне Маяцкого городища [52: с. 275]:

CELLAR(E) DOM(US).

Буквально:

ХРАНИЛИЩЕ¹ ДОМА.

Очевидно, камень использовался в качестве элемента не бесфундаментной крепостной стены, а одного из полуземляночных строений внутри или вне (на селище) ее.

По нашему мнению, как и надписи на камнях, следующие две надписи на флягах (баклажках) также содержат своего рода знаки мастеров. Наиболее длинная надпись на фляге, найденной в 1942 году близ станицы Кривянской [4: с. 267; 52: с. 272], является и наиболее сложной с учетом невысокого качества прориси:

LARGI FEA SUT(A) CAMUM STICL(A) MOD?
AMB(I)ENTAM CENTRITA.

Слово sticla является готским по происхождению [46: с. 753] и перешло в другие языки, в том числе славянские, но в исходном значении — «кубок», «бутыль», «сосуд для питья» — закрепилось лишь в балканской латыни. Fea в староитальянских текстах являлось синонимом производного от facio — «сделал» [53: с. 312]. Обращение к итальянским диалектам, на наш взгляд, не является натяжкой, поскольку в современных реконструкциях балканской

¹ Исходя из [54: р. 267] — подвал.

латыни в первые постримские века она продолжала испытывать влияние из Италии.

Centrita: сравнив староитальянское *centrita* и современное румынское *centrat*, получаем значение «выравнивать по центру», «центрировать». Оно соответствует сохранившимся оттискам на флягах, судя по которым указанные сосуды частично изготавливались на гончарном круге с выпуклостью в центре. (Эту же технологию дополняла, видимо, ручная лепка или формовка, что соответствует представлениям о смешанной технике изготовления салтовской керамики [47: с. 116].) Лощение сосудов в Средневековье осуществлялось как вручную, так и на гончарном круге [51: с. 113–114].

(Я) ШИРОКОЙ СДЕЛАЛ СКРЕПЛЕННУЮ ФЛЯГУ ДЛЯ БРАГИ
ПО РАЗМЕРУ УСЕРДНО (КРУГОМ) ОБРАБОТАЛ ПО ЦЕНТРУ.

Следующий текст [24: с. 276] на роговой накладке боевого лука — той самой, рядом с которой были найдены монеты начала VIII века, мы воспроизводим как:

MEA C...S D(O) OS VEA MEA SATUM CORIG ULM(US).

На наш взгляд, в надписи отражен старый вариант слова *via* (в значении «полоска» для одежды и др.) — *vea*, который до сих пор встречается в некоторых латинских дериватах, как и форма, когда объектное местоимение выступает в качестве существительного. Пропущенное при переводе слово, по-видимому, личное имя, так как формула «Я + имя» является типичной для начала европейских рунических надписей

Я К...С СДЕЛАЛ (ОБРАБОТАЛ) ПОЛОСКУ ИЗ КОСТИ
МНОЙ ИСКУСНО ВЫПРАВЛЕН ВЯЗ.

Отметим, что указанная накладка состоит из двух роговых полосок (в обыходе рог и кость зачастую считаются одним биологическим материалом). По нашему мнению, эта надпись содержит краткое описание технологии изготовления средневекового лука, типичным деревом для которого был вяз (*лат. ulmus, рум. ulm*). Его сначала распаривали, а затем размягченной деревянной основе придавали нужную форму.

Надпись на другой из вышеупомянутых фляг-баклажек [4: с. 264; 52: с. 274], на которой, согласно указанным версиям, начертан перечень тюркских имен или нечто вроде «важный посланник ант», по нашему мнению, содержит текст:

CULTA MONIL MEA MONELLA.

От классической латыни фраза отличается лишь тем, что во втором слове отсутствует последняя буква (в творительном падеже единственного числа это «I»). MEA в данном случае, как в балканской латыни, выступает в качестве личного объектного местоимения. Получаем следующий перевод:

УКРАШЕНО ДРАГОЦЕННОСТЬЮ, МНЕ НА ПАМЯТЬ.

За ответом на вопрос, «Где же драгоценность»? следует обратиться к фотографии фляги [4: с. 263]: верх горлышка у сосуда поврежден и, скорее всего, неслучайно. Данная фляга новому владельцу или грабителю, видимо, была не нужна: его интересовали лишь камни и он забрал их.

Вульгарно-латинская лексика надписей, по нашему мнению, объяснима. Она отражает факт того, что готская письменность, в полном соответствии с вышеизложенными археологическими и письменными данными, была частью культурного импульса различных скифских народов, исходной точкой для которых было постримское Подунавье.

Очевидно, что СМК при наличии в ней столь разной этнической составляющей просто не могла сохранять отмечаемого специалистами относительно единообразия без сильных скрепляющих элементов, каковыми могли быть традиции мультинациональной культуры поздней Римской империи и сам ее язык, ставший *lingua franca* для многих народов и государств от Северной Африки до разных частей Европы. Готские руны, очевидно, были использованы для записи латинского языка в силу того, что в регионах к северу от Дуная не было альтернативы ввиду утраты там традиций классической латинской письменности в указанный период. При этом некоторые характерные для германской руники символы целиком или почти целиком сохранили и облик, и звучание (ξ), другие сменили фонетическое значение на типичное для латинской речи (ǰ — «ng» на «ea»).

Сделанные нами переводы более адекватны конкретным археологическим находкам, чем указанные выше: «сосуд дома (лежбища)» и «важный посланник ант», «дешевое, мягкое, плохое серебро» и т. д. Вместе с тем они, конечно, нуждаются в уточнении по мере находок и описаний новых артефактов СМК. Если логика переводов подтвердится, то, возможно, откроются новые перспективы в исследовании не только СМК, но и широкого круга этнокультурных процессов в Восточной Европе.

Литература

1. Аксенов В. С., Лаптев А. А. Освоение лесостепного Подонцовья в хазарское время: взгляд на проблему // Степи Европы в эпоху средневековья. Труды по археологии. Т. 12. Хазарское время. Донецк: ДонНУ, 2014. С. 25–50.
2. Алихова А. Е. Материальная культура среднецнинской мордвы. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1969. 176 с.
3. Амброз А. К. Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма VI–VII вв. // Краткие сообщения института археологии (КСИА). 1968. Вып. 113. С. 10–23.
4. Артамонов М. И. Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища // Советская археология. 1954. Вып. XIX. С. 263–268.
5. Артамонов М. И. Саркел и некоторые другие укрепления Северо-Западной Хазарии // Советская археология. 1940. Вып. VI. С. 130–167.
6. Афанасьев Г. Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? // Российская археология. 2001. № 2. С. 43–55.

7. Афанасьев Г. Е. О строительном материале и метрологии хазарско-аланских городищ бассейна Дона // Поволжская археология. 2012. № 2. С. 29–49.
8. Афанасьев Г. Е. Эволюция теоретико-методического подхода к изучению Маяцкого городища // Дивногорский сборник / под ред. А. З. Винникова. Воронеж: Научная книга, 2012. С. 93–123.
9. Байчоров С. Я. Древнетюркские рунические памятники Европы: Отношение северокавказского ареала древнетюркских рунич. письменности к волго-дон. и дунайск. ареалам. Ставрополь: Кн. изд-во, 1989. 293 с.
10. Березовец Д. Т. Про імя носіїв салтівської культури // Археологія. Київ, 1970. Вип. XXIV. С. 59–74.
11. Болгов Н. Между империей и варварами. Финал античности на Боспоре Киммерийском // Україна в Ц.-Східній Європі VI–VII. Київ, 2004. Вип. 4. С. 39–76.
12. Бубенок О. Б. Относительно участия славянского компонента в формировании салтовской культуры // Боспорские исследования. 2014. Вып. XXX. С. 301–315.
13. Виноградов А. Е. Этническая история Центральной Европы в свете надписей Надь-Сент-Миклошского клада // Locus. 2019. № 3. С. 53–69.
14. Гавритухин И. О., Казанский М. М. Боспор, тетрациты и Северный Кавказ во второй половине V–VI вв. // Археологические вести. 2006. № 13. С. 297–344.
15. Галкина Е. С. Тайны Русского каганата. М.: Вече, 2002. 432 с.
16. Готье Ю. В. Кто были обитатели Верхнего Салтова? // Известия Государственной академии материальной культуры (ИГАИМК). 1927. Т. 5. С. 65–84.
17. Казаков Е. П. Проблемы становления салтово-маяцкой культуры // Археология евразийских степей. 2017. № 1. С. 155–170.
18. Казанский М. М. Княжеские находки и центры власти гуннского времени на периферии Понтийской степи // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма (МАИАСК). 2017. Вып. 9. С. 127–137.
19. Карташов А. В. Очерки по истории русской церкви: в 3 ч. Ч. 1. М.: Юрайт, 2017. 518 с.
20. Кузьменко Ю. К. К вопросу об источниках германского футарка // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2010. № 16. С. 387–405.
21. Кузьмин А. Г. Западные традиции в русском христианстве // Введение христианства на Руси. М.: Мысль, 1987. С. 21–51.
22. Кузьмин А. Г. Начало Руси. М.: Вече, 2003. 432 с.
23. Кызласов И. Л. Новые материалы по степной рунологии Европы // Археология восточноевропейской степи. Воронеж, 2000. Вып. 14. С. 74–81.
24. Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. М.: Восточная литература, 1994. 323 с.
25. Левада М. Е. «Другие германцы» в Северном Причерноморье позднего римского времени // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2006. Вып. XI. С. 194–251.
26. Ляпушкин И. И. Памятники Салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 62. Т. 1. М.; Л.: АН СССР, 1958. С. 85–150.
27. Макаренко Н. Е. Археологические исследования 1907–1909 гг. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1911. 134 с.

28. Мастыкова А. В. Женский костюм германского происхождения в погребальном контексте ранневизантийских городов Северного Причерноморья (V–VI в. н. э.) // Вестник ВолГУ. Сер. 4. 2017. Т. 22. № 5. С. 239–251.
29. Мастыкова А. В. Женский убор населения Предкавказья в эпоху Великого переселения народов: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010. 51 с.
30. Мастыкова А. В. Зеркала типа Карповка: к вопросу о формировании салтово-маяцкой культуры Среднего Дона // Дивногорский сборник. Вып. 6: сб. трудов конференции / под ред. А. З. Винникова. Воронеж: Научная книга, 2016. С. 241–254.
31. Медынцева А. А. Надпись № 3 из Мурфатлара (с. Басараби, Румыния) // КСИА. 2019. Вып. 257. С. 291–303.
32. Мингазов Ш. Р. Тюркский каганат и болгары: первый государственный опыт интеграции Евразии // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 3. Т. 2. С. 93–97.
33. Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Высша школа, 1985. 148 с.
34. Мудрак О. А. Основной корпус восточноевропейской руники // Хазарский альманах. М., 2017. Т. 15. С. 296–416.
35. Опряну К. Х. Северодунайские земли провинции Дакия в период зарождения румынского языка (II–VIII вв.) // История Румынии: пер. с рум. / сост. И. А. Поп, И. М. Болован. М.: Весь мир, 2005. С. 37–110.
36. Плетнева С. А. Балкано-дунайская культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 75–77.
37. Плетнева С. А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII века): учеб. пособие. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. 246 с.
38. Плетнева С. А. От кочевий к городам: Салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967. 209 с. (Материалы и исследования по археологии СССР / АН СССР. Ин-т археологии; № 142).
39. Радомский Я. Л. Этнический состав Причерноморской Руси: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 20 с.
40. Рябцева М. Л. Отражение германского присутствия на Боспоре в период великих миграций в письменных и археологических источниках // Вестник Нижегородского гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 6 (3). С. 219–227.
41. Семенов А. И. К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1988. Вып. 29. С. 109.
42. Спицын А. А. Историко-археологические разыскания. Исконные обитатели Дона и Донца // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. XIX. 1909. Янв. С. 67–98.
43. Турчанинов Г. Ф. О языке надписей на камнях Маяцкого городища и флягах Новочеркасского музея // Советская археология. 1964. № 1. С. 72–87.
44. Тюрк А. Восточные корни древневенгерской культуры X в. // Древности. Исследования. Проблемы: сб. статей в честь 70-летия Н. П. Тельнова / под ред. В. С. Синики и Р. А. Рабиновича. Кишинев; Тирасполь: б/и, 2018. С. 409–424.
45. Умняков И. И. «История» Фахрэддина Мубаракшаха // Вестник древней истории. 1938. № 1 (2). С. 108–115.
46. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. М.: Прогресс, 1987. 832 с.

47. Флёров В. С. О технологии изготовления салтово-маяцкой лощеной керамики // Археология восточноевропейской лесостепи. 1999. Вып. 14. С. 111–119.
48. Флёрова В. Е. Хазарские курганы с ровиками: Центральная Азия или Восточная Европа? // Российская археология. 2001. № 2. С. 71–82.
49. Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. М.: Индрик, 1997. 319 с.
50. Хабургаев Г. А. Старославянский язык. М.: Просвещение, 1986. 288 с.
51. Цетлин Ю. Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2017. 346 с.
52. Щербак А. М. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону // Советская археология. 1954. Вып. XIX. С. 269–282.
53. Antonini (A.). *Traité de la grammaire italienne*. Paris: Ph.-N. Lottin, 1726. 480 [XXIV] p.
54. Du Cange F. C. *Glossarium mediae et infimae latinitatis*. Parisiis: Didot fr., 1842 t. II. 968 p.
55. Loewe R. *Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere*. Halle: Niemeyer, 1896. 269 [XII] s.
56. Madgearu A. The Dridu Culture and the Changing Position of Romania among the Communist State // *Archaeologia Bulgarica*. 2007. № 11–2. P. 51–59.
57. Ovcharov N. *Murfatlar script*. London, 2014. 57 p.
58. Vékony G. *Die Glagolica und Osteuropäische Schriften in der Späten Völkerwanderungszeit* // *Hungaro-Bulgarica*. V. I. Budapest: ELTE, 1986. S. 76–84.
59. Zakharov A., Arendt W. *Studia Levedica: Archaeologischer Beitrag zur Geschichte Levedia. Altungarn im IX. Jh.* Budapest: Magyar Torténeti Múzeum, 1935. 80 s.

Literatura

1. Aksenov V. S., Laptev A. A. Osvoenie lesostepnogo Podonczov`ya v hazarskoe vremya: vzglyad na problemu // *Stepi Evropy` v e`poxu srednevekov`ya*. Trudy` po arxeologii. T. 12. Hazarskoe vremya. Doneczk: DonNU, 2014. S. 25–50.
2. Alixova A. E. *Material`naya kul`tura sredneczninskoj mordvy`*. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izd-vo, 1969. 176 s.
3. Ambroz A. K. *Dunajskie e`lementy` v rannesrednevekovoj kul`ture Kry`ma VI–VII vv.* // *Kratkie soobshheniya instituta arxeologii (KSIA)*. 1968. Vy`p. 113. S. 10–23.
4. Artamonov M. I. *Nadpisi na baklazhках Novoчеркасского музея i na kamnyax Mayaczkogo gorodishha* // *Sovetskaya arxeologiya*. 1954. Vy`p. XIX. S. 263–268.
5. Artamonov M. I. *Sarkel i nekotory`e drugie ukrepleniya Severo-Zapadnoj Xazarii* // *Sovetskaya arxeologiya*. 1940. Vy`p. VI. S. 130–167.
6. Afanas`ev G. E. *Gde zhe arxeologicheskie svidetel`stva sushhestvovaniya Hazarskogo gosudarstva?* // *Rossijskaya arxeologiya*. 2001. № 2. S. 43–55.
7. Afanas`ev G. E. *O stroitel`nom materiale i metrologii hazarsko-alanskix gorodishh bassejna Dona* // *Povolzhskaya arxeologiya*. 2012. № 2. S. 29–49.
8. Afanas`ev G. E. *E`volyuciya teoretiko-metodicheskogo podxoda k izucheniyu Mayaczkogo gorodishha* // *Divnogorskiy sbornik / pod red. A. Z. Vinnikova*. Voronezh: Nauchnaya kniga, 2012. S. 93–123.

9. Bajchorov S. Ya. Drevnetyurkskie runicheskie pamyatniki Evropy': Otnoshenie severokavk. areala drevnetyurk. runich. pis'mennosti k volgo-don. i dunajs. arealam. Stavropol': Kn. izd-vo, 1989. 293 s.
10. Berezovec D. T. Pro i'mya nosiiv caltivs'koï kul'turi // Arxeologiya. Kiïv, 1970. Vip. XXIV. S. 59–74.
11. Bolgov N. Mezhdru imperiej i varvarami. Final antichnosti na Bospore Kimme-rijskom // Ukraïna v Cz.-Sxidnij Evropi VI–VII. Kiïv, 2004. Vip. 4. S. 39–76.
12. Bubenok O. B. Otnositel'no uchastiya slavyanskogo komponenta v formirovanii saltovskoj kul'tury' // Bosporskie issledovaniya. 2014. Vy'p. XXX. S. 301–315.
13. Vinogradov A. E. E'tnicheskaya istoriya Central'noj Evrop'y' v svete nadpisej Nad'-Sent-Mikloshskogo klada // Locus. 2019. № 3. S. 53–69.
14. Gavrituxin I. O., Kazanskij M. M. Bospor, tetraksity' i Severny'j Kavkaz vo vtoroj polovine V–VI vv. // Arxeologicheskie vesti. 2006. № 13. S. 297–344.
15. Galkina E. S. Tajny' Russkogo kaganata. M.: Veche, 2002. 432 s.
16. Got'e Yu. V. Kto by'li obitateli Verxnego Saltova? // Izvestiya Gosudarstvennoj akademii material'noj kul'tury' (IGAIMK). 1927. T. 5. S. 65–84.
17. Kazakov E. P. Problemy' stanovleniya saltovo-mayaczkoj kul'tury' // Arxeologiya evrazijskix stepej. 2017. № 1. S. 155–170.
18. Kazanskij M. M. Knyazheskie naxodki i centry' vlasti gunnskogo vremeni na periferii Pontijskoj stepi // Materialy' po arxeologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kry'ma (MAIASK). 2017. Vy'p. 9. S. 127–137.
19. Kartashov A. V. Ocherki po istorii russkoj cerkvi: v 3 ch. Ch. 1. M.: Yurajt, 2017. 518 s.
20. Kuz'menko Yu. K. K voprosu ob istochnikax germanskogo futarka // Indoevropejskoe yazy'koznanie i klassicheskaya filologiya. 2010. № 16. S. 387–405.
21. Kuz'min A. G. Zapadny'e tradicii v russkom xristianstve // Vvedenie xristianstva na Rusi. M.: My'sl', 1987. S. 21–51.
22. Kuz'min A. G. Nachalo Rusi. M.: Veche, 2003. 432 s.
23. Ky'zlasov I. L. Novy'e materialy' po stepnoj runologii Evrop'y' // Arxeologiya vostochnoevropeskoj stepi. Voronezh, 2000. Vy'p. 14. S. 74–81.
24. Ky'zlasov I. L. Runicheskie pis'mennosti evrazijskix stepej. M.: Vostochnaya literatura, 1994. 323 s.
25. Levada M. E. «Drugie germanczy'» v Severnom Prichernomor'e pozdnego rimsko-go vremeni // Bosporskie issledovaniya. Simferopol'; Kerch', 2006. Vy'p. XI. S. 194–251.
26. Lyapushkin I. I. Pamyatniki Saltovo-mayaczkoj kul'tury' v bassejne r. Dona // Materialy' i issledovaniya po arxeologii SSSR. Vy'p. 62. T. 1. M.; L.: AN SSSR, 1958. S. 85–150.
27. Makarenko N. E. Arxeologicheskie issledovaniya 1907–1909 gg. SPb.: Tip. Gl. upr. udelov, 1911. 134 s.
28. Masty'kova A. V. Zhenskij kostyum germanskogo proisxozhdeniya v pogrebal'nom kontekste rannevizantijskix gorodov Severnogo Prichernomor'ya (V–VI v. n. e'.) // Vestnik VolGU. Ser. 4. 2017. T. 22. № 5. S. 239–251.
29. Masty'kova A. V. Zhenskij ubor naseleniya Predkavkaz'ya v e'poxu Velikogo pereseleniya narodov: avtoref. dis ... d-ra ist. nauk. M., 2010. 51 s.
30. Masty'kova A. V. Zerkala tipa Karpovka: k voprosu o formirovanii saltovo-mayaczkoj kul'tury' Srednego Dona // Divnogorskij sbornik. Vy'p. 6: sb. trudov konferencii / pod red. A. Z. Vinnikova. Voronezh: Nauchnaya kniga, 2016. S. 241–254.

31. Medy`nceva A. A. Nadpis` № 3 iz Murfatlara (s. Basarabi, Rumy`niya) // KSIA. 2019. Vy`p. 257. S. 291–303.
32. Mingazov Sh. R. Tyurkskij kaganat i bulgary`: pervy`j gosudarstvenny`j opy`t integracii Evrazii // Vestnik e`konomiki, prava i sociologii. 2019. № 3. T. 2 S. 93–97.
33. Mixeev V. K. Podon`e v sostave Xazarskogo kaganata. Xar`kov: Vy`sshha shkola, 1985. 148 s.
34. Mudrak O. A. Osnovnoj korpus vostochnoevropskoj runiki // Xazarskij al`manax. M., 2017. T. 15. S. 296–416.
35. Opryanu K. X. Severodunajskie zemli provincii Dakiya v period zarozhdeniya rumy`nskogo yazy`ka (II–VIII vv.) // Istoriya Rumy`nii: per. s rum. / sost. I. A. Pop, I. M. Bolovan. M.: Ves` mir, 2005. S. 37–110.
36. Pletneva S. A. Balkano-dunajskaya kul`tura // Stepi Evrazii v e`poxu srednevekov`ya. M.: Nauka, 1981. S. 75–77.
37. Pletneva S. A. Kochevniki yuzhnorusskix stepej v e`poxu srednevekov`ya (IV–XIII veka): ucheb. posobie. Voronezh: Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 2003. 246 s.
38. Pletneva S. A. Ot kochevij k gorodam: Saltovo-mayaczskaya kul`tura. M.: Nauka, 1967. 209 s. (Materialy` i issledovaniya po arxeologii SSSR / AN SSSR. In-t arxeologii; № 142).
39. Radomskij Ya. L. E`tnicheskij sostav Prichernomorskoj Rusi: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 2004. 20 s.
40. Ryabceva M. L. Otrazhenie germanskogo prisutstviya na Bospore v period velikix migracij v pis`menny`x i arxeologicheskix istochnikax // Vestnik Nizhegorodskogo gos. un-ta im. N. I. Lobachevskogo. 2012. № 6 (3). S. 219–227.
41. Semenov A. I. K vy`yavleniyu central`noaziatskix e`lementov v kul`ture ranne-srednevekovy`x kochevnikov Vostochnoj Evropy` // Arxeologicheskij sbornik Gosudarstvennogo E`rmitazha. 1988. Vy`p. 29. S. 109.
42. Spicyn A. A. Istoriko-arxeologicheskie razы`skaniya. Iskonny`e obitateli Dona i Donca // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshheniya. Novaya seriya. Ch. XIX. 1909. Yanv. S. 67–98.
43. Turchaninov G. F. O yazy`ke nadpisej na kamnyax Mayaczskogo gorodishha i flyagax Novoчеркасского музeya // Sovetskaya arxeologiya. 1964. № 1. S. 72–87.
44. Tyurk A. Vostochny`e korni drevnevengerskoj kul`tury` X v. // Drevnosti. Issledovaniya. Problemy`: sb. statej v chest` 70-letiya N. P. Tel`nova / pod red. V. S. Siniki i R. A. Rabinovicha. Kishinev; Tiraspol`: b/i, 2018. S. 409–424.
45. Umnyakov I. I. «Istoriya» Faxre`ddina Mubarakshaxa // Vestnik drevnej istorii. 1938. № 1 (2). S. 108–115.
46. Fasmer M. E`timologicheskij slovar` russkogo yazy`ka: v 4 t. T. 3. M.: Progress, 1987. 832 s.
47. Flyorov V. S. O texnologii izgotovleniya saltovo-mayaczskoj loshhenoj keramiki // Arxeologiya vostochnoevropskoj lesostepi. 1999. Vy`p. 14. S. 111–119.
48. Flyorova V. E. Xazarskie kurgany` s rovnikami: Central`naya Aziya ili Vostochnaya Evropa? // Rossijskaya arxeologiya. 2001. № 2. S. 71–82.
49. Foma Splitskij. Istoriya arxiepiskopov Salony` i Splita. M.: Indrik, 1997. 319 s.
50. Xaburgaev G. A. Staroslavjanskij yazy`k. M.: Prosveshhenie, 1986. 288 s.
51. Cetlin Yu. B. Keramika. Ponyatiya i terminy` istoriko-kul`turnogo podxoda. M.: IA RAN, 2017. 346 s.

52. Shherbak A. M. Neskol'ko slov o priemax chteniya runicheskix nadpisej, najdenny'x na Donu // Sovetskaya arxeologiya. 1954. Vy`p. XIX. S. 269–282.
53. Antonini (A.). *Traité de la grammaire italienne*. Paris: Ph.-N. Lottin, 1726. 480 [XXIV] p.
54. Du Cange F. S. *Glossarium mediae et infimae latinitatis*. Parisiis: Didot fr., 1842 t. II. 968 p.
55. Loewe R. *Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere*. Halle: Niemeyer, 1896. 269 [XII] s.
56. Madgearu A. The Dridu Culture and the Changing Position of Romania among the Communist State // *Archaeologia Bulgarica*. 2007. № 11–2. R. 51–59.
57. Ovcharov N. *Murfatlar script*. London, 2014. 57 p.
58. Vékony G. *Die Glagolica und Osteuropäische Schriften in der Späten Völkerwanderungszeit* // *Hungaro-Bulgarica*. V. I. Budapest: ELTE, 1986. S. 76–84.
59. Zakharov A., Arendt W. *Studia Levedica: Archaeologischer der Beitrag zur Geschichte Levedia*. Altungarn im IX. Jh. Budapest: Magyar Torténeti Múzeum, 1935. 80 s.

A. E. Vinogradov

Don Runes and the Genesis of the Saltov-Mayatsk Culture

The question of the genesis of the Saltovo-Mayatsk archaeological culture becomes more and more urgent as the diversity of its ethnic picture is revealed. The runic monuments of the Don basin could have brought some clarity, but attempts to decipher them from the Turkic or Iranian languages did not give convincing results. At the same time, the parallels of the Don runes with the Balkan alphabets in origin give grounds for phonetic comparisons. The translations received reflect the vernacular vocabulary that may reflect influences from the Danube as well as cultural influences from the former provinces of Rome.

Keywords: runic writing; Saltov culture; movement; vulgar latin; Danube.

УДК 929(470)"1690/1712"

DOI 10.25688/2076-9105.2020.40.4.02

Н. Ю. Болотина

Московские страницы жизни детей Петра Великого — Алексея, Анны и Елизаветы (1690–1712)¹

Статья посвящена первым годам жизни детей Петра Великого — Алексея, Анны и Елизаветы, — которые они провели в Москве. Документы Мастерской и Оружейной палаты позволяют рассмотреть вопросы организации быта и праздников царевича Алексея Петровича, его воспитания и образования. Письма сестры Петра I, царевны Натальи Алексеевны, рассказывают о детстве Анны и Елизаветы до заключения брака царя с Екатериной Алексеевной.

Ключевые слова: Петр I; Москва; царская семья; архивные источники; педагогика.

В преддверии празднования 350-летнего юбилея со дня рождения Петра Великого неослабевающий интерес к жизни и деятельности царя-реформатора приобретает новую актуальность. Важное значение для понимания его личности и эпохи имеет исследование взаимоотношений Петра I с членами семьи, но основное внимание историков было направлено на сюжеты, связанные с трагическими и переломными событиями в окружении царя, — соправительство царевны Софьи Алексеевны, ссылка первой супруги Евдокии Лопухиной, дело царевича Алексея, коронация Екатерины Алексеевны. Персонификация близких царя и выявление их места и роли в его жизни позволит сделать образ монарха более объемным и глубоким, приблизиться к пониманию личности Петра Великого, изменить сложившиеся стереотипы и историографические мифы о Петровской эпохе.

В научной литературе и публицистике неоднократно отмечалось, что Петр I не любил Москву — город, в котором он родился. Он боялся скрывавшихся в ее закоулках заговоров, но тем не менее большая часть его жизни прошла именно в древней столице: здесь он венчался на российский престол, праздновал Полтавскую победу, короновал свою вторую супругу Екатерину Алексеевну. В Москве родились и провели первые годы своей жизни его дети — Алексей, Анна и Елизавета. Трагическая судьба царевича Алексея Петровича хорошо известна историкам, его жизни и кончине посвящено несколько исследований, и традиционно в каждой работе о Петре I и его эпохе

¹ Статья подготовлена в рамках реализации гранта РФФИ № 20-09-42033.

отводится место для описания сложных взаимоотношений царя с сыном и драматической развязке их конфликта (см.: [6]; из последних работ можно назвать: [2: с. 345–390; 11]).

Сосредоточивая внимание на последних годах жизни Алексея Петровича, исследователи, как правило, схематично изображали время детства и юности царевича. Образ его жизни, воспитание и первоначальное образование были традиционными для наследников государей, чье детство проходило в московских хоробах и подмосковных дворцах. Домашний быт царской семьи на рубеже XVII–XVIII веков был устроен в традициях московской старины, и европейские нововведения лишь постепенно проникали в него, начиная превращать его в императорский церемониал.

По мере взросления Алексея Петровича стали одевать по европейскому образцу и отдали иностранным учителям. Быт царской семьи обеспечивала Мастерская и Оружейная палата, богатейший архив которой хранится в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Документы этого учреждения дают прекрасную возможность узнать о детских годах Алексея Петровича. Все распоряжения о порядке его обучения и организации быта оформлялись царскими указами, адресованными, как правило, боярину, князю Петру Ивановичу Прозоровскому, который руководил организацией жизни царского двора.

Царевич Алексей Петрович родился вскоре после заключения брака Петра I с Евдокией Федоровной Лопухиной — 16 февраля 1690 года. По обычаям того времени служащих московских приказов награждали деньгами по случаю рождения ребенка в царской семье. Петр I радовался первенцу, но историки едины во мнении, что, по мере того как чувства царя к супруге охладевали, а его самого увлекали военные забавы и развлечения Немецкой слободы, интерес и внимание отца к Алексею ослабевали [6: с. 14]. Когда мальчику исполнилось шесть лет, царь определил в учителя к нему певческого дьяка Никифора Константиновича Вяземского, который 2 июня 1696 года в благодарственном письме к Петру I писал о начале обучения: «Благословенному и царских чресл Твоих плоду светлопорфирному великому государю царевичю и великому князю Алексею Петровичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии сотворил о безначалном Алфы начало, что да будет всегда во всем забрало благо» [10]. Никифор Вяземский 29 июля 1696 года докладывал о том, что Алексей «в немного ж времени совершенное литер и слогов по обычаю аз-буки учит Часослов» [7: с. 592].

В материалах архива Оружейной палаты сохранились записи о выдаче Никифору Вяземскому жалованья, в том числе указ Петра I от 14 марта 1698 года об изготовлении богатого наряда: «верхней суконной кафтан кармазиновой испод подложить лисей черевей, опушить пухом бобровым; исподней кафтан отласной выстегать на бумаге хлопчатой, подложить киндяком под пушину чем пристойно, снурок и пуговицы нашить, какие пристойно; штаны отласные стежные; шапку бархотную с соболем» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 33462. Л. 1).

Большой вклад в образование Алексея Петровича внес русский писатель и поэт, иеромонах московского Чудова монастыря Карион Истомина, который написал для него несколько букварей. Они изготовлялись также типографским способом для использования в воспитании детей московских вельмож. Буквари были богато иллюстрированы, как предписывал современный Кариону Истомину принцип наглядности обучения, а для большей увлекательности картинки представляли всевозможные диковины: астрологические символы, изображения античных богов, муз, животных. Иллюстрации и орнаменты автор оформил на западный манер: мужчины в европейских платьях, а те, которые были одеты в русское, изображались без бороды.

Особо можно отметить сочинение Кариона Истомина «Град Царства небеснаго»² (1694), в котором содержались рассказы о науках: грамматике, синтаксисе, пиитике, риторике, диалектике, арифметике, геометрии, философии, астрономии, теологии, музыке и врачевании, а также о странах и частях света, временах года, частях суток. Следует отметить, что труды Кариона Истомина были первыми в России учебными пособиями, в которых признавалась необходимость обучения грамоте не только мальчиков, но и девочек. Можно предположить, что дочери Петра I от брака с Екатериной Алексеевной — Анна и Елизавета — в детские годы постигали азы грамоты по тем самым букварям, которые изготовлялись для царевича Алексея Петровича.

Благодаря сохранившимся в фонде Оружейной палаты документам мы можем узнать имена женщин, составлявших штат царевича Алексея Петровича и занимавшихся обеспечением его быта. Так, например, 18 мая 1698 года состоялся указ о выдаче денежного жалованья «маме» супруги брата царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной Ивана — Прасковье Алексеевне Нарышкиной (ур. Лыковой-Оболенской), боярыне Авдотье Семеновне Нестеровой, казначее Татьяне Всеволожской, пяти постельницам во главе с Ариной Кормилицыной — всего им приказано «дать денег пятьдесят пять рублей дватцать три алтыне две деньги» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 33360. Л. 1).

Обязательным элементом воспитания, обучения и подготовки наследника престола было духовное образование, чтение богослужебных книг и участие в церковно-придворных церемониях. Главной книгой для всех русских людей было Евангелие, в царской семье церковные книги, написанные золотом и киноварью, облачались в богатые переплеты. По указу Петра I 30 марта 1699 года в хоромы наследника престола Алексея Петровича было внесено три четверти красного флорентийского бархата на «оболочку Евангелия», а в сентябре 1701 года сделан киот для двенадцатых месячных Миней и оклад к образу Тайной вечери (РГАДА. Ф. 396. Д. 33791. Л. 1; Д. 35476. Л. 1; Д. 35489. Л. 1).

Важной частью жизни царского двора традиционно были походы на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. Царь Петр I в детстве вместе с родителями, старшими братьями и сестрами путешествовал на богомолья, следовал

² В научной традиции книга известна под названием «Полис».

давной традиции и его сын. В мае 1698 года для сопровождавших в поездке Алексея Петровича «мамы» и других чинов в Конюшенном приказе была изготовлена «карета с окончины, а в ней четыре возника, четыре кореты с лапами, а в них по два возника, рыдван казенной о четырех возниках, два рыдвана малых, а в них по два возника» (РГАДА. Ф. 396. Д. 33370. Л. 1).

Значительными событиями в жизни всего русского народа и царской семьи были церковные торжества Вербного воскресения и Пасхи. С первой половины XVII века в Вербную неделю на Красной площади на Лобном месте стали устанавливать большое наряженное овощами, фруктами и плодами вербное дерево на специально устроенных санях-колеснице [4: с. 409]. Обычно в дни, предшествующие Пасхе, украшались и комнаты членов царской семьи, в том числе и царевича Алексея Петровича. 15 марта 1699 года в его хоромы велено было сделать «вербу нарядную большую к неделе ваии» по образцу прежних. Для ее наряда было использовано 2000 листов зеленых, причем 500 с одной стороны были позолочены, а 500 с другой — посеребрены. Эти искусственные листья вошли в моду при царе Алексее Михайловиче благодаря мастерам Немецкой слободы.

Дерево в комнатах царевича украшалось различными плодами и фруктами, и, согласно приказу Ф. А. Головина, для него предназначалось «навесных овощей: 10 яблок наливу, 10 яблок скруту, смокве фунт с четью, изюму винных ягод отборных по 2 фунта, рожков полфунта, орехов грецких 100» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 33762. Л. 1об.). Этот символ Вербного воскресения — праздника входа Иисуса Христа в Иерусалим, — горящее золотыми и серебряными листочками, увешанное белыми яблоками, инжиром, изюмом и грецкими орехами дерево было более скромным, чем в раннем детстве царевича. По сведениям, приведенным историком И. Е. Забеленным, в 1693 году вербу для Алексея Петровича украшало 10 больших, 30 средних, 50 малых яблок, 10 больших дуль, 40 средних и малых груш, 30 слив, 30 лимонов разных размеров, 20 птичек и 20 бумажных листов, а также инжир, изюм, рожки и грецкие орехи [4: с. 415].

Традиционным церемониалом Пасхи и всей Пасхальной недели было поднесение даров и особенно пасхальных яиц. Государь каждый день после обедни принимал поздравление от всяких чинов людей, жаловал их к руке и одарял крашеными яйцами. Такой обычай выполняли и другие члены царской семьи, для которых в Оружейной палате делались специальные раскрашенные красками пасхальные яйца. Так, 20 марта 1699 года Ф. А. Головин приказал на Пасхальную неделю для царевича Алексея Петровича и царевен изготовить расписные по золоту «сто пятьдесят яиц деревянных точеных тощих, в том числе пяток против лебязьих, десять яиц против гусиных, пятьдесят яиц против утиных, семьдесят яиц против курячих, пятьдесят яиц против голубиных» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 33772. Л. 1).

В мае 1697 года по указу Петра I, вероятно, для детских игр семилетнего Алексея предписывалось изготовить в Казенном приказе шатер из алого

моченого кармазинового сукна «с орлы и с травы, какие пристойно», подложить его камкой или тафтой, петли и шнуры сделать красные шелковые, а намет на полатку «отласной червчатой клееной», и подшить его тесьмой (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 37011. Л. 1).

В сентябре 1697 года для благоустройства комнат царевича и наследника престола из Казенного приказа на обивку двери было выдано «полтретья аршина сукна красного аглинского», а 20 октября 1698 года доставлены дорогие ткани: «бархату виницейского полтретья аршина, флоренского два аршина, отласу китайского полтора аршина, тафты десять аршин, четыре киндяка разных цветов, камки китайской разных цветов», которые приняла «мама» Прасковья Алексеевна Нарышкина (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 33091. Л. 1; Д. 33546. Л. 1). В январе 1699 года по царскому указу в хоромы царевича Алексея в Казенном приказе был сделан полавочник — покрывало на пристанную лавку из «сукна анбургского красного без каем, подложить крашениною» в одно полотнище (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 33682. Л. 1). В это время царевич занимал в Кремле четыре каменные комнаты «над оружейными нижними и над сушильными полатами с приходу от церкви Похвалы Богородицы» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 34220. Л. 1).

В октябре 1701 года хоромы царевича в Преображенском по указу Петра I были украшены живописной росписью по полотну на библейские сюжеты. «Искусным письмом» указывалось изобразить картины Евангельских притч страстей Христа: «Когда Иисус вниде во училище», «О браце в Кане Галилейстем», «Пятня хлебы пять тысяч насытивоси», «Когда на мори в ветру и морю Христос запрети», «Страсть спасительная, какая пристойно», «Страсть, которая пристойна» в двух вариантах, «О пророке Илии, когда студныя иереи закла», «О Есфире», «Притча Соломона. Премудрость созда себе храм и утверди седьмь столп», «Первое на десять из Евангелия, когда Мария Магдолина Христа в Вертограде вопрошавше» и др. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 35705. Л. 1–2). Картины должны были быть разного размера, написаны красками и золотом, а срочную работу поручили лучшим живописцам Оружейной палаты М. Ф. Чоглокову (упом. в 1678–1723 гг.) с товарищами. Придворный художник в 1684 и 1685 годах расписывал комнаты царицы Натальи Кирилловны и царевен, дочерей Алексея Михайловича, — Софии, Екатерины, Марии, Феодосии и Наталии, специализировался на изображении сюжетов Евангельских притч, в 1692 году написал 11 икон на холсте для царского дворца на Плещеевом озере, с 1694 года был жалованным живописцем Оружейной палаты, в 1701–1704 годах стоял во главе живописной мастерской³. О работе Чоглокова по написанию картин для царевича Алексея сведений в литературе до настоящего времени не было.

³ Чоглоков Михаил Иванов [Электронный ресурс] // Словарь русских иконописцев XI–XVII веков. URL: http://rusico.indrik.ru/artists/ch/choglokov_mi/index.shtml?adm=7e1d80667861e7d0f4695c9e41ea1302 (дата обращения: 16.10.2020).

Даже самые незначительные вопросы, связанные с изготовлением одежды, обуви и предметов быта для будущего наследника престола Алексея Петровича, оформлялись царскими указами и фиксировались в документах Мастерской и Оружейной палаты. Материалы ее архива отражают изменения в костюме Петра I, царевича Алексея Петровича и придворных вельмож, произошедшие после указа от 4 января 1700 года [19: с. 1, № 1741] об обязательном введении иноземного платья на манер венгерского и последующих повелений о включении в гардероб французского и немецкого платья. Печатные листы с указом о венгерском платье были прикреплены ко всем воротам в Кремле и Китай-городе, а для их охраны поставлены солдаты Гайдуцкого полка, формой которых было как раз венгерское платье по польской моде, и, таким образом, они стали своеобразным образцом, как правильно следовало одеваться мужчинам (РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 9. Д. 767. Л. 324–327).

С детства Алексея Петровича одевали в иностранное платье и окружали европейскими предметами быта, что соответствовало и образу жизни самого Петра I, и его политике по европеизации внешнего вида российского дворянства. В январе 1700 года для царевича Алексея были куплены немецкие башмаки и четыре пары чулок, пара стальных пряжек и другие товары (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 34277. Л. 1). В марте того же года в Немецкой слободе у голландца А. З. Гордона был приобретен немецкий ореховый поставец — невысокий шкаф для посуды «о дву затворах, в нем ящики выдвигаемые небольшие», а также изготовлены чоботы и башмаки из алого сафьяна с подкладкой из камки и черного сафьяна (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 34353. Л. 1; Д. 34419. Л. 1). В сентябре 1701 года по указу Петра I для Алексея в Оружейной палате сшили «плащ немецкой суконной красной кружевы золотными» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 35458. Л. 1).

По достижении десятилетнего возраста Петр I стал брать царевича в военные походы, и все мероприятия марта 1700 года по изготовлению одежды, покупке обуви, приведению в порядок оружия Алексея Петровича были связаны с подготовкой его поездки как наследника престола в Воронеж, где в это время уже находился царь. В Воронеже царевич Алексей стал свидетелем спуска на воду легендарного 58-пушечного парусного линейного корабля «Гото Предестинации» («Божье Предведение»), строительство которого началось на воронежской верфи 19 ноября 1698 года по чертежам самого царя. Специально, для того чтобы подчеркнуть статус царственного мальчика, в Оружейной палате для него было сделано маленькое морское трехполосное знамя из тафты «и на нем написать с обе стороны по золоту орел прописной з державою и скипетром» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 34386. Л. 1).

Особый интерес представляют документы из архива Оружейной палаты, зафиксировавшие мерки, снятые 9 декабря 1703 года для пошива камзола и штанов тринадцатилетнему царевичу Алексею. Они позволяют представить, как выглядел юный наследник престола. Так, например, у него был «стан в плечах пол аршина» (аршин — 0,7112 м), «рукава длина от спинки до локтя

11 вершков» (вершок — 4,4 см), всего камзол должен был быть длиной 1 аршин с вершком, а длина штанов — аршин без двух вершков (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 36196. Л. 1–2).

С взрослением Алексея Петровича его приучали к военному делу и специально для него изготавливали в Оружейной палате детские образцы оружия. Так, например, 3 марта 1700 года для изготовления пояса к кортику царевича были куплены шелковая тесьма, золотой шнурок и двенадцать золотников «золотного лиита», а для его обихода приобретена еще и гамалейка — коробочка для драгоценностей, «медная золоченая резная с лиитом золотным по малиновой земле» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 34371. Л. 1). В Преображенском у царевича Алексея был свой маленький арсенал, в который входила пара пистолетов немецкой работы с полукруглыми стволами и ореховыми станками с железной оправой (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 34379. Л. 1).

Вопросы военного образования, необходимого для будущего российского государя, нашли свое отражение в программе воспитания царевича Алексея Петровича, разработанной приглашенным на русскую службу членом Прусской академии наук, «уроженцем цесарской земли», воинским советником, бароном Генрихом Гюйссеном. Его идеи легли в основу подписанного 22 апреля 1703 года наказа Петром I об учении Алексея. Следует обратить особое внимание на то, что это первый в истории Дома Романовых документ, содержащий последовательное расписание занятий наследника престола, и, таким образом, программа воспитания и образования Алексея демонстрирует идеи Петра I по отношению к знаниям и навыкам, необходимым для образования будущего монарха.

Мальчик должен был овладеть военными науками и в результате через два года иметь представление «о всех потребных военных искусствах, яко же фортификации, артиллерии, о атаках или нападениях и оборонах крепостей, о боях, воинских правилах и вымыслах и прочее, тако ж о архитектуре гражданской, навигации» [13: приложения, с. 304]. Посещение вместе с Петром I воронежских верфей и спуск корабля должны были способствовать обучению Алексея военной премудрости. Для получения практических навыков он в должности солдата бомбардирской роты участвовал во взятии Ниешанца в 1703 году и осаде Нарвы в 1704 году.

Сохранившиеся в РГАДА документальные свидетельства позволяют реконструировать мельчайшие обстоятельства организации быта царевича Алексея Петровича в годы его детства и взросления. Мы видим наследника престола, окруженного вниманием и заботой, начинающего познавать свое предназначение через участие в походах отца со своим маленьким знаменем. Ничего еще не предвещало трагедии, которая окончила жизнь Алексея — первенца Петра Великого.

В Москве родились и провели детство внебрачные дети Петра I — Анна и Елизавета. К сожалению, этот этап их жизни не отразился в официальном

делопроизводстве и мы не знаем подробностей их быта. Все биографии Елизаветы Петровны включают описание ее детских лет, повторяя свидетельства об образовании и воспитании, приведенные в работах М. И. Семевского и К. Валишевского [12; 3], но основное внимание сосредоточивалось на политической борьбе, дворцовом перевороте и событиях правления.

Анна Петровна родилась 27 января 1708 года, но ее имя не упоминалось ни в официальных документах, ни в переписке Петра I с Екатериной Алексеевной. Больше повезло любимице царя — Елизавете Петровне. Впервые ее имя встречается в знаменитом письме Петра Великого от 1 мая 1710 года с корабля «Лизета», в котором отец просил особо поклониться четырехмесячной доченьке — «четвертной лапушке» [8: с. 13–14, № 19]. Семевский приводит свидетельство историка П. И. Крекшина о том, как 18 декабря 1709 года Петр I, вступая в Москву после знаменательной Полтавской победы, получил из Коломенского известие о рождении дочери. Он остановил шествие, объявил о радостном событии и отправился в родовую вотчину Коломенское повидать новорожденную [12: с. 209–210].

Заботу о дочерях Петра I и Екатерины Алексеевны в отсутствии родителей брала на себя младшая сестра царя — царевна Наталья Алексеевна. Она по-доброму отнеслась к любимой женщине брата и в письмах к ней постоянно сообщала о здоровье девочек и всех событиях, связанных с ними. В одной из первых постсоветских биографий Елизаветы Петровны историк В. П. Наумов ошибочно указывал, что Анна и Елизавета во время Прутского похода 1711 года были поручены А. Д. Меншикову и бегали в его петербургском дворце [5: с. 353].

Благодаря письмам Натальи Алексеевны мы можем узнать, какие первые слова начала говорить маленькая Анна Петровна, которая ходила по дворцу в Преображенском на помочах: «гаварит тятя, мама, так, дай, кака...», а 29 сентября 1709 года тетюшка уже писала о том, что Анна научилась танцевать французские менуэты [1: с. 16, № 2; с. 17, № 5].

Особо ценно для истории ее послание от 11 марта 1711 года из Преображенского к Екатерине, сопровождавшей царя в Прутском походе: «Известную вам, детки ваши и май в добрам здравии. Были со мною в Чудове и в соборе, и волосы Лизанке сняли. Перевезла их к себе, слава Богу, здорова» [1: с. 17, № 6]. И рядом с документом редкая для исследователей находка — к письму был приложен конвертик с прядью детских волос, снятых с будущей императрицы Всероссийской в Чудовом монастыре. Можно только предполагать, какие чувства испытали родители, когда получили эту драгоценную весточку из дома в военном походе. 24 июля 1711 года царевна Наталья Алексеевна сообщала о новых успехах маленькой Елизаветы: «И царевна Елизовет Петровна почынает адна хадить, толька еще худо гаварит» [1: с. 17, № 8].

Одно из сохранившихся писем позволяет говорить о том, что Петр I испытывал особое отношение к своей «четвертной лапушке»; возможно, дочь была для него своеобразным символом Полтавской победы, которая навсегда

изменила положение России в мире и стала важнейшим поворотным событием Северной войны. Можно предположить, что в августе 1711 года Елизавета заболела или даже была угроза ее жизни, и царевна Наталия 28 августа 1711 года писала к Екатерине Алексеевне: «Да отпишы, свет мой, не печалитца ль братец по Лизетке, ваистинну и я zelo печалилась, как услышела, что ана была ему, государю, угодна и бес таво ему печали многа» [1: с. 18, № 10].

Дети подрастали, и уже спустя несколько лет тетушка писала об их успехах в обучении: «Царевна Анна Петровна изрядно учьица немецкаго языка и не леницца. Царевна Елизовет Петровна больше гаварит по немецки, нежели по русски» [1: с. 21, № 20]. После переезда из Москвы в Петербург царские дочери поселились в выстроенном на берегу Невы в 1711–1712 годах втором Зимнем дворце, а с кончиной в 1716 году царевны Натальи Алексеевны заботы о них во время отъезда Петра I и Екатерины Алексеевны из Петербурга возлагались на князя А. Д. Меншикова.

Обращение к московским страницам жизни детей Петра Великого позволяет нам с нового исторического ракурса посмотреть на семью царя-реформатора, увидеть известных исторических персонажей во времена их младенчества и взросления, беззаботных игр в кремлевских палатах и подмосковном Преображенском, когда еще ничего не предвещало трагических событий в их судьбах.

Литература

1. Болотина Н. Ю. Эпистолярное наследие женщин царской семьи (первая треть XVIII в.) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: альманах. М.: Студия «Тритэ»; Рос. архив, 2011. [Т. XX]. С. 11–70.
2. Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 544 с.
3. Валишевский К. Дочь Петра Великого. М.: Мир книги, 2007. 432 с.
4. Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. 3-е изд., с доп. Т. 2. М.: Т-во Тип. А. И. Мамонтова, 1901. 788 с.
5. Наумов В. П. Елизавета Петровна // Романовы: Исторические портреты: Книга первая. Михаил Федорович – Петр III. М.: Армада, 1997. С. 486–558.
6. Павленко Н. И. Царевич Алексей. М.: Молодая гвардия, 2008. 304 с.
7. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. СПб.: Гос. тип., 1887. 888 с.
8. Письма русских государей и других особ царского семейства. М.: Тип. Орлова, 1861. Вып. 1. 166 с.
9. Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II-го Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. 4. 881 с.
10. Никифор Вяземский, воспитатель царевича Алексея Петровича, 1696 г. Сообщ. А. Н. Труворов // Русская старина. 1891. Т. 70. № 4–6. С. 602.
11. Рыженков М. Р. Первая трагедия в «Доме Романовых»: дело царевича Алексея Петровича. 1718 г. // Вестник архивиста. 2013. № 1. С. 151–170.

12. Семевский М. И. Елизавета Петровна до восшествия своего на престол. 1709–1741 // Русское слово. 1859. № 2. С. 209–278.
13. Устрялов Н. В. История царствования Петра Великого. Т. 6. Царевич Алексей Петрович. СПб.: Тип. II-го Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1859. 660 с.

Literatura

1. Bolotina N. Yu. E`pistol'noye nasledie zhenshhin czarskoj sem`i (pervaya tret` XVIII v.) // Rossijskij Arxiv: Istoriya Otechestva v svidetel'stvax i dokumentax XVIII–XX vv.: al`manax. M.: Studiya «Trite`»; Ros. arxiv, 2011. [T. XX]. S. 11–70.
2. Bushkovich P. Petr Velikij. Bor`ba za vlast` (1671–1725). SPb.: Dmitrij Bulanin, 2009. 544 s.
3. Valishevskij K. Doch` Petra Velikogo. M.: Mir knigi, 2007. 432 s.
4. Zabelin I. E. Domashnij by`t russkix czarej v XVI i XVII stoletiyax. 3-e izd., s dop. T. 2. M.: T-vo Tip. A. I. Mamontova, 1901. 788 c.
5. Naumov V. P. Elizaveta Petrovna // Romanovy`: Istoricheskie portrety`: Kniga pervaya. Mixail Fedorovich – Petr III. M.: Armada, 1997. S. 486–558.
6. Pavlenko N. I. Czarevich Aleksej. M.: Molodaya gvardiya, 2008. 304 s.
7. Pis`ma i bumagi imperatora Petra Velikogo. T. 1. SPb.: Gos. tip., 1887. 888 s.
8. Pis`ma russkix gosudarej i drugix osob czarskogo semejstva. M.: Tip. Orlova, 1861. Vy`p. 1. 166 s.
9. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. SPb.: Tip. II-go Otdeleniya Sobstv. E. I. V. Kancelyarii, 1830. T. 4. 881 s.
10. Nikifor Vyazemskij, vospitatel` czarevicha Alekseya Petrovicha, 1696 g. Soobshh. A. N. Truvorov // Russkaya starina. 1891. T. 70. № 4–6. S. 602.
11. Ry`zhenkov M. R. Pervaya tragediya v «Dome Romanovy`x»: delo czarevicha Alekseya Petrovicha. 1718 g. // Vestnik arxivista. 2013. № 1. S. 151–170.
12. Semevskij M. I. Elizaveta Petrovna do vosshestviya svoego na prestol. 1709–1741 // Russkoe slovo. 1859. № 2. S. 209–278.
13. Ustryalov N. V. Istoriya czarstvovaniya Petra Velikogo. T. 6. Czarevich Aleksej Petrovich. SPb.: Tip. II-go Otdeleniya Sobstv. E. I. V. Kancelyarii, 1859. 660 s.

N. Yu. Bolotina

Moscow Pages of the Life of Peter the Great's Children — Alexey, Anna and Elizabeth (1690–1712)

The article examines the first years of life of Peter the Great's children — Alexey, Anna and Elizabeth, which they spent in Moscow. Documents of the Workshop and the Armory allow us to consider the organization of life and holidays of Tsarevich Alexey Petrovich, his upbringing and education. Letters from Peter I's sister Princess Natalia Alekseevna tell about the childhood of Anna and Elizabeth before the Tsar's marriage to Catherine Alekseevna.

Keywords: Peter I; Moscow; the royal family; archival sources; pedagogy.

УДК 94(470.332)(=17)"18"

DOI: 10.25688/2076-9105.2020.40.4.03

А. Ф. Гавриленков

Переселенцы из прибалтийских губерний в Смоленской губернии (1884–1889): религиозный аспект

В статье рассматривается процесс переселения латышей и эстонцев из прибалтийских губерний в Смоленскую губернию в 1884–1889 годах. Переселенцы обосновались в восьми уездах Смоленской губернии из двенадцати. Одни переселенцы становились арендаторами помещичьих либо крестьянских земель, другие — собственниками земли. По вероисповеданию переселенцы были лютеранами и православными. Большинство семей переселенцев были православными. Незначительное количество семей переселенцев относились к категории смешанных семей. Переселившись в Смоленскую губернию, православные латыши испытывали трудности с реализацией духовных потребностей. Часть верующих латышей порывала связь с православной церковью, нарушала религиозные нормы и правила. Сделан вывод о том, что переселившиеся из прибалтийских губерний латыши и эстонцы испытывали трудности адаптации в новых для себя условиях, прежде всего религиозного характера.

Ключевые слова: прибалтийские губернии; Смоленская губерния; социальный состав переселенцев; православные; лютеране.

Проблема переселения части латышского и эстонского населения во внутренние губернии Российской империи во второй половине — конце XIX века нашла отражение в трудах как дореволюционных, так и современных российских и зарубежных исследователей. Латвийский исследователь Х. Стродс определил причины начала переселения латышских крестьян во внутренние губернии в 40–60-е годы XIX века [18]. Предысторию и процесс переселения латышских крестьян в Новгородскую губернию в последней трети XIX века описала Т. Е. Кузнецова [5].

Значительная часть современных исследований посвящена переселению латышского населения в Уфимскую губернию и Западную Сибирь [3; 4; 6–8; 16; 19] и эстонского населения — в Пермскую и Уфимскую губернии [15; 20].

В 2007 году вышла статья А. Ф. Гавриленкова «Православное латышское население на территории Смоленской губернии в конце XIX — начале XX века», посвященная положению православного латышского населения, которое не могло удовлетворять свои духовные потребности на территории Смоленской губернии в силу того, что не знало русского языка, а местные православные священники не знали латышского языка [1].

Вместе с тем следует сказать, что проблема переселения части латышского и эстонского населения в Смоленскую губернию в последней четверти XIX века до сих пор не получила отражения в научной литературе.

Автор данной статьи ставит цель рассмотреть процесс переселения части латышского и эстонского населения в Смоленскую губернию в 1884–1889 годах с акцентированием внимания на религиозном аспекте в жизни переселенцев. При этом автор вводит в научный оборот новый архивный материал, позволяющий создать представление о переселении части населения из прибалтийских губерний в Смоленскую губернию в указанных исторических рамках.

Массовое переселение части латышского и эстонского населения прибалтийских (Курляндской и Лифляндской. — *А. Г.*) губерний в Смоленскую губернию происходило в 1884–1889 годах. Тем не менее в отчете Духовной консистории за № 9965 от 20 августа 1887 года отмечалось, что переселенцы из Лифляндской губернии появились в Смоленской губернии еще в 1881–1882 годах. Так, в 1881 году две семьи переселились в Дорогобужский уезд, а в 1882 году — одна семья в Гжатский уезд (ГАСО. Ф. 48. Оп. 2. Д. 960. Л. 69).

Целью массового переселения из прибалтийских губерний, как отмечает Н. Н. Садофьева, были «избыток рабочих рук в сельском хозяйстве и жестокий экономический гнет немецкого дворянства» [15: с. 93]. Один из переселенцев в Смоленскую губернию уже по прошествии двадцати лет указывал, что целью переселения было «освободиться от рабства Лифляндских баронов» [9: с. 703].

По спискам уездных исправников Смоленской губернии было выявлено 1370 переселенцев. Большая часть переселенцев представляла уезды Лифляндской губернии: Валкского, Венденского, Верроского, Вельмарского, Дерптского, Рижского — всего 1351 человек (ГАСО. Ф. 48. Оп. 2. Д. 960. Л. 14–14 об., 24–27, 29–39, 42–44 об., 51–66 об., 69–70, 88–89). Незначительная часть переселенцев — 19 человек — была представлена крестьянами Фридрихштадтского уезда Курляндской губернии (ГАСО. Ф. 48. Оп. 2. Д. 960. Л. 35, 54 об. — 55 об.). Материалы дела 960 не позволяют точно установить по спискам, сколько переселенцев являлись латышами и эстонцами. В списках переселенцев по ряду уездов указывалась категория «латыши», в других случаях — «латыши и эсты» (ГАСО. Ф. 48. Оп. 2. Д. 960. Л. 24–27 об., 30–31, 34 об.–39, 69).

Как правило, переселенцы из прибалтийских губерний селились в деревнях, селах, сельцах или имениях на берегу ручья, реки или озера [17: с. 33, 38, 43, 53, 61, 62, 70, 328, 329 и т. д.]. В основном они были крестьянами. Вместе с тем часть крестьян Лифляндской губернии была причислена к мешанству Витебской и Псковской губерний (ГАСО. Ф. 48. Оп. 2. Д. 960. Л. 36, 38, 38 об., 59 об.–61 об., 65 об.). Один из переселенцев являлся почетным гражданином (ГАСО. Ф. 48. Оп. 2. Д. 960. Л. 51).

В 1884–1885 годах переселенцы направлялись в Бельский, Гжатский, Духовщинский и Поречский уезды. В отношении Смоленского губернского правления за № 7169 от 30 сентября 1885 года на имя Смоленской духовной

консистерии отмечалось: «...переселенцев в остальных уездах губернии, как видно из донесений Полицейских Управлений, не имеется» (ГАСО. Ф. 48. Оп. 2. Д. 960. Л. 22). Затем переселенцы появились в Дорогобужском, Ельнинском, Рославльском и Смоленском уездах Смоленской губернии. Их распределение по уездам в порядке убывания выглядело следующим образом: Поречский уезд — 725 человек, Духовщинский уезд — 242, Бельский уезд — 209, Смоленский уезд — 105, Дорогобужский уезд — семь, Ельнинский уезд — пять человек. В отношении 61 переселенца первоначально уезд не был указан. Тем не менее можно предположить, что это был Рославльский уезд. О том, что туда направлялись переселенцы, говорится в одной из справок, данной секретарем Смоленской духовной консистории уже в 1889 году. Указывая численность переселенцев, секретарь консистории перечислял те уезды, в которые они направлялись из прибалтийских губерний. Наряду с Бельским, Духовщинским, Поречским и Смоленским уездами в справке назывался и Рославльский уезд (ГАСО. Ф. 48. Оп. 2. Д. 960. Л. 83). Кроме того, в деле 4 «Описание церквей г. Рославля и сел Рославльского уезда Смоленской губернии за 1903–1906 годы» фонда 391 «И. И. Орловский» Государственного архива Смоленской области указывалось, что в ряде сел и деревень Рославльского уезда проживали переселенцы-латыши (ГАСО. Ф. 391. Д. 4).

Часть переселенцев приобретала землю в собственность. Так, например, кокенгузенские прихожане Лифляндской губернии в апреле 1884 года купили имение в селе Кашкурино Поречского уезда Смоленской губернии (ГАСО. Ф. 48. Оп. 2. Д. 960. Л. 16 об.). Право на собственность было зафиксировано в фонде 10 ГАСО «Смоленская казенная палата», в котором представлен алфавитный список всех собственников земли, в том числе и переселенцев из прибалтийских губерний (ГАСО. Ф. 10. Оп. 10. Д. 193 (1885 г.)).

В то же время часть лифляндских крестьян становилась арендаторами земли у крестьян и помещиков Смоленской губернии. Так, в списке переселенцев из Лифляндской губернии в первом стане Духовщинского уезда указывалось, что крестьяне-переселенцы арендовали землю у крестьян разных деревень данного уезда (ГАСО. Ф. 48. Оп. 2. Д. 960. Л. 26).

В «Ведомости проживающих в 3-м стане Поречского уезда переселенцев Лифляндской губернии», например, указывалось: «1. Антон Карлов Балтаис, крестьянин Рижской губернии (Лифляндской. — А. Г.) Валкского уезда... лютеранского вероисповедания... Арендатор имения Помещика Г. Макалинского с. Сняtkово» (ГАСО. Ф. 48. Оп. 2. Д. 960. Л. 30). Подобные записи отмечались относительно имений помещиков Куковского, Вейдлица, Барсова данного уезда, а также имений помещиков Деншеля, Рыхлицкого Духовщинского уезда и имения помещицы Масловой в 1-м стане Бельского уезда (ГАСО. Ф. 48. Оп. 2. Д. 960. Л. 26 об., 30–30 об., 32–32 об.).

Наряду с категориями «арендатор» и «собственник» среди переселенцев была категория «безземельный крестьянин». Так, в «Списке Переселенцев

из Рижской епархии, поселившихся в Духовщинском уезде» от 31 декабря 1886 года в графе «В каких селениях проживают» в отношении семи семей лютеранского вероисповедания значится запись «Причислить в число безземельных крестьян Присельской волости, но проживают по паспортам в разных местах» (ГАСО. Ф. 48. Оп. 2. Д. 960. Л. 66–66 об.). Безземельные крестьяне арендовали, например, скот, занимались хлебопашеством, исполняли обязанности лесника (ГАСО. Ф. 48. Оп. 2. Д. 960. Л. 30 об.). Один из безземельных крестьян Курляндской губернии, латыш Карл Иванов Асман работал на Мальцевском стеклянном заводе в деревне Новоселки Бельского уезда (ГАСО. Ф. 48. Оп. 2. Д. 960. Л. 35).

Все переселенцы, по официальным данным, были православного и лютеранского вероисповеданий. Однако среди лютеран и православных латышей неофициально значились, по наблюдению православных священников, и католики (ГАСО. Ф. 48. Оп. 2. Д. 960. Л. 80).

Подсчет верующих по спискам показал, что официально численность православных переселенцев из прибалтийских губерний составила 722 человека, численность лютеран — 648. Большинство православных переселенцев выехали из Рижского уезда Лифляндской губернии.

По уездам Смоленской губернии данные о лютеранах и православных выглядели следующим образом (см. табл.).

Таблица

Количественный состав переселенцев из прибалтийских губерний в Смоленскую губернию в 1884–1889 гг. (по уездам и вероисповеданию)

Название уезда	Вероисповедание		Всего
	православие	лютеранство	
Бельский	74	135	209
Гжатский	8	8	16
Дорогобужский	7	–	7
Духовщинский	114	128	242
Ельнинский	5	–	5
Поречский	418	307	725
Рославльский	61	–	61
Смоленский	35	70	105
Итого:	722	648	1370

Источник: ГАСО. Ф. 48. Оп. 2. Д. 960. Л. 2–2 об., 14–14 об., 23–33, 34 об. – 39, 42–48 об., 51–61 об., 62 об. – 66 об., 69–70, 82, 88–89.

Анализ списков переселенцев показал, что среди переселенцев были 141 православная, 102 лютеранские и 17 смешанных семей. Списки семей позволяют выделить следующие дефиниции смешанной семьи переселенцев: 1) «муж — православный, жена — лютеранка, часть детей — православные, часть детей — лютеране» (1 случай); 2) «муж — православный, жена и дети — лютеране» (5 случаев); 3) «муж — православный, жена — лютеранка»

(8 случаев); 4) «муж — лютеранин, жена и дети — православные» (1 случай); 5) «муж и часть детей — лютеране, жена и один ребенок — православные» (1 случай); 6) «муж, жена, часть детей — лютеране, один ребенок — православный» (1 случай).

В рассматриваемый период, когда переселенцы из прибалтийских губерний переезжали в Смоленскую губернию, православные верующие в последней составляли от 97,42 до 97,79 % от общей численности населения [10: с. 14; 11: с. 18; 12: с. 14; 13: с. 17; 14: с. 15]. Тем не менее, переселившись в Смоленскую губернию, православные латыши, стали испытывать трудности с удовлетворением духовных потребностей. Из переписки смоленской губернской канцелярии с уездными полицейскими управлениями, Рижской и Смоленской духовными консисториями, со ссылкой на обер-прокурора Святейшего синода, видно, что при переезде из прибалтийских губерний в другие губернии, переселенцы местными властями записывались в лютеранство: «при переселении православных латышей и эстов из прибалтийских губерний в другие, Гражданское Начальство не делает различия между православными и лютеранами, причисляя всех вообще к Лютеранскому исповеданию» (ГАСО. Ф. 48. Оп. 2. Д. 960. Л. 3). Канцелярия обер-прокурора Святейшего синода циркуляром за № 5078 от 24 октября 1884 года обязала: «1) чтобы в паспортах переселенцев из латышей и эстов всегда было обозначено их вероисповедание и 2) чтобы, по прибытии православных переселенцев на новые места жительства, списки этих лиц были сообщаемы местному Епархиальному Начальству» (ГАСО. Ф. 48. Оп. 2. Д. 960. Л. 12). Канцелярия Рижской духовной консистории готовила списки православных переселенцев, которые затем передавались в Смоленскую духовную консисторию.

Главная проблема, как видно из переписки Рижской и Смоленской духовных консисторий, состояла в том, что на новом месте жительства богослужения для латышей проводились на русском языке. Латыши не знали русский язык, что вело зачастую к попаданию православных верующих под влияние лютеранских пасторов. Это неоднократно отмечала Смоленская духовная консистория (ГАСО. Ф. 48. Оп. 2. Д. 960. Л. 10 об., 11 об., 18–19, 67).

Проблема, когда латыши не знали русский язык, а Смоленская духовная консистория не стремилась помочь православным латышам-переселенцам, требовала постоянного разрешения. А это, как нам представляется, являлось отголоском политики русификации Прибалтики в 80–90-е годы XIX века, о чем говорит латвийский историк А. В. Гаврилин [2]. Об этом же сообщал на страницах «Смоленских епархиальных ведомостей» уже в 1908 году корреспондент под псевдонимом Латыш в статье «О религиозном положении латышей в Смоленской губернии»: «К местному духовенству мы обращались тогда только, когда нуждались в каких-либо религиозных требах. Самое печальное для нас было то, что слово Божие ни разу не слышали на родном языке и особенно наши дети растут без нравственного воспитания, неграмотные, без школьного образования и не знают Закона Божьего» [9: с. 703].

Однако следует заметить, что не только местное смоленское духовенство не проявляло усердия в решении данной проблемы. Переселенцы, в свою очередь, не всегда исполняли православные обряды и придерживались православной веры. В рапорте за № 39 от 29 июля 1889 года сложившуюся ситуацию священник села Бережняны Смоленского уезда Терентий Четыркин иллюстрировал следующим образом: «Сии люди, говорящие почти все одним языком латышским, как Лютеране, так Римляне и на них взирающие Православные латыши, религиозных обрядов почти никаких не соблюдают, в церковь нашу никогда не ходят, постов никаких не соблюдают говоря, что они только тогда постятся, когда им нечего есть; в Св. Четыредесятницу едят свиное сало. Св. Икон никогда не принимают... Праздников никаких не соблюдают. Так три дня Рождественских — проводят в пьянстве и картежной игре... С нами, т. е. духовными лицами обращаются грубо и дерзко, даже враждебно...» (ГАСО. Ф. 48. Оп. 2. Д. 960. Л. 80 об. – 81).

Подводя итог вышеизложенному, заметим, что латыши и эстонцы, переселившиеся в Смоленскую губернию, стремились быстро адаптироваться к новым условиям проживания: покупали или арендовали землю и скот, занимались хлебопашеством, работали на заводе и занимались другими видами деятельности. Вместе с тем очевидно, что часть переселенцев была неспособна реализовать свои духовные потребности. Переселившись в Смоленскую губернию, латыши и эстонцы попали в иную языковую среду. Сложилась парадоксальная ситуация: попав в православную культурную среду, часть латышей стала терять связь с православием, переходя в лютеранство.

Литература

1. Гавриленков А. Ф. Православное латышское население на территории Смоленской губернии в конце XIX – начале XX века // Православие в Латвии. Исторические очерки: сб. статей / под ред. А. В. Гаврилина. Рига: Филокалия, 2007. С. 28–33.
2. Гаврилин А. В. Рижская епархия и политика правительства в Прибалтийских губерниях в 60–90-х годах XIX в. // Россия и Балтия. Вып. 3. Остзейские губернии и Северо-Западный край в политике реформ Российской империи. 2-я половина XVIII в. – XX в. М.: ИВИ РАН, 2004. С. 92–116.
3. Галиева Ф. Г., Чегодаев Е. А. Латыши Башкирии в источниках и материалах [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. Красноярск, 2014. № 6. URL: <https://www.elibrary.ru/contents.asp?id=34032828&selid=22456502> (дата обращения: 14.12.2020).
4. Коровушкин Д. Г. Этнокультурная адаптация поздних переселенцев в Западной Сибири (конец XIX – первая четверть XX вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2004. 41 с.
5. Кузнецова Т. Е. Переселенческая кампания латышей в Новгородскую губернию в последней трети XIX века // Новгородский архивный вестник. В. Новгород, 2002. № 3. С. 70–78.

6. Лоткин И. В. Исследования прибалтийской диаспоры Сибири российскими и зарубежными учеными // Известия Томского политехнического университета. 2005. № 4. С. 207–211.
7. Лоткин И. В. Прибалтийская диаспора Сибири: история и современность: учеб. пособие. Омск: Омск. гос. ун-т, 2003. 164 с.
8. Лоткин И. В., Свитнев А. Б. Колонии латышей в Западной Сибири (XIX–XX века): механизмы формообразования и развития // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2006. Т. 5. Вып. 3. С. 256–265.
9. О религиозном положении латышей в Смоленской губернии // Смоленские епархиальные ведомости. 1908. № 18. С. 703–707.
10. Обзор Смоленской губернии за 1885 год. Смоленск: Губернская тип., 1886. 53, 29 с.: табл.
11. Обзор Смоленской губернии за 1886 год. Смоленск: Губернская тип., 1887. 4, 58, 35 с.: табл.
12. Обзор Смоленской губернии за 1887 год. Смоленск: Губернская тип., 1888. 4, 48 с.
13. Обзор Смоленской губернии за 1888 год. Смоленск: Губернская тип., 1889. 4, 56 с.
14. Обзор Смоленской губернии за 1889 год. Смоленск: Губернская тип., 1890. 2, 59, 40 с.: табл.
15. Садофьева Н. Н. К вопросу о причинах переселения эстонских крестьян в Европейскую Россию // Река времени. 2004. Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2005. С. 92–97.
16. Свитнев А. Б. Поселения и усадьбы латышей и латгальцев в Западной Сибири конца XIX–XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2002. 281 с.
17. Списки населенных мест по сведениям 1859 года. XL. Смоленская губерния. СПб.: Центр. стат. ком. Мин. внутр. дел, 1868. 513 с.
18. Стродс Х. Начало переселения латышских крестьян в Россию в 40-е – 60-е годы XIX века // Россия и Балтия. Народы и страны. Вторая половина XIX века – 30-е годы XX века. М.: ИВИ РАН, 2000. С. 5–15.
19. Чегодаев Е. А. Латыши Башкортостана: формирование и функционирование этнической группы (конец XIX – начало XXI в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2015. 23 с.
20. Черных А. В., Шевырин С. А., Голева Т. Г. Эстонцы в Пермском крае: очерки истории и этнографии. СПб.: Маматов, 2010. 280 с.

Literatura

1. Gavrilencov A. F. Pravoslavnoe latyšshskoe naselenie na territorii Smolenskoj gubernii v konce XIX – nachale XX veka // Pravoslavie v Latvii. Istoricheskie ocherki: sb. statej / pod red. A. V. Gavrulina. Riga: Filokaliya, 2007. S. 28–33.
2. Gavrilin A. V. Rizhskaya eparxiya i politika pravitel'stva v Pribaltijskix guberniyax v 60–90-x godax XIX v. // Rossiya i Baltiya. Vy'p. 3. Ostzejskie gubernii i Severo-Zapadny'j kraj v politike reform Rossijskoj imperii. 2-ya polovina XVIII v. – XX v. M.: IVI RAN, 2004. S. 92–116.

3. Galieva F. G., Chegodaev E. A. *Laty`shi Bashkirii v istochnikax i materialax [E`lektronny`j resurs]* // *Sovremenny`e issledovaniya social`ny`x problem: e`lektronny`j nauchny`j zhurnal*. Krasnoyarsk, 2014. № 6. URL: <https://www.elibrary.ru/contents.asp?id=34032828&selid=22456502> (data obrashheniya: 14.12.2020 g.).
4. Korovushkin D. G. *E`tnokul`turnaya adaptaciya pozdnix pereselencev v Zapadnoj Sibiri (konecz XIX – pervaya chetvert` XX vv.): avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk*. Novosibirsk, 2004. 41 s.
5. Kuzneczova T. E. *Pereselencheskaya kampaniya laty`shej v Novgorodskuyu guberniyu v poslednej treti XIX veka* // *Novgorodskij arxivny`j vestnik*. V. Novgorod, 2002. № 3. S. 70–78.
6. Lotkin I. V. *Issledovaniya pribaltijskoj diaspory` Sibiri rossijskimi i zarubezhny`mi ucheny`mi* // *Izvestiya Tomskogo politexnicheskogo universiteta*. 2005. № 4. S. 207–211.
7. Lotkin I. V. *Pribaltijskaya diaspora Sibiri: istoriya i sovremennost` : ucheb. posobie*. Omsk: Omsk. gos. un-t, 2003. 164 s.
8. Lotkin I. V., Svitnev A. B. *Kolonii laty`shej v Zapadnoj Sibiri (XIX–XX veka): mexanizmy` formoobrazovaniya i razvitiya* // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: *Istoriya. Filologiya*. 2006. T. 5. Vy`p. 3. S. 256–265.
9. *O religioznom polozhenii laty`shej v Smolenskoj gubernii* // *Smolenskie eparxial`ny`e vedomosti*. 1908. № 18. S. 703–707.
10. *Obzor Smolenskoj gubernii za 1885 god*. Smolensk: Gubernskaya tip., 1886. 53, 29 c: tabl.
11. *Obzor Smolenskoj gubernii za 1886 god*. Smolensk: Gubernskaya tip., 1887. 4, 58, 35 s.: tabl.
12. *Obzor Smolenskoj gubernii za 1887 god*. Smolensk: Gubernskaya tip., 1888. 4, 48 s.
13. *Obzor Smolenskoj gubernii za 1888 god*. Smolensk: Gubernskaya tip., 1889. 4, 56 s.
14. *Obzor Smolenskoj gubernii za 1889 god*. Smolensk: Gubernskaya tip., 1890. 2, 59, 40 s.: tabl.
15. Sadof`eva N. N. *K voprosu o prichinax pereseleniya e`stonskix krest`yan v Evropejskuyu Rossiyu* // *Reka vremeni*. 2004. Ufa: DizajnPoligrafServis, 2005. S. 92–97.
16. Svitnev A. B. *Poseleniya i usad`by` laty`shej i latgal`cev v Zapadnoj Sibiri koncza XIX–XX vv.: dis. ... kand. ist. nauk*. Omsk, 2002. 281 s.
17. *Spiski naseleenny`x mest po svedeniyam 1859 goda*. XL. Smolenskaya guberniya. SPb.: Centr. stat. kom. Min. vnutr. del, 1868. 513 s.
18. Strods X. *Nachalo pereseleniya laty`shskix krest`yan v Rossiyu v 40-e – 60-e gody` XIX veka* // *Rossiya i Baltiya. Narody` i strany`*. Vtoraya polovina XIX veka – 30-e gody` XX veka. M.: IVI RAN, 2000. S. 5–15.
19. Chegodaev E. A. *Laty`shi Bashkortostana: formirovanie i funkcionirovanie e`tnicheskoj grupy` (konecz XIX – nachalo XXI v.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk*. Izhevsk, 2015. 23 s.
20. Cherny`x A. V., Shevy`rin S. A., Goleva T. G. *E`stonczy` v Permskom krae: ocherki istorii i e`tnografii*. SPb.: Mamatov, 2010. 280 s.

A. F. Gavrilentov

**Immigrants From the Baltic Provinces to the Province of Smolensk (1884–1889):
the Religious Aspect**

The article deals with the process of migration of Latvians and Estonians from the Baltic provinces to the Smolensk province in 1884-1889. Immigrants settled down at eight of the twelve districts in Smolensk province. Some settlers became tenants of landlords' or peasants' lands. Other immigrants became landowners. The settlers were Lutherans and Orthodox by religion. The majority of the immigrant families were Orthodox. A small number of such families were classified as mixed ones. Having moved to the Smolensk province, the Orthodox Latvians experienced difficulties with satisfying spiritual needs. A group of the Latvian believers broke the connection with the Orthodox Church, violated religious norms and rules. The conclusion was drawn that the Latvians and Estonians who moved from the Baltic provinces experienced difficulties in adapting to new conditions, primarily of a religious nature.

Keywords: the Baltic provinces; the Smolensk province; a social composition of the settlers; the Orthodox; the Lutherans.

УДК 37.01-055.2(47+57)"18"

DOI: 10.25688/2076-9105.2020.40.4.04

Е. А. Безина

М. Н. Катков о женском образовании в Российской империи

В статье рассматриваются взгляды М. Н. Каткова, неофициального политика, инициатора реформ в сфере образования, редактора газеты «Московские ведомости», на вопросы женского образования в Российской империи XIX века. Несмотря на репутацию реакционера, публицист выдвигал прогрессивные идеи по вопросам реформирования женского образования.

Ключевые слова: женское образование; публицистика в России в XIX веке; М. Н. Катков; классическая система образования; реформа образования.

Сфера образования всегда привлекала внимание мыслящей общественности, и многие ее вопросы носили дискуссионный характер. Зачастую теоретики придерживались противоположных мнений о структуре образования, учебных планах, часах, отдаваемых тому или иному предмету. В середине XIX века в российском обществе одним из самых обсуждаемых был вопрос женского образования. Начало было положено при Александре II, после того как 5 марта 1856 года А. С. Норов, действующий министр народного просвещения, обратился к императору с всеподданнейшим докладом. «Лица среднего сословия в губернских и уездных городах, — говорилось в докладе А. С. Норова, — лишены средств дать дочерям своим необходимое образование, соответственное скромному их быту» [4: с. 4]. Результатом стало утверждение 30 мая 1858 года Положения о женских училищах ведомства Министерства народного просвещения. В соответствии с ним появились женские училища первого разряда, именовавшиеся гимназиями, срок обучения в которых составлял шесть лет, и второго разряда, программа которых была рассчитана на три года. Данный тип учреждений существовал в формате частных учебных заведений для девиц всех сословий, однако женские учебные заведения стали активно открываться, некоторые из них перешли под покровительство Ведомства учреждений императрицы Марии. «Если и далее пойдет так, то просвещение в России получит сильное подкрепление, ибо никто и ничто не может иметь такого благотворного влияния на первоначальное образование юношества, как просвещенная мать» [Там же: с. 62].

В прессе также активно обсуждались проблемы образования, в том числе его всесословности. Особую остроту приобретали проблемы женского образования. Обратимся к статьям, посвященным женскому вопросу, опубликованным

в газете «Московские ведомости» под редакцией Михаила Никифоровича Каткова, публициста консервативного толка.

М. Н. Каткова зачастую характеризуют как реакционера, врага прогресса. Современные исследователи справедливо, на наш взгляд, обращают все больше внимания на его деятельность как реформатора в сфере публицистики и просвещения, а также отмечают вовлеченность Каткова в вопросы женского образования [16]. Однако ряд исследователей необоснованно, на наш взгляд, делают выводы о том, что Катков и другие публицисты консервативных убеждений считали, что «женщины из-за своих природных свойств и особенностей должны занимать подчиненное положение; единственная сфера самореализации “прекрасного пола” — семья, а основное предназначение — рождение детей» [1: с. 21]. И также ошибочно относят М. Н. Каткова к людям, которые «резко высказывались против учащих женщин» [3: с. 32]. Глубокий анализ статей Каткова по вопросам женского образования в течение всего периода его публицистической деятельности дает основание поставить под сомнение данные оценки.

Подтверждением служат, в частности, следующие его суждения: «Если вообще дело воспитания идет у нас неудовлетворительно, то женское воспитание идет особенно дурно, а всего хуже женское народное воспитание», — отмечал публицист еще в 1865 году [6: с. 735]. На протяжении всей своей деятельности в качестве редактора «Московских ведомостей» (1863–1887) М. Н. Катков неоднократно возвращался к вопросу женского образования. Проанализировав статьи в «Московских ведомостях», можно выделить несколько проблем, поднятых публицистом: женское образование в Западном крае; неравенство в мужском и женском гимназическом образовании; вопросы организации женских высших курсов.

Говоря о воззрениях Михаила Никифоровича относительно вопросов женского образования, необходимо понимать, что сам он в этой деятельности видел не установление равноправия мужчин и женщин во всех сферах, а общее интеллектуальное развитие страны. Катков понимал, что для укрепления империи и самодержавия необходимо внедрить такую систему образования, при которой каждый из элементов империи будет осознавать и идентифицировать себя как русского независимо от национальности. Особенно важно было проводить политику русификации в Западном крае, часто подверженному революционным идеям. Отдельное внимание этому региону он уделял по той причине, что в самом начале редакторской деятельности, в 1863 году, Катков стал главной поддержкой монархии в подавлении Польского восстания, «уничтожив» своих оппонентов либерального толка и тем самым оказав невероятную поддержку императорской власти, которая уже тогда понимала важность одобрения своей деятельности в печати.

Редактор «Московских ведомостей» понимал, что если девочка будет обучаться в русскоязычной гимназии, в которой ей привьют с детства любовь

к империи, а не только к своей малой родине, то затем, став женщиной, она передаст сложившиеся у нее взгляды своим детям. Благодаря этому будет уничтожен революционный элемент и сформирована целостность империи. «Было бы крайне неблагоприятно оставлять девочек католического исповедания на произвол случая, или исключительно в руках польских воспитательниц... Не касаясь вероисповедания, надобно желать, чтобы образование не только мужское, но и женское, производилось, по возможности, на русском языке, и чтобы правительство, которое так заботится о водворении здесь русского элемента, озаботилось устройством женских училищ, где одинаково по-русски обучались бы девочки обоих вероисповеданий. Что же касается до западного края, то при тех условиях, в которых он находится, необходимы училища содержимые правительством, коль скоро имеется в виду воспитывать в смысле русской национальности детей не только православного, но и католического исповедания, а иметь это ввиду необходимо» [7: с. 24–25]. Мы видим, что Катков отмечает необходимость воспитания девочек католического вероисповедания вместе с православными, чтобы и те и другие воспитывались в одном духе любви к отечеству.

Статьи, поддерживающие женское развитие в Западном крае, продолжают появляться и в дальнейшие годы. Например, в 1867 году Катков выражает свою поддержку набирающему обороты женскому образованию в Риге. «В Риге предположено открыть мужскую и женскую русские гимназии. Нельзя отрицать, что последняя нужна» [8: с. 609]. Уже в 1869 году Катков отмечает, что в Западном крае достаточное финансирование со стороны казны, чего можно только пожелать другим губерниям. Остальные же заведения, с гордостью отмечает автор, «устроены на частные и общественные средства, и притом в весьма короткое время, в какие-нибудь пять или шесть лет; правительство содействовало их учреждению только нравственными средствами, путем влияния официальных лиц на местное общество без чего нигде на свете, ни даже в странах, славящихся общественною инициативой, невозможен успех значительных общественных предприятий» [9: с. 557]. Действительно, русская общественность того времени, в частности дворяне, осознавала необходимость качественного образования не только для своих сыновей, но и для дочерей и с энтузиазмом вкладывала средства в эту сферу.

Вопрос необходимости гимназического образования для женщин в той же мере, что и для мужчин, неоднократно поднимался на страницах «Московских ведомостей». Михаил Никифорович, будучи адептом классической гимназии, настаивал на организации такого вида обучения для женщин: «Преподавание должно быть и в женских училищах, как в мужских, сосредоточено на немногих, требующих серьезного учения предметах» [2: с. 366]. Программа классической гимназии включала в себя греческий и латинский языки, им-то и должно было отдаваться большее количество учебных часов, потесниться же публицист предлагал истории и русской словесности. Почему же необходимо

было так много отдавать времени древним языкам, которые не несут никакой практической пользы? По мнению публициста, человек, изучающий древние языки, изучает и историю в ее подлинном понимании, а не рассказанную тяжелым для юношеского ума языком. В свою очередь, русская словесность не имеет такого богатого опыта, как европейская, поэтому, дабы стоять вровень с европейцами, необходимо учиться, как европеец, изучая в подлинниках мысли людей, сделавших Европу могущественной.

Известно, что публицист поддерживал деятельность Софьи Николаевны Фишер, которая была вдохновлена идеями Каткова и открыла первую в Российской империи женскую классическую частную гимназию. Из личной переписки видно, что их общение носило приятельский характер. «Михаил Никифорович, голубчик», — пишет С. Н. Фишер в одном из своих писем к М. Н. Каткову (ОР РГБ. Ф. 120. К. 11. № 35. Л. 1–2). Свое одобрение и поддержку деятельности Фишер публицист нередко выражал и в своей газете. «Недавно в газетах появилась публикация о предполагаемом открытии в Москве женской гимназии — гимназии в собственном смысле этого слова, с тем же учебным планом, который новым уставом введен в мужские гимназии министерства народного просвещения. От души приветствуем это предприятие, тем более что имеем основания надеяться на его успех» [10: с. 416]. По мнению современников и по итогам экзаменационных испытаний, студентки гимназии Фишер были одними из самых образованных в России, ее учениц единственных в то время принимали в университеты Германии без вступительных экзаменов [5: с. 254].

Редактор «Московских ведомостей» и в дальнейшем не оставляет без внимания проблемы гимназического образования. «В минувшее лето приветствовали мы открытие в Москве женской классической гимназии. Теперь мы можем поздравить это новое предприятие с успехом, которого мы и ожидали, зная в каком духе и с какими залогами оно начиналось» [11: с. 651]. В 1879 году воспитанницы гимназии, прошедшие все восемь классов, получали аттестат, который давал право преподавания учебных предметов в четырех низших классах мужских гимназий и прогимназий и во всех классах женских гимназий. Публицист искренне радуется успехам гимназии Фишер, которая перешла под покровительство Министерства народного просвещения. «Кто искренно желал открытия для женщин пути к высшей науке, тот вместе с нами порадуется успеху предприятия г-жи Фишер, которое ныне увенчивается государственным признанием» [14]. Спустя десять лет Катков снова ссылается на успехи Фишеровской гимназии: «Что для женщин классическое образование доступно в тех самых размерах, в которых оно сообщается в наших мужских гимназиях, это убедительным образом доказывает существующая уже десять лет в Москве женская классическая гимназия г-жи Фишер» [15: с. 274]. Гимназия Фишер была для Каткова, наравне с открытой им вместе с другом П. М. Леонтьевым мужской классической гимназией (Катковский лицей), идеалом образовательного

гимназического учреждения. В своих статьях он неоднократно доказывал это обществу и правительству.

Проблема организации женских высших курсов также входит в круг тем, поднимаемых Катковым в газете. В начале своей публицистической деятельности М. Н. Катков ратовал за доступ женщин в высшие учебные заведения, что подтверждается его многочисленными высказываниями в газете в 1872 году: «В нашей печати было много речи о женском вопросе. Толковали о правах женщины и требовали полного равенства ее с мужчиной... Требовать, чтобы женщина в своем развитии отреклась от своей природы также ошибочно и также оскорбительно для нее, как и отказывать ей в высшем образовании»; «Свет науки через женщину может проникать в сферы менее доступные для мужчины, и она может своеобразно способствовать общему развитию народного образования и человеческому прогрессу» [10: с. 416]. Катков высказывался об одинаковых умственных способностях девочек и мальчиков, считая, что и те и другие могут пройти одинаковую школу, а затем получить высшее образование.

В 1872 году состоялось открытие частных высших женских курсов в Москве. Спустя год публицист не изменил своего мнения и вновь высказался в поддержку женских курсов: «Если в низшем быту жена бывает помощницей мужа во всех его трудах, то почему же не может она быть опорой ему в высших сферах деятельности, где требуется зрелая мысль, образованный ум?»; «Семейство семейством, но нет основания исключать женщину из высших общественных профессий» [11: с. 647]. М. Н. Катков даже с сочувствием относится к женщинам: «Не бывает ли везде и всегда множество женщин не причастных счастью и заботам семейной жизни? Должны ли эти, часто по случайным причинам лишенные своей доли в семейной жизни, оставаться, подобно париям, лишенным всякой доли? Бывает всегда много людей женского образа, рожденных в лучших условиях и получивших воспитание для жизни в высших общественных сферах, но оставшихся без куска хлеба. Должны ли они непременно, чтобы снискивать себе хлеб, идти в кухарки или швей, находя все высшие профессии закрытыми для себя? Для чего же это? Справедливо ли это относительно лиц, и полезно ли для общества?» [Там же]. Однако все статьи, посвященные высшему женскому образованию, сводятся к главной идее Каткова — становлению классического гимназического образования с преобладанием древних языков.

После удачного опыта С. Н. Фишер, чья деятельность была неоднократно высоко оценена публицистом, у М. Н. Каткова появилась надежда на повсеместное распространение женских классических гимназий, однако этого не произошло. В статье 1874 года он описывает ситуацию, произошедшую с русскими студентками в Цюрихе: правительство Российской империи обнародовало факт вовлечения студенток «в разврат политический и нравственный», что подтолкнуло к мысли о создании в России женских высших курсов. Но публицист отмечает, что «университетские факультеты для женщин суть

вопрос, не имеющий в настоящее время смысла. Они невозможны за неимением студенток. Здание начинают строить не с крыши, а с фундамента» [12: с. 134]. Таким образом, он был вынужден в очередной раз объяснять правительству и обществу, что классическая гимназическая система является единственно возможной для дальнейшего университетского образования как девочек, так и мальчиков.

В 1875 году Катков возвращается к проблеме высшего женского образования, вопросу цюрихских студенток и отмечает, что правительство назначило комиссию, призванную разобраться в создавшейся ситуации. Несмотря на то что либеральная часть общества не считала необходимым изучение древних языков, комиссия все же взяла на рассмотрение данный вопрос. Были приняты решения о введении обоих древних языков в курс женских гимназий; о полезности принятия гимназии Фишер в казенное содержание; об учреждении высшего женского училища с трехлетним курсом, благодаря которым можно было занимать преподавательские должности в женских институтах и гимназиях [13: с. 107–108]. Однако из указанных решений было принято к осуществлению лишь введение древних языков как необязательных для всех учениц предметов преподавания в женских гимназиях. Катков отмечает, что «минувший год уже показал, до какой степени верно понята комиссией существенная сторона проявившейся в обществе потребности в высшем женском образовании» [Там же: с. 108]. Почему же комиссия посчитала необходимым изменение системы женских высших курсов? Неоднозначным был вопрос о возможности преподавания женщин в средних и высших классах женских учебных заведений. Женщины допускались до этой деятельности лишь при сдаче экзамена, для которого были необходимы знания греческого и латинского языков. На деле получалось, что существовали одинаковые требования для обоих полов для последующего осуществления преподавательской деятельности, но практически не существовало заведений, обучавших данным дисциплинам женщин; уровень подготовки был разным, и только студентки гимназии Фишер соответствовали указанным требованиям.

В 1877 году профессор Московского университета В. И. Герье разработал новый устав Высших женских курсов, в котором было увеличено число предметов. Однако устав был переработан и принят лишь в 1879 году. В соответствии с ним выпускницы получали право преподавать в высших классах женских гимназий; курсы длились три года. С 1880 года латинский язык стал обязательным предметом — по десять лекций на первых трех курсах, а уже в 1881 году курсы перешли на четырехлетний срок обучения, как в университетах [4: с. 612]. Из-за того что на курсах преподавали только латинский язык, и то не как обязательный, а греческий не преподавался вообще, студентки выпуска 1881/1882 учебного года не получили никаких прав, лишь свидетельства об окончании ими курса.

Неправильно организованная система высших женских курсов полностью уничтожила женское образование в Российской империи. В свою очередь,

студентки гимназии Фишер получили права на преподавание в четырех низких классах мужских гимназий и прогимназий, а также во всех классах женских гимназий министерства. Все студентки, окончившие курс гимназии Фишер, были допущены к университетским занятиям на историко-филологическом и физико-математическом факультетах. «По свидетельству профессоров, преподававших на разных высших женских курсах, слушательницы их, в большинстве, оказывали способность усвоить себе высшее образование и только слабая подготовка их в среднеучебных заведениях по некоторым предметам препятствовала введению на курсах полного университетского преподавания» [Там же: с. 618]. Катков, вероятно, не мог быть не разочарован тем, что из-за отсутствия политической воли в стране так и не сложилась грамотная система женского образования. Женские высшие учебные курсы были закрыты в год смерти публициста.

Подводя итоги, следует сказать, что консервативный публицист Катков в течение многих лет своей деятельности неоднократно выдвигал цельную теорию о том, каким образом можно грамотно организовать образовательные учреждения от гимназических до университетских. М. Н. Катков не видел разницы в умственных способностях мальчиков и девочек, которые, по его мнению, должны были на равных основаниях проходить обучение и выдерживать экзамены. Ошибочно считать публициста врагом прогресса, консервативным деятелем в негативном смысле этого понятия. Проанализировав статьи в редактировавшейся Катковым газете «Московские ведомости», можно сделать вывод, что публицист выдвигал прогрессивные идеи равенства и доступности образования в обществе. Всю свою жизнь он, обращаясь к правительству и общественности, отстаивал идею необходимости распространения наилучших форм женского высшего образования, но так и не был до конца понят, а женское образование в России на время лишилось развития.

Литература

1. Карченкова Т. А. Женский вопрос в российской публицистике второй половины XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004. 24 с.
2. Катков М. Н. Энергия предприимчивости: Экономика. Образование. Письма // М. Н. Катков. Собр. соч.: в 6 т. Т. 5. СПб.: Росток, 2012. 735 с.
3. Колточихина А. А. Роль общества и российской интеллигенции в становлении высшего женского образования в России // Научные исследования и разработки молодых ученых. 2015. № 5. С. 31–40.
4. Лихачева Е. О. Материалы для истории женского образования в России (1856–1880). СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. 887 с.
5. Любжин А. И. Классическая школа: мнимый провал? // Вопросы образования. 2008. № 4. С. 253–255.
6. Московские ведомости 1865 г. // Собрание передовых статей Московских ведомостей / М. Н. Катков. М.: Изд. С. П. Катковой, 1897. № 254. С. 735–737.

7. Московские ведомости 1866 г. // Собрание передовых статей Московских ведомостей / М. Н. Катков. М.: Изд. С. П. Катковой, 1897. № 9. С. 24–26.
8. Московские ведомости 1867 г. // Собрание передовых статей Московских ведомостей / М. Н. Катков. М.: Изд. С. П. Катковой, 1897. № 233Б. С. 609–610.
9. Московские ведомости 1869 г. // Собрание передовых статей Московских ведомостей / М. Н. Катков. М.: Изд. С. П. Катковой, 1897. № 189. С. 557–559.
10. Московские ведомости 1872 г. // Собрание передовых статей Московских ведомостей / М. Н. Катков. М.: Изд. С. П. Катковой, 1897. № 165А. С. 415–417.
11. Московские ведомости 1873 г. // Собрание передовых статей Московских ведомостей / М. Н. Катков. М.: Изд. С. П. Катковой, 1897. № 220. С. 645–653.
12. Московские ведомости 1874 г. // Собрание передовых статей Московских ведомостей / М. Н. Катков. М.: Изд. С. П. Катковой, 1897. № 50. С. 131–135.
13. Московские ведомости 1875 г. // Собрание передовых статей Московских ведомостей / М. Н. Катков. М.: Изд. С. П. Катковой, 1897. № 45Б. С. 107–109.
14. Московские ведомости 1879 г. // Собрание передовых статей Московских ведомостей / М. Н. Катков. М.: Изд. С. П. Катковой, 1898. № 78Б. С. 155.
15. Московские ведомости 1881 г. // Собрание передовых статей Московских ведомостей / М. Н. Катков. М.: Изд. С. П. Катковой, 1898. № 150. С. 274.
16. Перевалова Е. В. Вопросы женского высшего образования в отечественной прессе 1860–1880-х гг. (На материале газеты «Московские ведомости»). Высшее образование в России. № 4. 2015. С. 136–142.

Literatura

1. Karchenkova T. A. Zhenskij vopros v rossijskoj publicistike vtoroj poloviny XIX v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Omsk, 2004. 24 s.
2. Katkov M. N. E`nergiya predpriimchivosti: E`konomika. Obrazovanie. Pis`ma // M. N. Katkov. Sobr. soch.: v 6 t. T. 5. SPb.: Rostok, 2012. 735 s.
3. Koltochixina A. A. Rol` obshhestva i rossijskoj intelligencii v stanovlenii vy`shego zhenskogo obrazovaniya v Rossii // Nauchny`e issledovaniya i razrabotki molody`x ucheny`x. 2015. № 5. S. 31–40.
4. Lixacheva E. O. Materialy` dlya istorii zhenskogo obrazovaniya v Rossii (1856–1880). SPb.: Tip. M. M. Stasyulevicha, 1899. 887 s.
5. Lyubzhin A. I. Klassicheskaya shkola: mnimy`j proval? // Voprosy` obrazovaniya. 2008. № 4. S. 253–255.
6. Moskovskie vedomosti 1865 g. // Sobraie peredovy`x statej Moskovskix vedomostej / M. N. Katkov. M.: Izd. S. P. Katkovej, 1897. № 254. S. 735–737.
7. Moskovskie vedomosti 1866 g. // Sobraie peredovy`x statej Moskovskix vedomostej / M. N. Katkov. M.: Izd. S. P. Katkovej, 1897. № 9. S. 24–26.
8. Moskovskie vedomosti 1867 g. // Sobraie peredovy`x statej Moskovskix vedomostej / M. N. Katkov. M.: Izd. S. P. Katkovej, 1897. № 233B. S. 609–610.
9. Moskovskie vedomosti 1869 g. // Sobraie peredovy`x statej Moskovskix vedomostej / M. N. Katkov. M.: Izd. S. P. Katkovej, 1897. № 189. S. 557–559.
10. Moskovskie vedomosti 1872 g. // Sobraie peredovy`x statej Moskovskix vedomostej / M. N. Katkov. M.: Izd. S. P. Katkovej, 1897. № 165A. S. 415–417.
11. Moskovskie vedomosti 1873 g. // Sobraie peredovy`x statej Moskovskix vedomostej / M. N. Katkov. M.: Izd. S. P. Katkovej, 1897. № 220. S. 645–653.

12. Moskovskie vedomosti 1874 g. // Sobranie peredovy`x statej Moskovskix vedomostej / M. N. Katkov. M.: Izd. S. P. Katkovej, 1897. № 50. S. 131–135.
13. Moskovskie vedomosti 1875 g. // Sobranie peredovy`x statej Moskovskix vedomostej / M. N. Katkov. M.: Izd. S. P. Katkovej, 1897. № 45B. S. 107–109.
14. Moskovskie vedomosti 1879 g. // Sobranie peredovy`x statej Moskovskix vedomostej / M. N. Katkov. M.: Izd. S. P. Katkovej, 1898. № 78B. S. 155.
15. Moskovskie vedomosti 1881 g. // Sobranie peredovy`x statej Moskovskix vedomostej / M. N. Katkov. M.: Izd. S. P. Katkovej, 1898. № 150. S. 274.
16. Perevalova E. V. Voprosy` zhenskogo vy`sshego obrazovaniya v otechestvennoj presse 1860–1880-x gg. (Na materiale gazety` «Moskovskie vedomosti»). Vy`sshee obrazovanie v Rossii. № 4. 2015. S. 136–142.

E. A. Bezina

M. N. Katkov on Female Education in the Russian Empire

The article deals with the issues of women's education in the Russian Empire of XIX century from the perspective of M. N. Katkov, an unspoken politician, initiator of educational reforms, the editor of the newspaper «Moskovskie Vedomosti». Despite his affiliation with the right-wing movement, the pamphleteer put forward some progressive ideas regarding the reform of female education.

Keywords: women's education; journalism in Russia in the XIX century; M. N. Katkov; the classical educational system; educational reform.

**Е. Е. Кувшинова,
А. Ю. Челнокова**

Репрессии педагогической интеллигенции Москвы в немецкой операции НКВД 1937–1938 годов

Статья посвящена судьбам репрессированных педагогов Москвы и Подмосковья, расстрелянных на Бутовском полигоне в период Большого террора 1937–1938 годов. В центре внимания авторов — жизненные обстоятельства представителей отдельных социальных групп и биографии конкретных людей, представителей немецкого сообщества в СССР.

Ключевые слова: Бутовский полигон; репрессии; политэмигранты; немецкие учителя и преподаватели; национальные школы.

В 1935 году в СССР проживало 11 327 немецких подданных, но в последующие годы их количество сокращалось в результате активной кампании по переводу иностранцев в советское гражданство, и в 1937 году в стране осталось около 4000 граждан Германии [2: с. 16]. К этому числу следует прибавить еще 4,6 тыс. политэмигрантов, приехавших в СССР по подложным документам. К весне 1938 года были арестованы 70 % членов Коммунистической партии Германии, проживавших в СССР. К октябрю того же года на свободе остались 363 члена КПГ, 328 из них проживали в Москве [Там же: с. 41], 10 % политэмигрантов не были этническими немцами [Там же: с. 53].

Небывалые по масштабу расстрелы 1937–1938 годов были, как известно, следствием решения Политбюро ВКП (б) от 2 июля 1937 года о проведении широкомасштабной операции по репрессированию целых групп населения. Во исполнение этого решения вышел «знаменитый» оперативный приказ № 00447 от 30 июля 1937 года за подписью Ежова по организации репрессий против кулаков, национальных групп и антисоветских элементов. За несколько дней до него вышел приказ об аресте в пятидневный срок германских

подданных, «немецких шпионов... осевших в совучреждениях» по всей территории страны [1: с. 61–62].

Непосредственным посылом к исследованию стало приглашение ММК «Бутовский полигон» к дальнейшей разработке тематики экспозиции музея по этническим и профессиональным группам, делающей акцент на репрессированных учителях, преподавателях вузов, техникумов, курсов повышения квалификации, т. е. всех тех, кого можно причислить к педагогическим работникам Москвы и Подмоскovie и чья судьба навеки связана с Бутово.

В концепции экспозиции музейного центра определены несколько основополагающих подходов, реализуемых при проектировании: историко-хронологический, образно-сюжетный и систематический. Экспозиционные комплексы строятся на основе сочетания этих подходов, с концентрацией внимания на различных операциях НКВД: кулацкой, латышской, польской, немецкой, церковной, операциях по бывшим представителям царского офицерства и чуждым социальным группам.

Одной из таких групп, представленных в будущей экспозиции, станет профессиональное сообщество педагогов, немецкие учителя и преподаватели. Таким образом, одной из задач исследования с учетом цели проектирования новой части экспозиции становится воссоздание биографий репрессированных немецких педагогов, реконструкция тех реалий жизни, которые стали причиной их личных трагедий. Особенность исследования — в направленности на работу с делами выбранной группы лиц — представителей немецкой диаспоры и носителей немецкой культуры Москвы и Московской области, числившихся работающими в период репрессий в школах, средних профессиональных учебных заведениях, на курсах повышения квалификации и в вузах Москвы и области.

В центре нашего внимания находятся биографии конкретных людей, и при этом вполне обоснованно возникают вопросы методологического характера, например о возможности полноценного восстановления обстоятельств судеб людей, далеко не выдающихся и известных, но рядовых преподавателей и учителей, зачастую беспартийных, в сленге НКВД — так называемой низовки.

Основными источниками для исследования немецкой педагогической интеллигенции, погибшей на полигоне Бутово, стали фонды двух архивов — Государственного архива РФ и Центрального объединенного архива учреждений системы образования г. Москвы. Полученные в результате архивного поиска документальные материалы вводят в научный оборот новые данные, помогают уточнить и дополнить имеющиеся электронные базы о жертвах массовых репрессий, пополняют фондовые коллекции ММК «Бутовский полигон», готовы стать основой дальнейшего развития музейной экспозиции и экскурсионных маршрутов по территории мемориального центра.

В нашем распоряжении чаще всего находились следственные дела ГА РФ фонда 10035 Управления Комитета государственной безопасности СССР по г. Москве и Московской области. Фонд сформирован из архивно-уголовных

дел на лиц, в отношении которых преследование было прекращено и они были реабилитированы в 1939–1969 годах. Основную часть фонда составляют следственные дела, заведенные по различным пунктам ст. 58 Уголовного кодекса РСФСР, весьма специфичные по содержанию и состоящие из стандартного перечня официальных документов: справки на арест, анкеты арестованного, протоколов допросов обвиняемого и свидетелей, обвинительного заключения, копии приговора, материалов проверки и реабилитации, т. е. в основном не содержат материалов личного происхождения, кроме анкеты арестованного, редко — фотографий, очень редко — собственноручных записей, поскольку эти документы имеют право получить родственники и они этим правом в свое время воспользовались.

Выбранные территориальные рамки исследования позволяют провести архивный поиск биографических данных репрессированных педагогов не только в вышеобозначенном архивном фонде ГА РФ, но и параллельно в фондах Центрального объединенного архива учреждений системы образования г. Москвы. Данный архив интересен для исследования возможностью обнаружения личных дел и личных карточек педагогов, а также результатов их профессиональной деятельности. Здесь по фондам некоторых старых московских школ хранятся документы за 1930-е годы. Это весьма скромные по содержанию материалы, которые не дают исчерпывающей информации, но в значительной степени могут дополнить биографические данные о профессиональной деятельности выбранной группы и обладают другими важными характеристиками для изучения жизни московских школ предвоенного периода. Большой удачей для исследования является наличие в архиве ЦОА УСО г. Москвы фонда немецкой школы им. Карла Либкнехта, поскольку, как правило, даже незначительные по объему сведения по преподавательскому составу за предвоенные годы в школах просто не сохранились.

В бутовских списках репрессированных были обнаружены имена 45 преподавателей и ученых немецкого происхождения, причиной гибели которых стало осуществление немецкой операции НКВД. Среди них 23 эмигранта из Германии и Австрии, приехавших в СССР по причине установления на их родине фашистского режима, и 22 «русских» немца — выходцы из Поволжья, с территорий Польши и прибалтийских республик, входивших ранее в состав Российской империи.

Для политэмигрантов из Германии выбор оказался фатальным. Известные политические деятели КПГ и Коминтерна выбора практически не делали: они были обречены и в Германии, и в СССР. В этом отношении показательна судьба Вальтера Конрадовича Гениша — члена КПГ с 1931 года, входившего в партийное руководство Берлина. Еще в родительском доме Вальтер Гениш познакомился с Розой Люксембург, Карлом Либкнехтом, Францем Мерингом, Карлом Каутским и другими руководителями левого крыла Социал-демократической партии Германии. Его отец — Конрад Гениш — был известным государственным и политическим деятелем Веймарской республики,

почетным доктором Франкфуртского университета имени Иоганна Вольфганга Гете. После смерти отца Вальтеру становятся близки взгляды Карла Маркса и Фридриха Энгельса и он сближается с немецкими коммунистами. В начале 1932 года Вальтер Гениш вместе с супругой Габриэлой, также убежденной коммунисткой, выехал в Москву, где они были приняты на работу в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Но и здесь за не соответствующие линии партии взгляды на историю Первого интернационала Гениш подвергся критике со стороны партийной организации института и 15 апреля 1935 года был уволен с работы в связи с «ограниченной трудоспособностью». А далее с сентября по декабрь 1935 года Вальтер Гениш работал в редакции газеты *Das Neue Dorf*, в начале 1938 года получил должность редактора газеты на немецком языке *Deutsche Zentral-Zeitung*, главного органа печати Коминтерна [5: с. 101–110]. Начиная с 1937 года большое количество людей в кругу друзей Гениша были арестованы, что означало начало Великой чистки. Вальтера Гениша арестовали в его московской квартире в переулке Островского 11 марта 1938 года, 17 мая дело по обвинению в шпионаже было заслушано, а 16 июня 1938 года он был расстрелян в Бутово.

В отличие от Гениша другой герой нашего исследования Ганс Густавович Гельман политэмигрантом не был. Этот известный немецкий ученый в области химии и физики приехал в СССР по приглашению Академии наук СССР 31 апреля 1934 года вместе с семьей и не без колебаний принял советское гражданство в 1936 году. На родине в Германии ученый был лишен права преподавания. Основной причиной выбора в пользу СССР была возможность работы в области квантовой химии и ведения семинаров в крупнейшем центре теоретической химии — Физико-химическом институте им. Л. Я. Карпова, а дополнительной — увлечение социалистическими идеями и украинское прошлое жены. Ганс Густавович Гельман был арестован 9 марта 1938 года. Приговор вынесен тройкой при УНКВД СССР по Московской области 17 мая 1938 года, а 29 мая 1938 года в возрасте 34 лет выдающийся ученый был расстрелян на Бутовском полигоне НКВД под Москвой по обвинению «в шпионаже в пользу Германии», его подозревали в передаче секретных сведений о работе института и теоретической группы по квантовой химии, которую он возглавлял. Виктория Гельман пережила суровые времена: с трудом устроилась работать учительницей немецкого языка в сельской средней школе в Лотошино Волоколамского района Московской области, в 1941 году была арестована и сослана в Казахстан, разлучена с сыном. Ее обвинили в антисоветской пропаганде и утверждали, что она, еврейка, покинувшая нацистскую Германию, только и ожидает немцев, чтобы перейти на их сторону. В 1957 году Виктория Гельман получила справку о реабилитации мужа¹.

¹ Вайнер Л. Между жерновами фашизма и большевизма: Ганс Гельман — один из основоположников квантовой химии [Электронный ресурс] // Вестник. 2000. 6 июня. № 11 (244). URL: <http://www.vestnik.com/issues/2000/0606/win/vainer.htm> (дата обращения: 19.04.2020).

В архиве Центрального объединенного архива учреждений системы образования г. Москвы был обнаружен след профессиональной преподавательской деятельности еще одного немецкого эмигранта, еврея по национальности — Гюнтера Максимовича Ауэрбаха, выходца из германского города Бреславля, где в нацистский период преследовались польское, чешское, еврейское меньшинство и депортировались в концлагеря. В фонде московской школы № 559 Москворецкого района сохранились общие приказы по дирекции за 1930-е годы. В приказе № 3 от 28 августа 1936 года о приеме на работу среди других учителей он отмечен как новый преподаватель. Молодой, тридцатитрехлетний беспартийный учитель со средним образованием преподавал немецкий язык в пятом классе школы один учебный год. По приказу № 21 от 11 июня 1937 года об очередных отпусках учителей он получил отпуск с 22 июня по 20 августа 1937 года, а по приказу № 22а от 1 сентября того же года он был освобожден от занимаемой должности с 21 августа по распоряжению Городского отдела народного образования (ЦОА УСО г. Москвы. Школа № 559 Октябрьского РОНО, бывшего Москворецкого РОНО. Ф. 1339, Оп. 1л/с, Д. 3, ЛЛ.2, 8–9). Весь следующий, 1937/38 учебный год к нему было приковано внимание НКВД; после последнего ареста 22 марта 1938 года следствие шло недолго, и 16 июня 1938 года он был расстрелян на Бутовском полигоне, обвиненный в шпионаже в пользу Германии, а реабилитация прошла только в 1957 году.

Школа же, судя по официальным документам, продолжала жить своей обычной жизнью, приказы по дирекции рассказывают о поощрениях и порицаниях сотрудников за их работу. В то же время чувствовалось приближение войны: в штате преподавателей появился военрук, проводились военизированные походы и осенью 1940 года старшеклассники начали подготовку к сдаче норм на коллективный знак «Готов к противовоздушной и противохимической обороне» (ПВХО) Осоавиахима. Для этого был оборудован специальный класс с макетами авиабомб и огнетушителей, противогазами и «антигазационными веществами», где установили «электрифицированную доску» для демонстрации специально заказанных узкоплечных фильмов по ПВХО (ЦОА УСО г. Москвы. Школа № 559 Октябрьского РОНО, бывший Москворецкий РОНО. Ф. 1339. Оп. 1 л/с (Приказы по дирекции). Д. 3. Л. 42–44).

Страна ждала войну. Вследствие этого шла по нарастающей волна унификации пестрого социально-этнического конгломерата, который проживал на территории СССР и в перспективе должен был стать советским народом. Репрессии касались российских немцев всякий раз, когда они покидали места своего компактного проживания, например в Поволжье, и перемещались в центральные районы, привлекая внимание НКВД.

Следующий герой нашего исследования — Федор Филиппович Бузик — родился в АССР Немцев Поволжья и был сыном крестьянина. Несмотря на это, он еще до революции закончил индустриальный институт в Москве, позже служил в царской армии в звании подпоручика, а с 1918 по 1935 год — в Красной

армии, т. е. сделал военную карьеру и был аполитичным, не являясь членом ни одной партии. На момент ареста 14 февраля 1938 года он жил и работал в Москве, преподавал в Автодорожном институте НКВД им. В. М. Молотова. Обвинение по статье 58 УК было предъявлено Федору Филипповичу сразу по нескольким пунктам — 6, 8, 11. Его обвиняли в контактах с агентурой немецкой разведки и причастности к организованной террористической группе, которая якобы готовила покушения на крупных военных деятелей, таких как С. М. Буденный. Как видно, причин для ареста по логике НКВД было достаточно: немецкое происхождение, военная карьера, работа в системе НКВД, которая чистила свои ряды одними из первых. Постановление НКВД СССР 17 мая 1938 года «О ВМН» для Федора Филипповича было приведено в исполнение 28 мая 1938 г. Реабилитация последовала только в 1957 году (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 31679. Л. 4, 36–37).

В годы Большого террора достаточно было иметь только контакты по работе с немецкими специалистами или одно только немецкое происхождение чтобы быть привлеченным по соответствующей статье УК. Аналогично судьбе Ф. Ф. Бузика сложились судьбы других «русских» немцев, например Михаила Готфридовича Наумана — выходца из Гродненской губернии, специалиста-химика, преподавателя учебного комбината фабрики «Буревестник», расстрелянного 28 мая 1938 года в Бутово (ГА РФ. Ф. 10035. Д. 5441. Л. 7, 20–21, 76–77), или Вутке Олега Алексеевича (Отто Густавовича) — известного архитектора, преподавателя Московского архитектурного института.

Родители О. А. Вутке были немцами Поволжья, они переехали из Самары еще до рождения сына. Олег Алексеевич окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества в 1915 году (РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 2. Ед. хр. 2172. Личное дело Отто Густавовича). Он участвовал в создании множества архитектурных сооружений, разработал структурную систему фахверкового жилого дома, в основу которого был положен стандартизованный легкий деревянный каркас. С 1924 по 1928 год он участвовал в проектировании первого рабочего поселка в Иваново-Вознесенске, состоявшего из 144 зданий. Он часто отправлялся в заграничные командировки, в том числе и в Германию. Результатом европейской командировки архитекторов Государственного научно-экспериментального института гражданских, промышленных и инженерных сооружений О. А. Вутке и Г. Я. Вольфензона стала серия статей в журнале «Строительная промышленность» за 1928–1929 годы.

Арестовали Вутке 14 марта 1938 года по обвинению в сборе шпионских сведений по оборонным предприятиям СССР и вербовке лиц для шпионской деятельности на территории страны, а также вхождении в контрреволюционную шпионскую группу. Постановлением Комиссии НКВД СССР и Прокурора СССР по обвинению в шпионаже в пользу Германии архитектор был приговорен к высшей мере наказания и 28 мая 1938 год расстрелян и похоронен на полигоне в Бутово, реабилитирован О. А. Вутке в сентябре 1957 года.

Наибольшая концентрация педагогов немецкого происхождения была в московской школе им. Либкнехта. Школа была открыта в 1924 году как немецкая трудовая школа первой ступени № 37 Сокольнического района. К этому времени в Москве уже работали пять национальных школ: армянская, еврейская, латышская, польская, татарская [4: с. 41].

По данным статистики, в 1924 году в столице проживали 8037 немцев, из них 1607 — в школьном возрасте [3: с. 21]. Однако сами немцы, живущие в Москве, к новой большевистской школе отнеслись с недоверием. Основную часть учеников в 1920-е годы составляли дети немецких рабочих и специалистов, приехавших в СССР. Кроме немцев в школе учились венгры, итальянцы, японцы, финны, родители которых являлись сотрудниками аппарата Коминтерна, членами ВКП (б) или иностранных компартий. Учениками школы были также русские и еврейские дети московской беспартийной интеллигенции — врачей, юристов, инженеров.

В начале 1930-х годов повышенный интерес к немецкой школе начинает проявлять партийное руководство страны в связи с привлечением в СССР иностранных специалистов и квалифицированных рабочих, призванных обеспечить выполнение первого пятилетнего плана. Для работы в школе приглашаются педагоги из Германии. Школа переводится в новое здание на Садово-Спасской улице, дом 6, переходит из Сокольнического района в подчинение Городского отдела народного образования, получает новое название: полная средняя школа № 54 им. Карла Либкнехта. Окончательно определяется ее элитарный характер: школа предназначена для детей иностранцев и представителей советской номенклатуры. Начиная с 1933 года школа начинает принимать детей немецких политэмигрантов, а в 1934 году учениками школы становятся около сотни детей австрийских шуцбундовцев.

Документы фонда 322 немецкой школы им. Карла Либкнехта в Центральном объединенном архиве учреждений системы образования г. Москвы относятся к периоду 1930–1938 годов, когда школа перешла в подчинение горно, и включают в себя личные дела некоторых преподавателей и сотрудников, небольшое количество документов, связанных с жизнедеятельностью школы: запросы о трудовых списках сотрудников, письма и заявления директору школы по разным вопросам, а также метрики, свидетельства о рождении, личные дела учеников школы.

Всего в фонде 86 папок, из них сорок — это личные дела преподавателей. В личных делах сохранилось очень мало документов: в основном это учетные карточки просвещенца, в некоторых случаях автобиографии (есть только в 22 личных делах, из них на немецком языке — 7 биографий) в печатном и рукописном вариантах. Анализ информации учетных карточек преподавателей школы позволяет определить возраст, национальность, социальное происхождение и положение, уровень образования, партийность и пр. Для учителей-иностранцев добавлены пункты: «Откуда прибыл», «С какого времени в СССР». Интересно, что в анкету включен и пункт «Чья рекомендация».

Из 40 преподавателей 15 немцев, один швейцарец, одна венгерка, 10 евреев, 12 русских, одна украинка. Таким образом, сохранились личные дела 21 учителя-иностранца, из них 13 мужчин, 8 женщин. Среди учителей-иностранцев было 8 членов КПГ, 3 — члены ВКП (б), 2 — члены ВЛКСМ, 7 беспартийных, по К. В. Вальцу сведений нет. У 13 преподавателей — высшее образование, у четырех — среднее, у четырех нет сведений об образовании. В основном (кроме К. Целяско) все прибыли в СССР после 1930 года (ЦОА УСО г. Москвы. Ф. 322. Оп. 1. Д. 1).

Известно, что в эти годы в школе работали и другие преподаватели-иностранцы (Г. Шинкель, Ф. Лешницер, Э. Ризель, Г. Биркенфельд, Г. Полак, И. Шреттер, В. Массан, Г. Люшен, Г. Гершинский, Ф. Кауфман, К. Бертрам, П. Шмидт и др.), но их личных дел в фонде 322 нет.

По данным исследователей, с 1931 по 1938 год в школе работало 67 преподавателей-эмигрантов: из Германии — 46 учителей, из Австрии — 10, из Венгрии — 6, из Швейцарии — 3, из Болгарии — 1, из США — 1 [3: с. 82–83].

Преподавание и деловое общение в школе проходили на немецком языке, хотя каждый учитель должен был владеть и русским языком. Работали квалифицированные педагоги, практически все с высшим образованием, и качество преподавания было очень высоким. По воспоминаниям учеников школы, большинство учителей были яркими индивидуальностями, увлеченными натурами, отличались неординарностью, обладали широкими взглядами и разносторонними интересами. Многие были членами КПГ, ВКП (б), комсомольцами. Иностранцы составляли большую часть учительского коллектива, и даже занимали директорский пост. Очень высокие требования предъявлялись при отборе учительских кадров, учитывались рекомендации на работу. В школе преподавали достаточно молодые учителя, и преобладали учителя-мужчины. Как и во всех советских школах этого периода, была большая текучесть кадров, но в то же время можно отметить, что в немецкой школе сложился и постоянный костяк преподавателей.

Школа им. Карла Либкнехта была закрыта в январе 1938 года, в момент, когда Политбюро ЦК ВКП (б) дало Ежову санкцию на продолжение «национальных операций» и в соответствии с Постановлением Оргбюро ЦК ВКП (б) от 24 января 1938 года «О реорганизации национальных школ», в котором предлагалось указанные школы реорганизовать в советские школы обычного типа» [3: с. 202]. Национальные школы объявлялись делом рук «враждебных элементов» и «очагами буржуазно-националистического, антисоветского влияния на детей».

С 1937 года начались аресты учителей школы. Первые задержания были связаны с «раскрытием» контрреволюционной фашистской организации в Республике Немцев Поволжья летом 1937 года. По версии следствия, в нее входили и бывшие учителя немецкой школы им. Карла Либкнехта в Москве: бывший директор школы (в 1933–1934 гг.), немецкий коммунист Гельмут

Шинкель, учитель Герман Штильке (личных дел этих преподавателей нет в фонде 322). Герман Штильке был расстрелян в декабре 1937 года, Гельмут Шинкель отбывал восьмилетний срок в концлагере [3: с. 129]. Еще один бывший директор немецкой школы (март 1935 – март 1936 гг.) — Карл Целяско был объявлен агентом германской разведки, который якобы раздавал задания членам этой организации.

В фонде 322 сохранилось личное дело К. Г. Целяско, а в нем — единственный документ — печатная копия автобиографии на десяти страницах. Из автобиографии узнаем, что Карл Густавович родился в 1900 году в Восточной Пруссии в семье строителя, у него было шестеро братьев. В 1914 году «стал учеником плотничьего ремесла», в 1918 был взят в немецкую армию и служил в Западной Пруссии. После поражения ноябрьской революции Карл Целяско приехал в Советскую Россию и сделал партийную карьеру в Республике Немцев Поволжья: в 1921 году в Воронеже вступил в ряды ВЛКСМ, потом получил направление в немецкую Совпартшколу в Москве, по окончании которой был направлен ЦК ВЛКСМ в Республику Немцев Поволжья; в 1923 году вступил в члены ВКП (б), а в 1924 году получил направление на учебу в немецкий сектор Коммунистического университета национальных меньшинств Запада (КУНМЗ); учебу закончил в 1927 году и получил направление на партийную работу в Таганрог, в январе 1929 года был вызван в Москву на работу в Центральный институт повышения квалификации учителей в качестве заведующего Нацсектора (ЦОА УСО г. Москвы. Ф. 322. Оп. 1. Д. 1. Личное дело Карла Густавовича Целяско).

Работая в различных структурных подразделениях народного образования Москвы, Карл Целяско много раз в качестве инспектора бывал в немецкой школе им. Карла Либкнехта. Летом 1932 года по заданию ЦК КПГ был командирован в Берлин. Во время пребывания в Берлине познакомился с группой выпускников школы в Нойкельне и пригласил их на работу в Москву. Позже Бруно Кремке, Отто Бранд, Гейнц Люшен, Георг Гершинский и Гейнц Войдке станут преподавателями немецкой школы им. Карла Либкнехта.

Автобиографию Карл Целяско заканчивает сообщением о своем назначении в феврале – марте 1935 года директором немецкой школы им. Карла Либкнехта и постановкой первоочередных задач деятельности: «То — за что надо всеми силами бороться сейчас — это учительские кадры: надо улучшить состав учителей, подобрать освобожденных классных руководителей и пионервожатых. — Основная задача, основная предпосылка — улучшить воспитательную работу в школе» (ЦОА УСО г. Москвы. Фонд 322. Оп. 1. Д. 1. Личное дело Карла Густавовича Целяско).

После ареста К. Целяско почти год провел на Лубянке. Его имя под номером 84, кат. 1 (АП РФ. Оп. 24. Д. 416. Л. 331) есть в списке лиц «Москва-центр, Московская область», подлежащих суду Военной коллегии Верховного Суда Союза СССР от 3 мая 1938 года (подписи: Сталин, Молотов, Ворошилов; АП РФ. Оп. 24. Д. 416. Л. 326). Кроме того, Карл Густавович Целяско,

1900 года рождения, под номером 88 указан в списке лиц, осужденных к высшей мере уголовного наказания — расстрелу по приговору Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР от 9 мая 1938 года. Документ подписан В. Ульрихом².

В январе 1938 года НКВД в Московской области начинает «раскручивать» дело об организации «Гитлерюгенд», которая, по мнению следователей занималась контрреволюционной, фашистской деятельностью. В ходе оперативных мероприятий было арестовано несколько десятков представителей немецкой молодежи, проживавших в это время в Москве [3: с. 132]. Аресты коснулись учителей и учеников уже закрытой школы имени Карла Либкнехта.

Одним из первых по этому делу был расстрелян Курт Арендт, который работал пионерским вожатым в школе им. Карла Либкнехта. Приговор был приведен в исполнение в Бутово 28 февраля 1938 года [Там же: с. 132]. В фонде 322 сохранилось его личное дело, а в нем всего три документа: автобиография на немецком языке (две страницы печатного текста), расписка в получении в школе документов от 19 апреля 1937 года (оригинал), запрос из Клуба иностранных рабочих им. Тельмана № 0/63 о высылке трудового списка «бывшего служащего» К. Г. Арендт (оригинал).

В автобиографии Курт Георгиевич Арендт сообщает о том, что родился в 1906 году в Берлине, отец был служащим в банке. С 1914 по 1922 год учился в народной школе, а с октября 1922 года по 1926 год получил рабочую специальность слесаря на заводе в Берлине, потом до 1930 года работал помощником слесаря. С 1930 года стал работать в агитбригаде «Колонна левых», которая с концертами объехала все крупные города Германии: Гамбург, Бремен, Мюнхен, Франкфурт и др.

В 1931 году агитбригада через Польшу прибыла в СССР, выступила с концертами во всех крупнейших индустриальных центрах страны, а потом на советском корабле вернулась в Германию. Во время плавания участники агитбригады познакомились с экипажем советского судна и получили приглашение приехать во Владивосток. В Берлине, в местном комитете, одобрили такую поездку, и в конце мая 1931 года на корабле «Терек» агитбригада отправилась во Владивосток. По прибытии были даны концерты на различных предприятиях Владивостока, Иркутска и других городов. Потом агитбригада приехала в Москву. В столице Курт и его товарищи работали в качестве наемных рабочих — автослесарей на заводе «Динамо», несколько раз бывали на Урале и посетили Кузбасс.

С 1933 по 1935 год Курт Арендт работал в Московском клубе иностранных рабочих в качестве руководителя молодежной группы. В январе 1935 года по рекомендации Коминтерна был направлен в школу им. Карла Либкнехта для работы пионервожатым. В 1927 году вступил в КПГ. С 1932 года стал членом советского профсоюза работников просвещения.

² Документ опубликован на сайте «Бессмертный барак»: <https://bessmertnybarak.ru>.

Известно, что в деле «Гитлерюгенд» фигурантами были еще два учителя немецкой школы: Курт Бертрам и Рудольф Зенглауб (политэмигрант, рабочий из Тюрингии, в школе был инструктором по труду). Личных дел этих преподавателей в фонде 322 нет.

Сама школа в деле «Гитлерюгенд» упоминается как место вербовки участников этой организации. Кроме учителей к этому делу «приобщили» и некоторых учеников школы им. Карла Либкнехта [3: с. 133].

В феврале – марте 1938 года из учительских квартир в доме № 11 по 12-й Сокольнической улице на Лубянку увезли австрийца Петера Шнур-Коларича, Бронек и Эрику Ротцейг, Елизавету Келен-Бартош [Там же: с. 131]. Все они были учителями школы им. Карла Либкнехта. В фонде 322 сохранились личные дела Бронек и Эрики Ротцейг. В личном деле Бронек Ротцейга всего четыре документа: личная карточка (оригинал, заполнена в 1934 году), рукописный вариант личной карточки, карточка учета педагогических кадров немецкой средней полной школы им. Карла Либкнехта с производственной характеристикой (печатный вариант), рукописная справка о том, что Б. Ротцейг по совместительству работает в Московском энергетическом институте.

Из документов можно узнать, что Бронек родился в 1902 году, по национальности — еврей, социальное происхождение — торговец, социальное положение — ИТР., беспартийный, женат, образование высшее — физика, специальность — физик, знает немецкий, французский и английский языки, прибыл в СССР из Германии в 1933 году (ЦОА УСО г. Москвы. Ф. 322. Оп. 1. Д. 1. Личное дело Бронек Ротцейга).

В личном деле Эрики Ротцейг сохранилась автобиография (рукописный и печатный варианты на русском языке), карточка учета педагогических кадров школы им. Карла Либкнехта и учетная карточка просвещенца — оба документа заполнены самой Эрикой, удостоверение о том, что Э. Г. Ротцейг работала в средней немецкой школе № 54 им. Карла Либкнехта горно в качестве педагога 1–4-х классов с августа 1934 года по август 1937 года (оригинал). Из автобиографии Эрики узнаем, что она родилась в 1895 году в Лейпциге, она немка, отец — книгоиздатель. Эрика окончила консерваторию в Лейпциге, в 1922 году познакомилась с Бронекком.

Бронек и Эрика Ротцейг были беспартийными, но симпатизировали коммунистам. На их квартире в Лейпциге проходили подпольные собрания профсоюзной организации КПП. После фашистского переворота и нескольких обысков в их квартире Бронек выехал в СССР, через некоторое время в СССР приехала и Эрика с сыном Александром, который родился в 1930 году. В январе 1934 года Бронек и Эрика Ротцейг приняли советское гражданство (ЦОА УСО г. Москвы. Ф. 322. Оп. 1. Д. 1. Личное дело Э. Г. Ротцейг). После ареста родителей их восьмилетний сын был определен в детдом, потом его увезли на Украину, в Днепропетровск. В детдоме Александр получил новую фамилию — Ройцин [3: с. 135].

Бронек Ротцейг был осужден Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР по обвинению в участии контрреволюционной фашистской организации, приговорен к расстрелу 17 мая 1938 года, приговор приведен в исполнение в Бутово 6 июня 1938 года. Его жена после смерти Сталина вернулась в ГДР. Бронек Ротцейг реабилитирован 20 августа 1957 года.

В результате сталинских репрессий пострадали более 40 учителей и около 50 учеников школы им. Карла Либкнехта [Там же: с. 137]. Восемь учителей и трое учеников этой школы были расстреляны в Бутово [Там же: с. 130].

В нашем исследовании речь шла в основном о жертвах Большого террора — этнических немцах и носителях немецкой культуры, оказавшихся в Москве и репрессированных в Бутово. С позиции НКВД, все эти люди были представителями «враждебной» национальности и их необходимо было уничтожить. Очевидным становится то, что профессиональная деятельность учителей и преподавателей институтов не становилась, как можно было бы предполагать, причиной репрессий. Только немецкое происхождение эмигрантов и российских немцев, немецкие знакомства и контакты, поездки на территорию Германии были истинным поводом для действий НКВД.

По результатам исследования яснее проявляется сущность агрессивной национальной политики СССР 1930-х годов, формировавшие единую общность «советский народ» из людей-винтиков не только идеологическими, но и репрессивными методами. Тотальность и неотвратимость государственного террора коснулись всех национальных групп, всех народностей и всех социальных слоев населения СССР. Историкам предстоит еще очень долго размышлять над этими страницами нашей истории.

Литература

1. Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга Памяти жертв политических репрессий. Вып. 8. М.: Альзо, 2004. 400 с.
2. Ватлин А. Ю. «Ну и нечисть»: немецкая операция НКВД в Москве и Московской области 1936–1941 гг. М.: РОССПЭН, 2012. 341 с.
3. Мусиенко Н. С., Ватлин А. Ю. Репрессированная школа. История немецкой школы им. Карла Либкнехта в Москве, 1924–1938. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 240 с.
4. Сеть учреждений народного образования Московской губернии. М.: МОНО, 1924. 366 с.
5. Stammberger G., Peschke M. Gut angekommen — Moskau. Das Exil der Gabriele Stammberger 1932–1954. Berlin: Basisdruck Verlag, 1999. 472 s.

Literatura

1. Butovskij poligon. 1937–1938 gg. Kniga Pamjati zhertv politicheskix repressij. Vy'p. 8. M.: Al'zo, 2004. 400 s.
2. Vatlin A. Yu. «Nu i nechist'»: nemeckzaja operaciya NKVD v Moskve i Moskovskoj oblasti 1936–1941 gg. M.: ROSSPE`N, 2012. 341 s.

3. Musienko N. S., Vatlin A. Yu. Repressirovannaya shkola. Istoriya nemeczkoy shkoly' im. Karla Libknexta v Moskve, 1924–1938. M.: Politicheskaya e'nciklopediya, 2014. 240 s.

4. Set' uchrezhdenij narodnogo obrazovaniya Moskovskoj gubernii. M.: MONO, 1924. 366 s.

5. Stammberger G., Peschke M. Gut angekommen — Moskau. Das Exil der Gabriele Stammberger 1932–1954. Berlin: Basisdruck Verlag, 1999. 472 s.

E. E. Kuvshinova,

A. Yu. Chelnokova

**Repression of Moscow's Pedagogical Intelligentsia
in the German NKVD Operation of 1937–1938**

The article is devoted to the fate of repressed teachers in Moscow and the Moscow region who were shot at the Butovo training ground during the great terror of 1937–1938. The authors focus on the life circumstances of representatives of certain social groups and biographies of specific people, representatives of the German community in the USSR.

Keywords: Butovsky polygon; repressions; political emigrants; German teachers and teachers: national schools.

УДК 94:339(47:73)"1941/1945"

DOI: 10.25688/2076-9105.2020.40.4.06

А. В. Хатанзейский

Поставки бронетехники в СССР по программе ленд-лиза в 1941–1945 годах: объемы и значение

В статье анализируются объемы и значение поставок в СССР бронетехники по программе ленд-лиза в годы Великой Отечественной войны. На основе архивных источников объемы и значение поставок танков, бронемашин и ремонтных мастерских проанализированы в сравнении с объемами производства советской танковой промышленности в разные периоды войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; ленд-лиз; танки; танковая промышленность.

Тема поставок по ленд-лизу в СССР в годы Великой Отечественной войны до сих пор остается одним из наиболее малоизученных вопросов. Однако за последние три десятилетия все же был опубликован ряд работ, посвященных ленд-лизским поставкам в СССР в годы войны [19; 13; 3].

Поставки бронетехники, в свою очередь, являются отдельной, еще менее изученной стороной истории ленд-лиза. О применении союзнической (ленд-лизинговской) бронетехники в Красной армии во время Великой Отечественной войны написано крайне мало. Исключение составляют работы М. В. Коломийца и И. Б. Мощанского [8], М. Н. Свирина [14; 15], М. Б. Барятинского [1], Н. И. Рыжкова [13], которые освещают в большей степени тактико-технические и конструктивные аспекты бронетанкового вооружения. Наиболее предметно эта тема представлена в работе М. В. Коломийца и И. Б. Мощанского [8]. Авторы рассматривают не только технические аспекты и применение союзнической бронетехники, но и касаются некоторых дипломатических аспектов организации поставок бронетехники.

Среди зарубежных исследователей, освещавших эту тему, следует назвать А. Хилла и С. Залого. Работа американского исследователя Стивена Залого носит больше обзорный характер [22], тогда как канадский историк Александр Хилл рассматривает использование союзнической техники в Красной армии более детально в конкретные периоды войны [21].

Еще меньше сказано о роли союзнической бронетехники в первый, самый тяжелый год войны, когда большая часть промышленности находилась в процессе эвакуации, из-за чего военная экономика не могла восполнять

в должном объеме нужды фронта в бронетанковой технике [4]. По приблизительным подсчетам, с 22 июня до конца декабря 1941 года потери Красной армии в танках составили 20 500 единиц. В то же время советской танковой промышленностью во второй половине 1941 года было выпущено 4 649 единиц бронетехники [16: с. 218].

Внешнеэкономические операции между СССР и США в первые месяцы войны осуществлялись через «Амторг» — советско-американскую торговую корпорацию, созданную еще в 1924 году. Однако в процессе работы проявилась необходимость создания в США специального органа со стороны СССР, который бы занимался военными поставками именно по ленд-лизу [3: с. 21–22]. Для этого 25 февраля 1942 года была создана Советская правительственная закупочная комиссия, которую возглавил генерал-майор А. И. Беляев [19: с. 76].

Первый (московский) протокол о поставках был подписан представителями СССР, США и Великобритании 1 октября 1941 года. Согласно этому документу и США, и Великобритания обязались поставлять Советскому Союзу ежемесячно по 750 танков до 30 июня 1942 года, т. е. всего 4500 единиц бронетехники. Несмотря на то что закон о ленд-лизе был официально распространен на СССР 7 ноября 1941 года, первые поставки через Великобританию были отправлены после 6 сентября, после телеграммы И. В. Сталина У. Черчиллю с намеком на выход из войны. В Советский Союз они прибыли в начале октября [Там же: с. 22–23].

Для организации приема и учета поступающих грузов в портах Советского Союза были созданы специальные военные миссии. Английская военная миссия в СССР была развернута 20 июля 1941 года с прибытием в Архангельск офицера британского королевского флота, кэптана Вайберда в качестве старшего британского морского офицера и главы миссии. Глава британской миссии в Архангельске подчинялся непосредственно старшему морскому офицеру в Северной России. Состав британской миссии в Архангельске к ноябрю 1941 года включал 15 офицеров и 13 рядовых (к концу войны в 1945 году — 16 офицеров и 54 рядовых и унтер-офицеров). При этом состав миссии непрерывно менялся. Всего за время войны в ней было 68 офицеров и 132 унтер-офицера и рядовых. В роли главы миссии последовательно выступали кэптен Вайберд, кэптен Монд, кэптен Уокер, кэптен Сэндфорд. Британская миссия имела своих представителей в Молотовске и портовых районах Архангельска — Бакарице и Экономии. Состав представителей был таков: один офицер конвойной службы и два рядовых, как правило сигнальщики (ФЦАМО (АВМФ). Ф. 982. Оп. 137. Д. 46. Л. 56–57).

Американская миссия в Архангельске была создана в августе 1941 года. Она несколько уступала английской миссии, поскольку все руководство союзными конвоями в части инструктажа осуществлялось англичанами. Численность ее не превышала пяти офицеров и 5–6 унтер-офицеров и рядовых. Глава миссии — старший американский офицер в Архангельске — именовался

помощником военно-морского атташе США. Лица, замещавшие эту должность, за время войны также сменились три раза: лейтенант Френкель, лейтенант Харшо и лейтенант Блэнд. Американская миссия имела своего постоянно-го представителя в Молотовске (ФЦАМО (АВМФ). Ф. 982. Оп. 137. Д. 46. Л. 56–57).

В октябре 1941 года в Англию для приемки танков была отправлена группа советских специалистов-приемщиков из трех человек: старший приемщик К. В. Ольховский и приемщики Ф. Н. Тимченко и С. Н. Гуров. Они прибыли на место и приступили к работе 24 ноября. С ноября 1941 года по апрель 1943 года группа работала в составе инженерного отдела Торгпредства.

В январе 1942 года в составе Инженерного управления Народного комиссариата внешней торговли был создан танковый отдел. Его главная функция заключалась в организации импорта бронетанкового вооружения, а также в координации работы заграничных отделов и представителей в советских портах. Штат отдела в течение войны составлял от 7 до 10 человек. Отдел постоянно держал связь с представителями военных миссий Англии и США в Москве и по необходимости мог вести переговоры или переписку (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 9. Д. 547. Л. 192). Основными комитентами (заказчиками) танкового отдела были управления Народного комиссариата обороны, в частности Главное бронетанковое управление, Главное управление ремонта танков, Главное артиллерийское управление, Главное автомобильное управление, ряд наркоматов народного хозяйства (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 9. Д. 547. Л. 192).

Первые 20 английских танков «Валентайн» (Мк. III) вместе с английскими инструкторами по танковому делу достигли Архангельска 11 октября 1941 года [8: с. 7]. Эти машины прибыли в Казань 28 октября 1941 года. Еще 120 танков и 200 танкеток (легких бронемашин) прибыли и выгрузились в Архангельске 30–31 октября, после чего их планировалось направить в Горький [4: с. 115], где создавалось училище для обучения экипажей иностранных танков [20: с. 47–52].

С конвоем PQ-6 20 декабря 1941 года прибыл 31 американский легкий танк М3 «Стюарт». Всего до 10 июля 1942 года в СССР было доставлено 387 танков этого типа [22: р. 15–16]. Тогда же, в январе 1942 года, через Иран были завезены первые 20 танков «Тетрарх». В марте в Армении из них сформировали 21-й отдельный учебный танковый полк. Тогда же на подготовку танкистов для эксплуатации иностранной техники перевели 23-й и 38-й учебные танковые полки [7: с. 31]. Всего на начало декабря в составе фронтов, прикрывавших Москву, а именно Калининского, Западного и правого крыла Юго-Западного, было 678 (в боевых частях 667) танков [11: с. 92; 20]. С 1 октября 1941 года и до начала января 1942 года союзники поставили в СССР 501 танк (466 английских и 35 американских) (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 9. Д. 542. Л. 5) и 330 английских бронетранспортеров Мк. I Universal Carrier, которые, по советской классификации, обозначались как танкетки (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 9. Д. 542. Л. 6).

По первому (московскому) протоколу союзники обязались поставить в совокупности 4500 танков и 1800 бронетранспортеров. Как класс бронетехники бронетранспортеры в Советском Союзе на тот момент не производились, а потому в Красной армии их не было.

По итогам первого протокола в СССР было отгружено:

- из США — 2254 танка (100,2 % по протокольным обязательствам);
- из Великобритании (и Канады) — 2157 танков (95,1 %).

До советских портов дошли соответственно 1525 (68 %) и 1646 (70,4 %) танков. Бронетранспортеров было отправлено из Великобритании 1816 (100,1 % по обязательствам), прибыло — 1470 (82 %), в том числе 511 из Канады (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 9. Д. 547. Л. 15).

Но были также и внепротокольные поставки. В их числе за тот же период (до июля 1942 года) из США:

- броневездеходы М2: отгружено — 219, завезено — 191;
- бронемашины М3А1: отгружено — 400, завезено — 232;
- походные сварочные мастерские М-3: заказано — 42; отгружено и завезено — 25;
- запасные части для вышеуказанного вооружения и оборудования: отгружено — 2306 тонн; завезено — 1677 тонн.

Внепротокольные поставки из Англии:

- походные зарядные станции на шасси бронетранспортера: отгружено — 32; прибыло — 20 (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 9. Д. 547. Л. 15);
- запасные части: отгружено — 5922 тонны (в том числе из Канады — 1556 тонн), завезено — 5547 тонн (в том числе из Канады — 1201 тонна).

Следует отметить, что разница в количестве отгруженных и прибывших в Советский Союз танков — это не только потери в пути, но и не погруженные по каким-либо причинам на суда (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 9. Д. 500. Л. 43).

К лету 1942 года кризисная ситуация в советском военном производстве в целом была преодолена. Система управления была налажена, а объемы производства бронетехники и боеприпасов росли. К 1943 году военно-промышленная база была развернута полностью [6: с. 151; 16: с. 201]. При этом, по данным советника посольства СССР А. А. Громыко, в США военная промышленность за первые шесть месяцев 1942 года произвела военного снаряжения (включая самолеты и танки) в 1,5 раза больше, чем за весь 1941 год. Танков за этот период произведено в несколько раз больше, чем в течение всего 1941 года, а за один только май 1942 года — более 1500. Следует отметить, что в производстве увеличивается доля новейшего танка М4 (М4А2 «Шерман») с 75-мм пушкой [18: с. 227]. Возможно, поэтому обязательства США по бронетехнике во втором протоколе были намного выше, чем в первом. Только по танкам они составляли 7500 шт.; по бронемашинам М3А1 — 6000 шт.; по полевым ремонтным мастерским — 1206 шт. Обязательства Великобритании — 3000 танков и 2400 БТР Mk.I (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 9. Д. 547. Л. 16).

Однако итоговая сумма поставок оказалась намного меньше обязательств союзников. Из США к июню 1943 года было отгружено:

- танков — 954, что составляет 12,7 % от обязательств, из них завезено только 895 (11,8 %);
- бронемашин М3А1 — 523 (8,8 %) и столько же завезено;
- полевых ремонтных мастерских — 257 и столько же завезено (21,8 %).

Как отмечается в документах, причиной невыполнения обязательств по ремонтным мастерским явилось то, что США начали их поставки не в октябре 1942 года, а в марте 1943 (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 9. Д. 547. Л. 16).

Из Англии по второму протоколу было отгружено (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 9. Д. 547. Л. 16):

- танков — 1824 (60,8 %), в том числе из Канады — 723; завезено — 1649 (55 %), в том числе из Канады — 683;
- бронетранспортеров Mk.I: отгружено и завезено — 140 (5,8 %); все из Канады (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 9. Д. 547. Л. 16–17).

По внепротокольным обязательствам из США (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 9. Д. 547. Л. 16–17):

- броневездеходы М2: отгружено — 110, завезено — 89;
- походные ремонтные краны М-1 на грузовиках (мастерские): заказано — 5, отгружено и завезено — 5;
- походные сварочные мастерские М-3: отгружено — 17 (остаток от первого протокольного периода), завезено — 14;
- самоходные пушки М10 калибра 3 дюйма (образцы): заказано, отгружено и завезено — 2;
- танковые транспортеры «Даймонд» (40-тонные) и «РИО» (20-тонные): заказано — 720, отгружено — 76, завезено — 60;
- танковые двигатели «Крайслер» (образцы): заказано, отгружено и завезено — 5;
- запасные части к вышеуказанному вооружению и оборудованию: отгружено — 7635 тонн, завезено — 7312 тонн.

По внепротокольным обязательствам из Англии (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 9. Д. 547. Л. 17):

- полевые ремонтные мастерские: отгружено — 149, завезено — 128;
- походные зарядные станции на шасси бронетранспортера: отгружено — 61, завезено — 55;
- запасные части к вышеуказанному вооружению и оборудованию: отгружено — 9489 тонн (в том числе из Канады — 3485 тонн), завезено — 7963 тонны (в том числе из Канады — 2683 тонны).

Причиной такой разницы в цифрах является отказ советской стороны от большей части танков, занимавших значительный объем тоннажа судов при остром его дефиците. Еще в августе 1942 года И. В. Сталин за ужином с У. Черчиллем заявил, что СССР теперь в состоянии производить достаточное количество танков и больше в их поставках не нуждается [17: с. 141].

Но необходимо учитывать и другие факторы, повлиявшие на сокращение поставок бронетехники:

1) низкое качество, технические характеристики и плохая укомплектованность отдельных типов союзнической бронетехники запасными частями и инструментом;

2) острая нехватка истребителей, неожиданно выявившаяся под Сталинградом в сентябре – октябре 1942 года;

3) перерывы в поставках по северному маршруту, имевшие место во втором полугодии 1942 года, в частности между конвоем PQ-18 (2.09–19.09.1942) и JW-51A (15.12–25.12.1942) прошло около двух месяцев [2: с. 314]. Эта задержка была связана с подготовкой союзников к операции «Факел» (высадка в Северо-Западной Африке), потребовавшей значительного количества техники и судов.

Таким образом, еще до подписания второго протокола советская сторона склонялась к решению о сокращении поставок бронетехники в пользу увеличения других типов вооружения.

Внутреннее производство танков и САУ в СССР за 1942 год составило 24 504 единицы [6: с. 153], тогда как безвозвратные потери за тот же период — около 15 100 [10: с. 483]. Как показывают цифры, собственное производство обеспечивало нужды фронта и острой необходимости в поставках бронетехники уже не было.

В течение 1942 года увеличились поставки через Иран. В мае 1942 года ежемесячные поставки грузов достигли 80–90 тыс. тонн, а во второй половине 1943 года уже 200 тыс. тонн [9: с. 32]. Всего по иранскому маршруту к 31 декабря 1942 года, т. е. за год с лишним работы, поступило 670 танков и 653 бронемашин (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 9. Д. 182. Л. 42). Потери по пути в Иран за указанный период составили 220 танков и 222 бронемашин (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 9. Д. 182. Л. 42.). На территорию Советского Союза грузы доставлялись по железной дороге или судами Каспийской военной флотилии. В целом с 1941 по 1945 год транспортом КВФ было доставлено около 25 % общего импорта поставок по иранскому маршруту [9: с. 33]. В январе 1943 года поставки танков практически прекратились в связи с отказом советской стороны. Броневездеходы перестали отправлять еще в ноябре 1942 года, а бронемашин не отгружались с декабря 1942 по апрель 1943 года [3: с. 228].

По четвертому протоколу поставки бронетанковой техники предполагались только из США, не считая ремонтных мастерских из Канады. Заявка включала в себя 3000 танков различных типов и марок, предложение США — 3173. Но в итоге скорректированная заявка составила 2229, из которых отгружено и завезено было 2076 танков (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 9. Д. 547. Л. 21–22).

Помимо этого, было отгружено и завезено (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 9. Д. 547. Л. 42):

- бронемашин М3А1 — 447;
- броневездеходов М9А1 и М5А1 — 418;

- полевых ремонтных мастерских из США: отгружено — 103, завезено — 101 (потери в пути — 2); из Канады отгружено и завезено — 656 (остаток от третьего протокола);

- танковых транспортеров «Даймонд» (40-тонные трейлеры) США обязались поставить 400 штук, но отгружено было 310, а завезено 297 (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 9. Д. 547. Л. 22).

Кроме того, было отгружено и завезено 199 ремонтных мастерских по дополнительной заявке от 17 октября 1944 года, согласно которой США обязались поставить их 720 штук (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 9. Д. 547. Л. 22).

Внепротокольные поставки из США (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 9. Д. 547. Л. 22–23):

- полевые радиоремонтные мастерские: заказано, отгружено, завезено — 25 штук;

- передвижные компрессоры высокого давления: заказано — 25. Отмечено, что компрессоры были изготовлены, но их поставку прекратили в связи с окончанием войны;

- танковые брезенты: завезено — 4260 штук;

- агрегаты для резки и сварки брони: отгружено и завезено — 14 (остаток от третьего протокола);

- ацетиленовые генераторы — 150;

- ацетиленовые баллоны — 700;

- кислородные баллоны — 2000;

- поворотные механизмы для отечественных танков: заказано — 1000, отгружено и завезено — 455, так как от дальнейшей отгрузки отказались;

- воздушные нагнетатели для танковых двигателей (образцы): заказано — 41, отгружено и завезено — 20, так как от поставки оставшихся отказались;

- тяжелые танки Т-26 (образцы): отгружено и завезено — 1;

- легкие танки М-24 (образцы): отгружено и завезено — 2;

- танковые двигатели «Форд» (образцы) — 3;

Внепротокольные поставки из Великобритании и Канады (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 9. Д. 547. Л. 22–24):

- танки «Валентайн» — 80, переданы в Иране;

- поршни для отечественных танковых дизелей: заказано — 180 000 штук, отгружено и завезено — 159 165 штук;

- полевые ремонтные мастерские различных типов — 89;

- огнеметные танки «Крокодил» на шасси танка «Черчилль VII» (образцы) — 3;

- огнеметные бронетранспортеры Mk.I (образцы) — 3;

- средние танки «Комета» (образцы) — 1;

- саперные танки «Краб» на шасси танка М4А4 «Шерман» (для разминирования и проделывания проходов в минных полях) — 3;

- бронемашины АЕС (образцы) — 3;

- бронемашины «Даймлер» (образцы) — 3;

- запасные части к вышеуказанному вооружению и оборудованию: отгружено — 3362,5 тонны (в том числе из Канады — 1544,4 тонны), завезено — 3349,5 (в том числе из Канады — 1531,4 тонны). В то же время из США отгружено — 9688,1 тонны, завезено — 9566,5 тонны;

- запасные части к ремонтным мастерским и танкам «Валентайн» (в счет канадского фонда взаимопомощи) — 905,6 тонны.

Следует отметить, что начиная с третьего протокола обеспечение поставляемой из США бронетехники запасными частями значительно улучшилось. Если в период первого протокола запчастей к танкам и бронемашинам отгружалось только 25 % от нормы, а в период второго протокола — около 60 %, то во время действия третьего и четвертого протоколов — уже около 90 % от нормы (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 9. Д. 547. Л. 41). Все импортные запасные части для бронетехники изначально прибывали только на центральные склады в Горький, Баку и Нарофоминск и уже потом направлялись для обеспечения фронтов и танковых лагерей [5: с. 752].

Общий объем импорта за весь период войны по танковому отделу Инженерного управления Наркомата внешней торговли с октября 1941 по июнь 1945 года из США, Великобритании и Канады составил 4 509 310,1 тысяч рублей. Суммы импорта по годам представлены в таблице 1 (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 9. Д. 547. Л. 31).

Таблица 1

Годы	Великобритания	Канада	США	Всего
1941	152 101,7	—	6 344,1	158 445,8
1942	564 207,5	—	549 459,1	1 113 685,7
1943	695 303,7	106,6	540 323,0	1 235 733,3
1944	185 604,1	101 040,4	1 239 064,7	1 525 709,2
1945	10 808,7	482,3	464 445,7	475 736,1
Итого:	1 608 025,7	101 629,3	2 799 646,0	4 509 310,1

Следует отметить, что операций за наличный расчет танковый отдел не производил, не считая 1000 завезенных горных (танковых) очков из США на сумму 3600 долларов и образцов сельскохозяйственных тракторов, заказанных в 1944 году в США на сумму 35 000 долларов. Эти тракторы впоследствии были переданы танковым отделом в «Техноэкспорт» (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 9. Д. 547. Л. 31).

Собственное танковое производство в СССР в 1943–1945 годах продолжало развиваться и наращиваться. Это происходило в первую очередь за счет расширения производственной базы Наркомата танковой промышленности, в частности за счет усовершенствования и наращивания объема оборудования на действующих предприятиях. Но, помимо этого, важную роль здесь играло восстановление и вступление в строй предприятий на освобожденных территориях, в частности таких крупных промышленных центров, как Сталинград, Харьков и Ленинград [6: с. 221, 225–229]. Благодаря этому советской

танковой промышленности к концу 1944 года удалось значительно увеличить производство танков и самоходных орудий, которое составило 28 983 единицы за указанный год [Там же: с. 260]. Таким образом, ленд-лизские поставки танков и САУ, которые за 1944 год насчитывали 3131 единицу (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 9. Д. 547. Л. 25–26), составили 10,8 % от внутреннего производства, что в целом соответствовало подсчетам танкового отдела — около 10 % (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 9. Д. 547. Л. 76). При безвозвратных потерях около 23 700 единиц за тот же год [10: с. 483] это позволяло советскому командованию покрыть 13,2 % от количества потерь.

За первое полугодие победного 1945 года советская танковая промышленность произвела 15 422 танка и САУ; однако, если добавить сюда период боевых действий против Японии в августе 1945 года, то, по имеющимся данным, внутреннее производство за период с января по август составило около 20 500 единиц [12: с. 186].

Союзнические поставки танков за неполный 1945 год составили 1095 штук. Это были в большинстве своем американские танки М4А2 «Шерман», а также один тяжелый Т-26 (он же М26 «Першинг») и два легких М24 в качестве образцов. Из Англии прибыли лишь три танка «Комета» и один огнеметный «Крокодил» в виде образца. Таким образом, в зависимости от периода времени соотношение внутреннего производства и поставок в последний год войны варьируется от 5,3 до 7,1 %. По подсчетам танкового отдела НКВТ — около 5 % (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 9. Д. 547. Л. 76).

Однако в связи с тем что самоходные артиллерийские установки в последние месяцы войны уже не поставлялись, то включать количество их внутреннего производства в подсчеты было бы неверно. Поэтому если вычесть из вышеприведенных сумм (15 422 и 20 500) 5000 самоходных орудий [10: с. 479], поступивших в войска в первое полугодие 1945 года, то получится, что более точное соотношение варьируется от 7 до 10,5 %. Потери в танках за последние полгода войны с Германией составили около 8700 [10: с. 479]. Таким образом, союзнические поставки на исходе войны покрывали 12,6 % потерь танков.

В итоге за весь период войны, с октября 1941 по июнь 1945 года, танковым отделом завезено 23 186 единиц бронетехники, в том числе 10 760 танков (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 9. Д. 547. Л. 90). С июня 1945 года поставки танков были прекращены. Во втором полугодии 1945 года продолжались поставки только полевых мастерских, трейлеров и запасных частей (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 9. Д. 547. Л. 200).

Общая сумма импорта танкового отдела по видам и количеству вооружения и оборудования представлена в таблице 2 (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 9. Д. 547. Л. 10).

Таблица 2

Виды техники	Количество (шт.)	Стоимость (тыс. рублей)
Танки всех типов	10 760	3 292 035,11
Бронемашины	3068	105 787,36

Виды техники	Количество (шт.)	Стоимость (тыс. рублей)
Бронетранспортеры	2021	37 467,5
Броневездеходы	1096	49 137,4
Трейлеры	557	40 219,0
Ремонтные мастерские всех типов	3881	222 472,4
САУ всех типов	1807	112 093,4
Тракторы всех типов	3699	119 022,6
Прочее	65 301,4	531 075,83

Объем импорта бронетанкового вооружения и оборудования, осуществленный танковым отделом за период с октября 1941 года по июнь 1945 года, составляет по отгрузке 512 700 тонн на сумму 5 048 361,4 тыс. рублей; по заводу — 464 000 тонн на сумму 4 509 310,1 тыс. рублей (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 9. Д. 547. Л. 199), из этого числа:

- 1) большая часть поставок прибыла через северные порты Мурманск и Архангельск — 53,2 %, или 247,0 тыс. тонн на сумму 2 777 468,5 тыс. рублей;
- 2) транзит через Иран составил 35,47 %, или 162,5 тыс. тонн на сумму 1 380 180,9 тыс. рублей;
- 3) поставки через дальневосточные порты СССР — 10,9 %, или 50,9 тыс. тонн на сумму 334 692,7 тыс. рублей;
- 4) поставки через порты Черного моря — 0,65 %, или 2,95 тыс. тонн на сумму 13 956,4 тыс. рублей;
- 5) поставки через арктические порты СССР — 0,15 %, или 0,65 тыс. тонн на сумму 3 371,6 тыс. рублей (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 9. Д. 547. Л. 13).

Подводя итоги работы танкового отдела Инженерного управления НКВТ, его начальник инженер-полковник Хохлов отметил, что все поставки бронетанкового вооружения, машин и оборудования, заказы, весь учет, разрядки, распределение поступивших грузов, руководство работниками, группами и отделами за границей, а также реализация правительственных решений, сводки, справки отчеты — все это выполнялось работниками танкового отдела в количестве семи человек. В течение всей войны сотрудники отдела работали честно и добросовестно, за что неоднократно получали премии и были отмечены правительственными наградами. Заместитель народного комиссара внешней торговли И. Ф. Семичастнов не раз приводил в качестве хорошего примера работу танкового отдела (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 9. Д. 542. Л. 199).

Таким образом, в связи с увеличением потерь бронетехники на фронтах поставки танков и бронемашин по ленд-лизу продолжались. И хотя роль этих поставок уже не была столь важной, как в конце 1941 – первой половине 1942 года, но все же нельзя сказать, что никакого значения она не имела. Обязательства союзников по третьему протоколу (1 июля 1943 года – 30 июня 1944 года) впервые были полностью выполнены и даже перевыполнены в счет прошлых обязательств. Даже в последний год войны поставки танков

и бронемашин продолжались. И хотя тогда их соотношение с советским производством снизилось примерно до 10 %, ленд-лиз продолжал оставаться дополнительным, подкрепляющим источником сил для бронетанковых и механизированных войск Красной армии.

Анализ объемов поставленной по ленд-лизу бронетехники относительно собственного производства танковой промышленностью СССР выявил, что в среднем импорт танков составлял от 12 до 15 % в разные годы войны. По бронетранспортерам и колесным тягачам, которые в СССР не производились, эта цифра составила 100 %. На заключительном этапе войны соотношение поставок бронетехники с советским производством сократилось примерно до 10 %, но танки и бронемшины, полученные по ленд-лизу, оставались дополнительным резервом для пополнения танковых войск Красной армии. Сражаясь вместе с тридцатьчетверками и ИСами, союзнические боевые машины участвовали во взятии Вены и Будапешта, Берлина и Праги, сыграв при этом свою роль в общей победе. В то же время вопрос о ленд-лизе как экономическом сотрудничестве между СССР, США и Великобританией хотя и становится второстепенным, но все же продолжает играть важную роль в дипломатических отношениях держав-победительниц. После окончания боевых действий и капитуляции Германии, а затем и Японии перед союзниками встали вопросы иного плана. Старые противоречия идеологического и геополитического характера проявились с новой силой. Бывшим союзникам предстояло разделить сферы влияния в мире, не развязав при этом новой войны. С окончанием войны экономическое сотрудничество союзников в рамках программы ленд-лиза завершилось.

Литература

1. Барятинский М. Б. Танки ленд-лиза в бою. М.: Яуза, 2009. 288 с.
2. Братство северных конвоев, 1941–1945 гг. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1991. 338 с.
3. Быстрова И. В. Ленд-лиз для СССР. Экономика, техника, люди (1941–1945). М.: Кучково поле, 2019. 480 с.
4. Главное автобронетанковое управление. Люди, события, факты в документах, 1940–1942 гг. Кн. 2. М.: ГАБТУ МО РФ, 2005. 446 с.
5. Главное автобронетанковое управление. Люди, события, факты в документах, 1943–1944 гг. Кн. 3. М.: ГАБТУ МО РФ, 2006. 799 с.
6. Ермолов А. Ю. Танковая промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Литера-С, 2009. 310 с.
7. Коломиец М. В., Мощанский И. Б. «Матильда» в Красной Армии // Танко-мастер. 1999. № 6. С. 30–41.
8. Коломиец М. В., Мощанский И. Б. Танки ленд-лиза. М.: Экспринт, 2000. 72 с.
9. Красноженова Е. Е. Трансиранский транспортный маршрут в период Великой Отечественной войны (1941–1945) // Научно-технические ведомости СПбГУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8. № 3. С. 27–36.

10. Кривошеев Г. Ф. (ред.) Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М.: Олма пресс, 2001. 608 с.
11. Московская битва в цифрах // Военно-исторический журнал. 1967. № 1. С. 92–101.
12. Поздеева Л. В. Феникс // Союзники в войне. 1941–1945 гг. / отв. ред. [и авт. предисловий] А. О. Чубарьян, У. Ф. Кимболл, Д. Рейнолдс; Ин-т всеобщ. истории РАН. М.: Наука, 1995. С. 173–196.
13. Рыжков Н. И. Великая Отечественная: ленд-лиз. М.: Экономическая газета, 2012. 440 с.
14. Свириин М. Н. Танковая мощь СССР. М.: Яуза; Эксмо, 2008. 640 с.
15. Свириин М. Н. «Тетрарх» // Танкомастер. 1999. № 4. С. 26–41.
16. Симонов Н. С. ВПК СССР: темпы экономического роста, структура, организация производства, управление. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 504 с.
17. Сиполс В. Я. На пути к великой Победе: Советская дипломатия в 1941–1945 гг. М.: Политиздат, 1985. 485 с.
18. Советско-американские отношения в годы Великой Отечественной войны. Т. 1. М.: Политиздат, 1984. 509 с.
19. Супрун М. Н. Ленд-лиз и северные конвои 1941–1945 гг. М.: Андреевский флаг, 1997. 364 с.
20. Хатанзейский А. В. Бронетехника ленд-лиза в битве за Москву // Вестник МГПУ. 2019. № 1. С. 47–52.
21. Hill A. British «Lend-Lease» Tanks and the Battle for Moscow, November – December 1941 — Research Note // Journal of Slavic Military Studies. 2006. № 19. P. 289–294.
22. Zaloga S. J. Soviet Lend-Lease Tanks of WWII. N. Y.; Oxford: Osprey Publishing, 2017. 48 p.

Literatura

1. Baryatinskij M. B. Tanki lend-liza v boju. M.: Yauza, 2009. 288 s.
2. Bratstvo severny`x konvoev, 1941–1945 gg. Arxangel`sk: Sev.-Zap. kn. izd-vo, 1991. 338 s.
3. By`strova I. V. Lend-liz dlya SSSR. E`konomika, texnika, lyudi (1941–1945). M.: Kuchkovo pole, 2019. 480 s.
4. Glavnoe avtobronetankovoe upravlenie. Lyudi, soby`tiya, fakty` v dokumentax, 1940–1942 gg. Kn. 2. M.: GABTU MO RF, 2005. 446 s.
5. Glavnoe avtobronetankovoe upravlenie. Lyudi, soby`tiya, fakty` v dokumentax, 1943–1944 gg. Kn. 3. M.: GABTU MO RF, 2006. 799 s.
6. Ermolov A. Yu. Tankovaya promy`shlennost` SSSR v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny`. M.: Litera-S, 2009. 310 s.
7. Kolomiecz M. V., Moshhanskij I. B. «Matil`da» v Krasnoj Armii // Tankomaster. 1999. № 6. S. 30–41.
8. Kolomiecz M. V., Moshhanskij I. B. Tanki lend-liza. M.: E`ksprint, 2000. 72 s.
9. Krasnozhenova E. E. Transiranskij transportny`j marshrut v period Velikoj Otechestvennoj vojny` (1941–1945) // Nauchno-texnicheskie vedomosti SPbGU. Gumanitarny`e i obshhestvenny`e nauki. 2017. T. 8. № 3. S. 27–36.

10. Krivosheev G. F. (red.) Rossiya i SSSR v vojnax XX veka. Poteri vooruzhenny`x sil. Statisticheskoe issledovanie. M.: Olma press, 2001. 608 s.
11. Moskovskaya bitva v cifrax // Voenno-istoricheskij zhurnal. 1967. № 1. S. 92–101;
12. Pozdeeva L. V. Feniks // Soyuzniki v vojne. 1941–1945 gg. / otv. red. [i avt. predislovij] A. O. Chubar`yan, U. F. Kimboll, D. Rejnolds; In-t vseobshh. istorii RAN. M.: Nauka, 1995. S. 173–196.
13. Ry`zhkov N. I. Velikaya Otechestvennaya: lend-liz. M.: E`konomicheskaya gazeta, 2012. 440 s.
14. Svirin M. N. Tankovaya moshh` SSSR. M.: Yauza; E`ksmo, 2008. 640 s.
15. Svirin M. N. «Tetrax» // Tankomaster. 1999. № 4. S. 26–41.
16. Simonov N. S. VPK SSSR: tempy` e`konomicheskogo rosta, struktura, organizaciya proizvodstva, upravlenie. M.: Russkij fond sodejstvija obrazovaniyu i nauke, 2015. 504 s.
17. Sipols V. Ya. Na puti k velikoj Pobede: Sovetskaya diplomatiya v 1941–1945 gg. M.: Politizdat, 1985. 485 s.
18. Sovetsko-amerikanskije otnosheniya v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny`. T. 1. M.: Politizdat, 1984. 509 s.
19. Suprun M. N. Lend-liz i severny`e konvoi 1941–1945 gg. M.: Andreevskij flag, 1997. 364 s.
20. Xatanzejskij A. V. Bronetexnika lend-liza v bitve za Moskvu // Vestnik MGPU. 2019. № 1. S. 47–52.
21. Hill A. British «Lend-Lease» Tanks and the Battle for Moscow, November – December 1941 — Research Note // Journal of Slavic Military Studies. 2006. № 19. R. 289–294.
22. Zaloga S. J. Soviet Lend-Lease Tanks of WWII. N. Y.; Oxford: Osprey Publishing, 2017. 48 p.

A. V. Khatanzejskij

Lend-lease Supplies of Armored Vehicles in the USSR in 1941–1945: Volumes and Significance

The article analyzes the volumes and importance of supplies of armored vehicles to the USSR under the Lend-Lease program during the Great Patriotic War. Based on archival sources, the volumes and significance of the supply of tanks, armored vehicles and repair equipment are analyzed in comparison with the production volumes of the Soviet tank industry in different periods of the war.

Keywords: Great Patriotic war; lend-lease; tanks; tank industry.

УДК 791.238:796.355

DOI: 10.25688/2076-9105.2020.40.4.07

Т. С. Красильников

Хоккей с мячом в отечественном кинематографе

В статье рассматриваются художественные фильмы, в которых показан хоккей с мячом как одно из явлений массовой популярной культуры в СССР и как отображение советской повседневности. Производится сравнение художественных фильмов о хоккее с мячом и фильмов о хоккее с шайбой. Проводится анализ причин, по которым хоккей с мячом оказался не востребован в отечественном кинематографе. Отмечена роль государства в организации съемок художественных фильмов о спорте в целях пропаганды советской системы и образа жизни.

Ключевые слова: хоккей с мячом; хоккей с шайбой; кинематограф; фильмы о спорте; массовая культура в СССР.

В XX веке кинематограф стал одним из самых значимых явлений, влияющих на массовую культуру. Наиболее интересными представляются художественные, или игровые, фильмы, в которых в большей мере отражается повседневность создателей фильма не только во внешних (например, одежда или быт героев фильма), но и внутренних формах (идеи, поведение и даже отдельные реплики). В исторической науке кинематограф в целом и художественные фильмы в частности еще не рассматриваются как особый исторический источник, но уже служат наглядной демонстрацией исторической действительности.

Спортивная тема неоднократно затрагивалась в кино, в том числе в отечественном кинематографе, начиная с фильма «Вратарь» (1936), посвященного футболу. Футбольная тема довольно широко представлена в отечественном кинематографе, что во многом объясняется общепризнанным статусом футбола как вида спорта номер один. Однако в СССР популярностью пользовался не только футбол, но и другие командные спортивные игры.

Хоккей с мячом, который до 1948 года назывался просто хоккеем, был одним из самых популярных видов спорта в СССР. В довоенные и первые послевоенные годы в хоккей с мячом играли не только мужские, но и женские команды. Матчи с участием ведущих команд страны по хоккею с мячом привлекали на трибуны значительное число болельщиков, что было сопоставимо по зрительскому интересу с матчами футбольного первенства. При этом, вопреки сложившемуся за рубежом мнению, что проведение хоккейных матчей на открытом льду, т. е. на улице в условиях мороза, не способствует

привлечению болельщиков на трибуны [6: с. 64], зрительский интерес к матчам по хоккею с мячом оставался на довольно высоком уровне вплоть до конца 1990-х годов, особенно в Архангельской области и регионах Сибири и Дальнего Востока [3]. Во второй половине 1940-х годов у хоккея с мячом появился конкурент — хоккей с шайбой, который как олимпийский вид спорта развивался в нашей стране при значительной поддержке со стороны государства.

Если сравнивать хоккей с мячом и хоккей с шайбой, то, безусловно, хоккей с шайбой более широко представлен в кино.

Впервые в отечественном кино хоккей с шайбой в виде небольшого, около минуты, эпизода был вставлен в фильм «Спортивная честь» (1951), который в целом посвящен советскому футболу. Но наиболее часто хоккей с шайбой стали снимать в кино после 1962 года, когда вышел фильм «Хоккеисты», рассказывающий о взаимоотношениях внутри команды между главным тренером и игроками. В дальнейшем фильмы о хоккее с шайбой снимали не только для взрослой аудитории («Жребий» (1974) или «Такая жесткая игра — хоккей» (1983)), но и для детей и молодежи («Тигры на льду» (1971), «Воробей на льду» (1983), «Тройка» (1985)). О хоккее с шайбой снимались также и мультипликационные фильмы: «Шайбу, шайбу!» (1964), «Матч-реванш» (1968), «Вовка-тренер» (1979).

Фильмы, где в той или иной мере показан хоккей с мячом, выходили в отечественном кинематографе намного реже, их число было незначительно. В первую очередь следует назвать фильмы, вышедшие в прокат до официального появления канадского хоккея в СССР в декабре 1946 года. К числу таких фильмов можно отнести детский фильм «Брат героя» (1940)¹ и небольшую по хронометражу кинокомедию «Карандаш на льду» (1948)².

Кинокартина «Брат героя» рассказывает о том, как мальчик-сирота, попав в детский дом, назвал себя младшим братом известного летчика. Обман был обнаружен в ходе матча по хоккею с мячом между командами мальчиков и девочек. Фильм «Карандаш на льду» рассказывает о том, как популярный в довоенные годы клоун Карандаш (М. Н. Румянцев), не умеющий кататься на коньках, становится вратарем хоккейной команды. Для придания большего комизма ситуации клоун Карандаш становится вратарем женской команды, в роли которой в полном составе снялась женская хоккейная команда «Буревестник», ведущая команда среди женщин в СССР в 1930–1940-е годы.

¹ «Брат героя» (полная версия). Жанр: семейный, детский, экранизация. Производство: киностудия «Союздетфильм». Год выпуска: 1940. Продолжительность: 01:07:17 / авт. сценария: Л. Кассиль, реж.: Г. Васильчук [Электронный ресурс] // YouTube: видеохостинг. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AdXreF5FXSQ> (дата обращения: 21.09.2020).

² «Карандаш на льду». Жанр: комедия, экранизация циркового представления. Производство: киностудия «Стереokino». Год выпуска: 1948. Продолжительность: 22:11 / авт. сценария: В. Ладыгина, реж.: В. Немоляев [Электронный ресурс] // YouTube: видеохостинг. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DgEsPznDzWQ> (дата обращения: 21.09.2020).

Если фильм «Брат героя» вышел в то время, когда канадский хоккей еще не был широко известен и под словом «хоккей» понимался исключительно хоккей с мячом, то фильм «Карандаш на льду» появился в тот момент, когда хоккей с шайбой делал только первые шаги в СССР. Особую историческую ценность обоим фильмам придает тот факт, что в обеих картинах показано, что в хоккей с мячом играли и женские команды, что было повсеместным явлением в первой половине XX века.

В конце 1960-х годов на экраны страны вышел фильм «Хроника пикирующего бомбардировщика» (1967)³, повествующий о буднях летчиков фронтовой бомбардировочной авиации. В фильме помимо боевых сцен имеются обширные эпизоды о военном быте летчиков. В одном из таких эпизодов показано, как летчики играют в настольный хоккей с мячом. Этот секундный эпизод, как ни странно, демонстрирует значительную популярность хоккея с мячом в довоенные годы, когда промышленность по производству детских игрушек в СССР была ориентирована в том числе и на изготовление специальных настольных игр.

Следующим фильмом, где был представлен хоккей с мячом, стал биографический фильм «Мой лучший друг — генерал Василий, сын Иосифа» (1991)⁴, посвященный дружбе известного спортсмена Всеволода Боброва (в фильме фамилия изменена на Багров) и Василия Сталина. Согласно кинокартине, знакомство героев фильма происходит во время тренировки команды ЦДКА по хоккею с мячом. Надо отдать должное авторам фильма, которые показали особенности игры в хоккей с мячом в СССР до 1952 года: небольшие по размеру ворота; бортики не только по боковой линии, но и по линии ворот; вратарь, играющий клюшкой. В роли хоккеистов снялись в полном составе игроки профессиональной команды «Красная заря» из Санкт-Петербурга.

Наконец, на рубеже 1990–2000-х годов хоккей с мячом появился еще в двух телесериалах. В 1999 году в сериале «Марш Турецкого» серия «Убить ворона»⁵ начинается с кадров матча по хоккею с мячом. По сюжету расследуется преступление в результате падения самолета на стадион во время хоккейного матча. В фильм попали кадры, снятые на ульяновском стадионе «Труд» во время

³ «Хроника пикирующего бомбардировщика». Жанр: военный, исторический, драма. Производство: киностудия «Ленфильм». Год выпуска: 1967. Продолжительность: 01:14:08 / авт. сценария: В. Кунин, реж.: Н. Бирман [Электронный ресурс] // YouTube: видеохостинг. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SVFKJzare0M> (дата обращения: 21.09.2020).

⁴ «Мой лучший друг — генерал Василий, сын Иосифа». Жанр: трагикомедия. Производство: киностудии «Ленинтерфильм», «Краун». Год выпуска: 1991. Продолжительность: 01:38:16 / авт. сценария и реж.: В. Садовский [Электронный ресурс] // YouTube: видеохостинг. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CNqyCBvFY5w> (дата обращения: 21.09.2020).

⁵ «Марш Турецкого. 1 сезон: Убить ворона». 1-я серия. Жанр: триллер, детектив. Производство: кинокомпания «GOLD VISION». Год выпуска: 2000. Продолжительность: 41:48 / авт. сценария: О. Кавун, Ф. Незнанский, реж.: М. Туманишвили [Электронный ресурс] // YouTube: видеохостинг. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IszGZ9onqWs> (дата обращения: 21.09.2020).

матча местной команды «Волга», показан главный тренер ульяновской команды — известный в прошлом хоккеист Анатолий Рушкин.

В 2001 году хоккей с мячом был показан в четвертом сезоне сериала «Улицы разбитых фонарей», эпизод «На улице Марата»⁶, о котором стоит рассказать особо.

Сериал «Улицы разбитых фонарей», повествующий о жизни работников петербургского районного отдела уголовного розыска, имел большую популярность на рубеже 1990–2000-х годов. Серия «На улице Марата» снимался не только в Санкт-Петербурге, но и в Красноярске. Съёмкам в Красноярске придавалось особое значение: в центральной региональной газете «Красноярский рабочий» была опубликована статья, посвященная съёмкам фильма [4]. Губернатор Красноярского края, генерал А. И. Лебедь снялся в этом фильме в роли самого себя (камео) в эпизоде, где показан хоккей с мячом. В фильм вошли моменты матча команд «Енисей» (Красноярск) и «СКА-Свердловск» (Екатеринбург).

Следует отметить, что в конце 1990-х годов в России спорт становится важным элементом региональной политики. Власти субъектов Российской Федерации начинают поддерживать отдельные профессиональные спортивные клубы в каком-либо виде спорта, которые становятся в некотором роде визитной карточкой соответствующего региона. Клубы получают финансирование из соответствующего бюджета, что позволяет показывать высокие результаты. В Красноярске, особенно в период исполнения обязанностей губернатора края А. И. Лебедем, благодаря поддержке региональных властей начинается возрождение команды «Енисей», которая смогла составить конкуренцию архангельскому «Воднику», также ставшему при поддержке местных властей визитной карточкой развития спорта в Архангельской области.

Таким образом, появление хоккея с мячом в сериале «Улицы разбитых фонарей» было отнюдь не случайным, а должно было показать развитие Красноярского края при губернаторе А. И. Лебеде.

Изложенный перечень игровых фильмов, где показан хоккей с мячом, можно назвать исчерпывающим. Исследователи отмечали, что большая степень телевизионной привлекательности хоккея с шайбой стала причиной, по которой хоккей с мячом был вытеснен в СССР канадским хоккеем [1: с. 153–154].

Безусловно, телевизионные трансляции матчей по хоккею с шайбой сыграли свою роль в более частом появлении этого вида спорта в кино. Однако представляется, что такой ответ является слишком односторонним и не учитывает ряд других немаловажных факторов. К числу таких факторов, помимо

⁶ «Улицы разбитых фонарей. 4 сезон: Менты». 4-я серия: На улице Марата: 2-я часть. Жанр: боевик, драма, криминал. Производство: кинокомпании «Новый русский сериал», «Зебра-фильм», студия «Дельфин». Год выпуска: 2001. Продолжительность: 47:49 / авт. сценария и реж.: Г. Жихаревич [Электронный ресурс] // YouTube: видеохостинг. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9kBwSnLELQE> (дата обращения: 21.09.2020).

«телегеничности», следует отнести также спортивную составляющую, а именно достижение более значимых в освещении в массовой культуре спортивных результатов, а также наличие государственного заказа на производство подобных фильмов.

Считается, что хоккей с шайбой имеет бóльшую телевизионную привлекательность, чем хоккей с мячом, поскольку довольно сложно показывать на большом — футбольном по размеру — поле командную игру с довольно маленьким мячом.

Однако во многом телевизионная привлекательность хоккея с шайбой обеспечивалась двумя причинами: техническими возможностями организации телетрансляций и тем обстоятельством, что в советский период только московские команды становились чемпионами страны по хоккею с шайбой. В таких условиях, с одной стороны, матчи между московскими командами почти во всех случаях становились решающими в чемпионатах страны, что обеспечивало значительную зрительскую аудиторию для телетрансляций, а с другой — организовать телевизионную трансляцию из Москвы было значительно легче в техническом плане, чем из регионов. Начиная с 1962 года, когда была расформирована команда ЦСКА, звание чемпионов СССР по хоккею с мячом разыгрывали, как правило, московское «Динамо» и команды из регионов. В 1980-е годы первенства страны проходили под знаменем превосходства команды «Енисей» из Красноярска, которая в течение десяти лет подряд становилась чемпионом СССР. Большинство решающих матчей игрались в регионах, имеющих к тому же иной часовой пояс по сравнению с Москвой. Все изложенные замечания накладывались на организацию телевизионных трансляций матчей по хоккею с мячом, сводя их появление на телевидении к минимуму.

Другим немаловажным фактором при организации телевизионных трансляций являлось то, что начиная с 1957 года, когда был в Москве открыт крытый ледовый каток в Сокольниках, в хоккей с шайбой стали играть под крышей, где минимизировались негативные погодные факторы — сильный мороз, снегопад и другие, — которые могли повлиять на качество телевизионной картинки. В отличие от хоккея с шайбой в хоккей с мячом довольно долго играли на открытом воздухе. Первый матч в хоккей с мячом в крытом помещении был сыгран только в марте 1981 года в многофункциональном спорткомплексе «Олимпийский» в Москве.

В таких условиях съемки в кино матчей по хоккею с шайбой были более привлекательными, так как, во-первых, съемки на крытых стадионах существенно снижали расходы на кинопроизводство, а во-вторых, частые телевизионные трансляции способствовали формированию специалистов-операторов, которые могли показать живой хоккей в кино. Впрочем, в советском кино довольно часто в спортивные фильмы делались вставки из записей трансляций реальных спортивных состязаний, в том числе матчей по хоккею с шайбой.

Следующим фактором, повлиявшим на появление в кино именно хоккея с шайбой, стал олимпийский статус этого вида спорта. С 1920 года хоккей с шайбой был включен в программу Олимпийских игр. Во второй половине XX века международный спортивный календарь для команд по хоккею с шайбой был довольно разнообразен и включал в себя не только матчи между сборными стран, но и между клубами. Победам на Олимпийских играх и чемпионатах мира придавалось большое общественное значение. Почти каждая спортивная победа могла дать сюжет для кино.

Так, например, мультфильм «Шайбу, шайбу!» вышел в 1964 году, когда советская сборная второй раз победила на зимней Олимпиаде, а в художественном образе команды «Метеор» отразилась форма сборной Канады. Второй мультфильм серии — «Матч-реванш» — вышел в 1968 году, когда сборная СССР одержала третью победу на Олимпийских играх. Фильм «Жребий» (1974) был приурочен к смене поколений в сборной СССР и возвращению звания чемпионов мира в противостоянии со сборной Чехословакии.

В отличие от хоккея с шайбой международный спортивный календарь по хоккею с мячом был значительно беднее: раз в два года проводились чемпионаты мира, игрались редкие товарищеские матчи. Только с 1970-х годов спортивный календарь значительно уплотнился. Однако в течение длительного времени — с середины 1950-х и до 1979 года — сборная СССР оставалась сильнейшей, регулярно выигрывая чемпионаты мира. Частые победы превращались во что-то обыденное. Когда необычным становится только поражение, сложнее найти сюжет для какого-либо фильма о спорте.

Наконец, немаловажным фактором в частом появлении в кино хоккея с шайбой являлся особый государственный заказ на производство соответствующих кинофильмов. Как отмечается, феномен советского кино состоит в том, что на производство кинофильмов существенное влияние оказывало государство, при этом государственная цензура и идеология играли роль рекламы советского образа жизни, оказывая, в свою очередь, влияние на формирование повседневного поведения [2: с. 11]. «Репрезентация физкультуры и спорта были знаковым жанром советского официального искусства. Произведения, воспевшие подтянутых, молодых советских спортсменов и спортсменок, создавались при поддержке государства» [5: с. 28].

Следует отметить, что хоккей с мячом в течение длительного времени рассматривался в СССР как национальный вид спорта, в котором победы являлись обычным явлением. В свою очередь, всегда подчеркивалось, что хоккей с шайбой, или канадский хоккей, стал развиваться значительно позднее, чем в других европейских странах, и за довольно короткий срок советские хоккеисты вышли на лидирующие позиции в мировой таблице о рангах. Во всех публикациях особо подчеркивалось, что советские хоккеисты с первой попытки стали чемпионами мира (1954) и олимпийскими чемпионами (1956), потеснив с первого места родоначальников хоккея с шайбой — канадцев.

Столь стремительный рывок в развитии хоккея с шайбой в СССР, как ни один другой вид спорта, показывал преимущество советских методов подготовки спортсменов и создавал благоприятный образ для всей советской системы в целом. В таком ключе показывать хоккей с шайбой в советском кино было более престижным, чем хоккей с мячом.

В течение второй половины XX века с развитием отечественного кинематографа спортивная тематика все чаще стала появляться в кино. Однако в первую очередь в кино снимали те виды спорта, которые, с одной стороны, были менее затратными на производство, а с другой — имели общественную значимость, показывая достижения отечественного спорта и жизни страны в целом. В такой ситуации хоккей с мячом во многом остался обделенным в отечественном кино. Фильмы, где показан хоккей с мячом, единичны и, в общем, остались незаметными в большом массиве кинофильмов, выходявших на экраны страны. В то же время даже те немногие фильмы, где был показан хоккей с мячом, демонстрируют, какую значительную роль играл этот зимний вид спорта в массовой культуре.

Литература

1. Апостолов А. Пассивная пассионарность. Зритель и медиа в отечественных фильмах о хоккее // Логос. 2014. № 6. С. 149–178.
2. Еланская С. Н. Социально-философский анализ советского кинематографа как средства конструирования социальной реальности: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Тверь, 2007. 23 с.
3. Из доклада президента Федерации хоккея с мячом А. И. Поморцева // Оранжевый мяч России. 1996. № 5 (53).
4. На улице Марата // Красноярский рабочий. 2001. 5 декабря.
5. О'Махоуни М. Спорт в СССР. Физическая культура — визуальная культура / пер. с англ. Е. Ляминой, А. Фишмана. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 304 с.
6. Эдельман Р. Серьезная забава. История зрелищного спорта в СССР / пер. с англ. И. С. Давидян. М.: Советский спорт; АИРО-XXI, 2008. 400 с.

Literatura

1. Apostolov A. Passivnaya passionarnost'. Zritel' i media v otechestvenny'x fil'max o hokkee // Logos. 2014. № 6. S. 149–178.
2. Elanskaya S. N. Social'no-filosofskij analiz sovetskogo kinematografa kak sredstva konstruirovaniya social'noj real'nosti: avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk. Tver', 2007. 23 s.
3. Iz doklada prezidenta Federacii hokkeya s myachom A. I. Pomorceva // Oranzhevyj myach Rossii. 1996. № 5 (53).
4. Na ulice Marata // Krasnoyarskij rabochij. 2001. 5 dekabrya.
5. O'Maxouni M. Sport v SSSR. Fizicheskaya kul'tura — vizual'naya kul'tura / per. s angl. E. Lyaminoj, A. Fishmana. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. 304 s.
6. E'del'man R. Ser'eznaya zabava. Istoriya zrelishhnogo sporta v SSSR / per. s angl. I. S. Davidyan. M.: Sovetskij sport; AIRO-XXI, 2008. 400 s.

T. S. Krasilnikov

Bandy in the Domestic Film Industry

The article deals with sports feature films that show bandy as one of the phenomena of popular mass culture in the USSR and as a reflection of Soviet everyday life. A comparison is made between feature films about bandy and films about ice hockey. The article analyzes the reasons why bandy was “not in demand” in the domestic cinema. The role of the state in organizing the filming of sports feature films in order to promote the Soviet system and way of life was noted.

Keywords: bandy; ice hockey; cinema; sports films; popular culture in the USSR.

Г. Г. Нагиев

Средневековый город Гянджа (о фортификации города и социальной структуре)

Статья посвящена одному из крупнейших городов Средневековья, которому принадлежит весьма значительная роль в формировании исторической стратиграфии Азербайджана. В статье рассмотрены вопросы возникновения и развития города Гянджи как экономического и политического центра. На основании результатов археологических исследований проведен анализ социальных структур и фортификационных сооружений на разных исторических этапах.

Ключевые слова: Азербайджан; Гянджа; средневековые города; топография; фортификация; социальная структура; крепости.

Руины средневековой Гянджи находятся недалеко (6 км) от современного города под таким же названием. Через обширную равнину, где был древний город, проходил Великий шелковый путь, игравший большую роль в торговых отношениях стран Ближнего Востока и Передней Азии. Благодаря богатой природно-географической среде территория, где возникла и росла Гянджа, была заселена издревле. Здесь жили люди еще с каменного века, о чем свидетельствуют археологические находки. В период ранней бронзы (IV–III тыс. до н. э.) Гянджа являлась одним из главных центров Кура-Араксинской культуры [12; 37]. В середине II тыс. до н. э. в этом регионе появились необходимые условия для возникновения поселения с признаками города [38].

Об античном (большинство материалов относится к началу IV–III вв.)¹ и раннесредневековом периодах существования города свидетельствуют результаты археологических исследований, проведенных в последнее время на территории древней Гянджи — Шехер бурну (Городской мыс).

¹ В 1897 году возле Гянджи был найден клад из серебряных монет, отчеканенных от имени Александра Македонского.

Археологическое изучение античного периода города было начато еще в 1930-е годы [2; 4; 14; 15]. Фрагмент сосуда с албанской письменностью, найденный в 1935 году, глиняные сосуды IV–III вв. до н. э., обнаруженные в 1940-х и 1960-х годах на территории Гянджи, также говорят об античном прошлом города.

Ценные материалы были получены в результате более систематического изучения античной истории города Гянджи, которые проводились Гянджинской археологической экспедицией в начале XXI века [39].

На основе этих исследований можно допустить, что в V–IV вв. до н. э. город Гянджа являлся высокоразвитым торговым центром и портом [37: с. 167]. К IX веку город был густонаселенным крупным центром ремесла и торговли.

Несмотря на имеющиеся версии и предположения, вопрос о времени возникновения города Гянджи до сих пор остается нерешенным. Данная проблема связана не только со скудостью дошедших до нас сообщений письменных источников и их противоречивостью, но и с недостаточной изученностью археологических памятников региона, где возник и развивался город.

О построении города Александром Македонским² в IV веке до н. э. еще в XVIII веке писал В. Безменов [8: с. 135]. В сборнике «Русские города» анонимного автора дата возникновения города определена как период со II в. до н. э. по IV век [29]. При этом, если в первом случае автор опирается на легенду, во втором случае не приведены никакие источники.

Автор XV века Мирхонд возникновение города связывает с градостроительной деятельностью сасанидского шаха Кавада I (489–496 / 499–531). «Кавад был шах, который любил строительство, он заложил величественные здания и многочисленные города. Говорят, Берда'а, Ганджа и Миафарикин'из из числа основанных им» (цит. по: [2: с. 12–13]).

Исследователи упомянутую Мирхондом Гянджу отождествляют с городом Ганзак/Гандзак³ в Южном Азербайджане [2: с. 25]. Это предположение подкрепляется сообщением арабского географа XII–XIII веков Йакута, который упоминает Гандзак как крупный религиозный центр сасанидского периода и сообщает, что он является «благоустроенным городом в Азербайджане, недалеко от Мараги» [18: с. 23]. В городе сохранились остатки храма огня и различных сооружений сасанидского периода. «Здесь имеются святилище огнепоклонников и древний храм огня, а также большой и очень высокий дворец, возведенный огнепоклонниками» [18: с. 31].

² Рассказ об основании нового города в поэме Н. Гянджеви «Искандернаме» во время встречи Александра Македонского с правительницей Аррана Нушабе носит гипотетический характер, так как Александр Македонский не был на территории Северного Азербайджана.

³ Ганзак (Ганжа, Газака, Ганзака, Джанза, Джазнак, Гандзак, Гандзак — шахастан) — древний город в Южном Азербайджане к юго-западу от оз. Урмия (современный северо-запад Ирана). Возник в I тыс. до н. э. С 323 года до н. э. являлся столицей (административным центром) Атропатены.

О существовании города в VII веке косвенно сообщает Себеос. По его словам, император Византии Ираклий (610–641 гг.) «направился в Гандзак Атрапатанский» [17: с. 102]. Отсюда следует, что в отличие от Ганзака Атрапатанского существовал и Гандзак Албанский (Арранский) [14: с. 90].

Хамдаллах Казвини (XIV в.) отнес город Гянджу к пятому климату и отметил, что город построен в 39 году хиджры (далее — г. х.), а это соответствует 659–660 годам [19: с. 53]. В. В. Бартольд предполагал, что 39-й год есть сокращение 239 г. х. (853/4 г. н. э.) [7: с. 405–407].

Албанский историк Моисей Каланкатуйский приписывает постройку города Мухаммеду ибн Халиду [40: с. 328], который после смерти своего отца Халид ибн Язида (в источнике — Хазепеткос) стал наместником Армении и Азербайджана (228–232/842–46/7). Данное сведение с некоторыми дополнениями совпадает с сообщением Мунадджимбашы в «Та'рихи — ал Баб ва Ширван» (1106), где говорится о назначении Мухаммеда ибн Халида в 242 году (856/7) правителем Азербайджана, Армении и Аррана, который в 245 году (859) велел построить в Арране город Ганзак — Гянджу [22: с. 82]. В последних случаях мы приближаемся к дате, указываемой Хамдаллахом Казвини, если учитывать поправку В. В. Бартольда [7].

Любопытно, что и в «Дербенд-наме» имеются сведения о существовании города Гянджи в конце VII – начале VIII века: «хазары делали набеги в Ирак и Азербайджан, потому, что Ширван и Гянджа в то время были недостаточно укреплены» [13: с. 92]. На основании этих данных историк М. Х. Шарифли датой основания города считает 245 г. х. (859/10 г. н. э.) [41].

О древности Гянджи имеются другие сведения не подтвержденные, к сожалению, фактами и источниками. Например, Ю. А. Гагемейстр в «Новых очерках Закавказья» пишет, что Гянджа древнее Барды и Бейлагана [11: с. 87], а И. И. Шопен говорит о процветании еще одного города «в близком расстоянии от Барды». Он считает, что это был «именно Генджа». Далее Шопен сообщает: «...<агованцы> основали в ней свою столицу... для различия от другого Гандзака — Тавриса... стали ее называть Гендзак-Агованиц» [34: с. 486].

Мы здесь повторяем те известные факты и версии, которые до сих пор дискутируются на страницах научных изданий, посвященных истории Азербайджана, в частности истории города Гянджи. Только обширные археологические исследования и комплексный анализ их результатов, сопоставление с письменными данными могут разрешить вопрос о дате возникновения города.

Сложность состоит в том, что топоним «Гянджа» не употребляется в письменных источниках до первой половины IX века, если не считать надписи на монете 712/13 года, что вызывает сомнение о существовании в Албании города под таким названием.

Можно предположить, что первоначально город имел другое название. Известный археолог И. М. Джафарзаде допускал, что на ранних этапах своего

развития он носил имя Аран⁴, впоследствии так была названа область, расположенная в основном в Прикаспийской низменности [14: с. 94–95].

Мнение о возникновении Гянджи из древнего крупного населенного пункта поддерживается многими исследователями [14; 15; 28; 41]⁵.

Мавзолей (расположен в правобережной части старого города) Джомард Гассаба, жившего во второй половине VII века, и каменная эпитафия (обнаружена во время выполнения восстановительных работ мавзолея Имам-заде в конце 70-х годов XIX в.) [20; 41], относящаяся к началу VIII века, также свидетельствуют о древнем возрасте города.

Река Гянджачай делит территорию городища на две части. Большая часть города расположена на правой стороне реки, меньшая часть — на левой. Обе части города имеют план неправильного четырехугольника (250 га) и окружены мощными оборонительными стенами. На территории общей площадью более 810 га с предместьями сохранились следы городской культуры различных исторических этапов развития города.

Топография правобережной части более сложная, по размеру она больше, чем левобережная часть [14: с. 24; 15: с. 202]. Расположенная здесь небольшая по размеру, в форме прямоугольного четырехугольника городская территория имела со всех сторон, кроме юго-западной, вторые оборонительные стены.

Территорию в пределах малого четырехугольника в исторической литературе условно называют первым городом, а территорию в пределах большого четырехугольника — вторым городом [14: с. 24].

В плане первый (внутренний) четырехугольник, ориентированный углами по сторонам света (600 × 420 м, примерно 26 га), вклинился во второй — большой (860 × 860 м — 74 га) [Там же: с. 25].

Левобережная часть представляет собой ровную местность с отдельными плоскими возвышенностями в виде развалин больших городских зданий [32: с. 100]. В этой части город также укреплен оборонительными сооружениями и имеет конфигурацию неправильного прямоугольника со сторонами 600 × 750 м (45 га). [14: с. 24; 15: с. 203].

Исследователи считают, что в самом начале город возник на правом берегу реки Гянджачай и центром является первый город. Основанием для такого мнения служат глубина культурных слоев, которая составляет в левобережной части около 1,5 м, а в правобережной — около 4 м; правильный четырехугольный план первого города, направленный углами по сторонам света; старое кладбище, расположенное в этой части города; наличие сырцовых кирпичей большого размера, характерных для более древнего периода, и т. д. Албанская надпись, обнаруженная в правобережной части города также свидетельствует о ее древности [14: с. 57–58].

⁴ Йакут ал-Хамави [18: с. 24] на территории Южного Азербайджана в четырех фарсах от Шиза отмечает город Аран.

⁵ Е. А. Пахомов, основываясь на дирхеме, отчеканенном в 712/13 г. (94 г. х.), предполагает, что на месте города в начале VIII века было поселение [28: с. 46].

Две почти параллельные крепостные стены окружают правобережную часть города, со всех сторон, кроме юго-западной. На этой стороне город защищен одной линией стены. Расстояние между параллельно идущими стенами составляет с восточной и северной сторон 100–200 м.

Полукруглые оборонительные башни усиливали стены первого города в углах. Кроме того, вдоль стен города недалеко друг от друга стояли полукруглые бастионы (засыпаны песком).

Второй город защищен дополнительными крепостными стенами, которые вплотную подходят к территории мавзолея Имам-заде. На юго-западной стороне стена внутренней фортификации, выходя из пределов первого города, примыкает к береговым укреплениям [14: с. 24–25]. Следы вала, обнаруженные недалеко (примерно в 150 м) от его южного угла на восточной стороне второго города, свидетельствуют о наличии здесь оборонительной стены. Она, продолжаясь в северо-западном направлении и образуя несколько изломов, поворачивает на запад и примыкает к вышеуказанному мавзолею.

Трудно определить значение северо-восточной части крепостных стен в системе обороны города [14: с. 25], так как защита было усилена благодаря оборонительному рву вдоль юго-западной стены правобережной части города.

Правобережная часть города более подробно рассматривалась исследователями, чем левобережная. И. М. Джафарзаде на основе сведений Мирхонда, отнес дату возведения самых ранних крепостных сооружений Гянджи к V–VI вв. и связывал их строительство⁶ с деятельностью шаха Кубада, указанного в упомянутом источнике.

Левобережную часть города защищали крепостная стена и глубокий ров, имеющий облицовку из камней. Можно предположить, что ров был окружен еще одной линией оборонительной стены — по его наружному краю. Таким образом, оборона города обеспечивалась мощными линиями двух крепостных стен и глубоким рвом между ними, который заполнялся водой из реки Гянджачай [15: с. 202]. В системе фортификации города особую роль играли полукруглые бастионы с небольшим расстоянием между ними, за счет которых усиливалась мощность крепостных стен. Оборонительный ров глубиной три метра, шириной восемь метров защищал полукруглую угловую башню юго-восточной части стены. Ров, обогнув эту башню, выходил в русло реки [14: с. 22]. Остатки гидротехнического сооружения, найденные в реке, подтверждают, что ров заполнялся речной водой.

Для обороны города на подступах к городским укреплениям была предусмотрена своеобразная система, способная одновременно защитить береговую полосу от размыва: помимо оборонительных стен были построены мощные сооружения — береговые укрепления протяженностью около трех километров. Сохранившаяся высота береговых укреплений составляет местами

⁶ Крепостная стена возведена на культурном слое толщиной в 7,5 м.

до трех метров. Укрепления тянутся на расстояние более одного километра вверх против течения реки к югу [14: с. 23; 15: с. 202]. Защитники города размещались в узком пространстве, образовавшемся между системой берегового укрепления и оборонительной стеной первого города с западной стороны [33].

Сообщение между частями города осуществлялось с помощью трех больших арочных мостов [14: с. 27; 32: с. 55; 36]. Следы еще одной линии крепостной стены были зафиксированы в 150 м от восточной стены второго города [14: с. 22–27].

Оборонительные башни фланкировали подходы верхнего моста к крепостным стенам обеих частей города. Для защиты подхода к среднему мосту и к воротам в этом районе была возведена еще одна башня оборонительного значения [26: с. 77–82; 33].

Историк XVII века, автор «Свода истории государства» Ахмед ибн Лютфуллах (Мюнедджимбаша), ссылаясь на более ранние хроники и пересказывая их, сообщает, что правитель династии шаддаидов Абул-Асвар в 1063 году «построил вокруг окрестности Джанзы (Гянджа) прочную стену и установил в ней крепкие ворота. Вырыл вокруг нее глубокий ров. Джанза стала вдвое <больше> чем была» [3: с. 218–219]. По всей вероятности, в это время построены второе и третье кольца оборонительных стен в правобережной части города.

Неприступность города, наличие мощной фортификационной системы для долговременной защиты подтверждается данными письменных источников. В конце XI века (1088) во время военных столкновений с сельджуками, Гянджа долгое время держала оборону. Город был взят штурмом лишь после того, как одна из башен крепости рухнула в результате подкопа [27: с. 32].

На основе глазурованных сосудов и других подъемных материалов, относящихся к XII веку и последующим периодам, обнаруженных при частичных раскопках в левобережной части, Дж. Халилов предполагал, что город и его оборонительные сооружения в этой части сооружены после землетрясения 1138/1139 годов. Кроме того, эта часть не была густонаселенной, на что указывает неравномерное распространение поделочного материала, который в некоторых местах вообще отсутствует [32: с. 102–104].

Как было отмечено выше, окончательно не уточнено время возникновения города, не определена дата и не установлен порядок возведения крепостных стен. Версия о раннем происхождении первого города и его фортификационных сооружений поддерживается не всеми исследователями. Ученые установили, что город в VII–VIII веках, может быть, даже раньше, существовал в виде укрепленного пункта — города-крепости на территории первого города — правобережной части. Предполагается, что эти стены протянулись до самого берега Куры (см.: [38]). Историки, базируясь на результатах археологических исследований, пришли к выводу, что в Античности и в начале Средних веков Гянджа находилась на территории, называемой Шехер бурну. По предположению археолога А. М. Мамедова, на месте города Гянджи располагался

город Ласо⁷, отмеченный на карте, составленной римлянами во II в. до н. э.⁸ Что касается сообщения источников о построении города в IX веке арабским наместником Мухаммедом [22: с. 82], то, видимо, заняв город, он восстановил и укрепил бывший в упадке населенный пункт.

Вопрос о наличии и местонахождении цитадели города также до сих пор не решен. Можно согласиться с версией о том, что цитаделью был первый город [5: с. 5; 6: с. 37; 14: с. 59] в правобережной его части. Однако пока невозможно установить, с какого времени и как долго первый город играл роль крепости. По этому поводу хочется отметить некоторые предположения, исходя из вышеупомянутых письменных данных: возможно, первоначально город состоял только из первого города (малый прямоугольник в правобережной части), позже, по мере роста, вокруг него формировался второй город и эта территория была обнесена крепостными стенами. Первый город топографически отделился от остальной территории и, видимо, выполнял функции цитадели. Однако большая территория (около 26 га) первого города вызывает сомнения⁹.

Если учесть сообщения письменных источников о возникновении города Гянджи в IX веке, можно предположить, что первый город существовал в это время как военный лагерь Халифата, а позже превратился в резиденцию правителей. Это характерно для некоторых халифатских городов в арабских странах [10: с. 21]. Не исключено, что на раннем этапе первый город являлся шахристаном (собственно городом), а цитадель находилась на другом месте¹⁰. Дороги и подступы к городу защищали мощные отдельно стоящие крепости: Кешикчи гала, Гюлистан галасы, Гызыл гала, Балчылы гала, Кёшкю галасы, Зурнабад галасы и др.

Систематические археологические исследования, проведенные в последние годы, изучение остатков крепостных стен города позволяют говорить о построении этих стен в раннем Средневековье. Однако пока нет полного представления о системе фортификации и топографической структуре этого периода. Связано это, во-первых, с неоднократным разрушением города в результате постоянных военных столкновений, катастрофических

⁷ Название «Ласуб» встречается также в «Албанской истории» Моисея Каланкатуйского (см: [40]).

⁸ Отметим, что в основном раннесредневековые города Азербайджана возникали не на месте античных городов, а недалеко от них, на новом, более удобном и укрепленном в оборонном отношении месте. Таковы были города Шамахи недалеко от античного Шамахи (Хыныслы), Бейлаган — недалеко от Пайтакарана (Тезекенд), Габала — недалеко от античного города Чаггаллы. Этот процесс характерен и для городов Закавказья, Ближнего и Среднего Востока, Византии, для причерноморских городов России.

⁹ С. П. Толстов считал, что города, возникшие в пору сложившегося феодализма, не имели цитадели [31: с. 94].

¹⁰ Интересные сведения имеются в исторической хронике «Тарих ал-Баб-ва-Ширван», где говорится, что замок (касп) Мухаммеда (он же построил город в 859 году, по этому источнику) находится около ворот, называемых ал-Хасс (?) [22: с. 47].

природных стихий, расширением его территории и изменением первоначального вида. Во-вторых, сегодняшний уровень археологической изученности города не позволяет точно установить этапы построения его фортификационных сооружений, выявить закономерности в развитии топографической планировки (см: [25–27]).

В письменных источниках Гянджа — замечательный город [21: с. 12]; «столица (дар-ал-мулк) имеет укрепления, большую крепость с высокими стенами и глубоким рвом» [18: с. 30; 20]. Со стороны всех правителей, в том числе и атабеков, укреплению города как «последнего пограничного аванпоста мусульманского мира» [1: с. 91] придавалось первостепенное значение. Источники, описывая последствия сильного землетрясения в городе и его окрестностях в 1139 году, сообщают о разрушенных крепостных стенах, домах и других сооружениях [24: с. 11–12; 30: с. 190, 224; 35], о гибели десятков тысяч людей. Город был разрушен до такой степени, что «как будто его вообще не было» [21: с. 208]. «Спасались лишь те, кто спрятался в ее цитадели и на возвышенностях», — говорится в труде Садр-ад-Дина Али ал-Хусайни [30: с. 224, прим. 40]. В эти трудные дни войско грузинского царя Деметрия напало на разрушенный город, разграбило его и увезло железные ворота [9: с. 192–193; 35]. Разгромив и изгнав войска Деметрия, Гара Сунгур — наместник сельджукского султана — начал восстанавливать город и укреплять его стены [9: с. 192]. Вскоре «снова были построены разрушенные стены» [24: с. 12], город был восстановлен¹¹ во всем своем блеске [9: с. 193].

В X–XIII веках город Гянджа стал одним из крупнейших экономических, социально-политических и духовно-культурных центров Кавказского региона, Среднего и Ближнего Востока. О мощи фортификационных сооружений и уровне обороны города средневековой Гянджи свидетельствуют события, связанные с монгольским нашествием в начале XIII века. В 1222 году монгольские отряды под руководством Джеба и Субутая подошли к городу Гяндже (Джанзы — в источнике), «матери городов Аррана», но, узнав о неприступности города, о большом числе его жителей, а также об их мужестве, они не пошли на него [16: с. 140].

Город был захвачен монгольскими ордами после упорного сопротивления и ожесточенных боев и разрушен до основания. Для разрушения стен и башен монголами были применены осадные техники, стенобитные машины (тараны) и метательные орудия. Только через четыре года монголы разрешили людям вернуться в город, запретив в то же время восстановление его оборонительных сооружений.

¹¹ Не исключено, что изученные стены относятся в основном к XII – началу XIII веков, восстановленные после сильного землетрясения 1139 года.

Литература

1. Абд ар-Рашид ал-Бакуви. Книга талхис ал-Асар ва'аджа'иб ал-малик ал-каххар (Сокращение «Памятников» и чудеса царя могучего) / пер. с араб. З. М. Буниятова. М.: Наука, 1971. 192 с.
2. Альтман М. М. О времени возникновения Гянджи как города // Известия Азербайджанского филиала АН СССР. 1940. № 1. С. 1–85.
3. Ахмед ибн Лютфуллах. Джами'ад Дувал / пер. М. Мамедова // Труды Института истории АН Азербайджанской ССР. Т. XII. Баку: Изд-во Академии наук Азерб. ССР, 1957. С. 205–222.
4. Ахмедов Р. Дж. Городище Гянджа. Баку: Элм, 1985. 19 с. (Серия «Материальная культура Азербайджана»).
5. Ахмедов Р. Дж. Гянджа средневековая (Археологическое изучение). Баку: Элм, 1988. 36 с.
6. Ахмедов Р. Дж. Раскопки Гянджи IX–XVII вв. // Средневековые города и городская жизнь Кавказа: тез. докл. науч. конф. по археологии Кавказа (10–14 июня 1988 г.) / [редкол.: В. В. Джапаридзе (отв. ред.) и др.]. Тбилиси: Мецниереба, 1988. С. 36–38.
7. Бартольд В. В. Гянджа // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 3. М.: Наука, 1965. С. 405–407.
8. Безменов В. Материалы для древней географии Закавказья по персидскому сочинению «Зинет-уль-меджалис» // Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Т. 1. Тифлис: Тип. гл. упр. наместника кавказского, 1872. С. 131–136.
9. Буниятов З. М. Государство атабеков Азербайджана (1136–1225 годы). Баку: Элм, 1989. 136 с.
10. Воронина В. Г. Средневековый город арабских стран. М.: ВНИИ теории архитектуры и градостроительства, 1991. 99 с.
11. Гагемейстер Ю. А. Новые очерки Закавказья. СПб.: Тип. Мин-ва вн. дел, 1848. 158 с.
12. Гасанов Э. Об изучении гончарного ремесла Гянджи античного периода // International Scientific Journal. 2015. Issue 3. Vol. 23. P. 41–43.
13. Дербенд-наме / [Мухаммед-Аваби]; пер. с языков тюр., араб., перс. и фр.; под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис: Тип. Я. И. Либермана, 1898. 192 с.
14. Джафарзаде И. М. Историко-археологический очерк старой Гянджи. Баку: АН Азерб. ССР, 1949. 103 с.
15. Джафарзаде И. М. Старая Гянджа // Низами / Юбилейный ком-т Низами при СНК АзССР; Союз сов. писателей Азербайджана. Т. 4. Баку: Азернешр, 1947. С. 194–221.
16. Ибн ал-Асир. Тарих-ал-Камил (Полный свод истории) / пер. с араб. П. К. Жузе. Баку: АзФАН, 1940. 68 с.
17. История императора Иракла / соч. еп. Себеоса, писателя VII века; пер. с арм. [предисл. и примеч. К. Патканьяна]. СПб.: Имп. Акад. наук, 1862. XVI. 216 с.
18. Йакут ал-Хамави. Муджам ал-булдан (Сведения об Азербайджане) / пер. З. М. Буниятова; [пер. с англ. и перс.]. Баку: Элм, 1983. 65 с.
19. Казвини Хамдаллах. Нузхул ал-Кулуб (Услада сердец) / пер. с араб. З. М. Буниятова. Баку: Элм, 1983. 65 с.
20. Мамедзаде К. М. Архитектурные памятники Гянджи. Баку: Элм, 1991. 46 с.

21. Миклухо-Маклай Н. Д. Аджайб ад-дуния // Ученые записки Института востоковедения. 1954. Т. 2. С. 178–221.
22. Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X–XI вв. М.: Вост. лит., 1963. 266 с.
23. Мукаддаси. Ахсан ат-такасим фи марифат аль-акалим (Лучшее из делений познания климатов) / пер. Н. А. Караулова // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 38. Тифлис: Тип. Канц. наместника Его Имп. Величества на Кавказе, 1908. С. 12–28.
24. Мхитар Гош. Албанская хроника / пер. с англ. З. М. Буниятова. Баку: АН Азерб. ССР, 1960. 33 с.
25. Нагиев Г. Г. Города Азербайджана и их укрепления во второй половине VIII–X вв. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 12. С. 52–57.
26. Нагиев Г. Г. Оборонительные сооружения средневековых городов Азербайджана: пути развития и особенности эволюции // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2016. № 4 (24). С. 75–87.
27. Нагиев Г. Г. Развитие фортификации городов Азербайджана в XI – начале XIII вв. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 2. С. 30–36.
28. Пахомов Е. А. Крупнейшие памятники Сасанидского строительства в Закавказье // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 9–10. С. 37–47.
29. Русские города // Журнал Министерства внутренних дел. 1844. Т. VI. С. 34–37.
30. Садр-ад-Дин Али ал-Хусайни. Ахбар ад-даулат ас-селджукийя (Зубдат аттаварих фи ахбар ал-умара ва-л-мулук ас-селджукийя). (Сообщения о Сельджукском государстве. Сливки летописей, Сообщающих о сельджукских эмирах и государях) / пер. З. М. Буниятова. М.: Наука, 1980. 273 с.
31. Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л.: 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в М., 1948. 322 с.
32. Халилов Дж. А. Археологические исследования в Гяндже в 1981 г. // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1980–1981 гг.). Баку: Элм, 1986. С. 97–104.
33. Шеблыкин И. П., Горчакова М. Г. Гянджа XII в. // ААЭН. М.: Б. с. арх. изд., 1947. С. 55–62.
34. Шопен И. И. Новые заметки на древние истории Кавказа и его обитателей. СПб.: Типография Н. Тиблена и К° (Н. Неклюдова), 1866. 503 с.
35. Azərbaycan tarixi üzrə mənbələr. Bakı: Azərbaycan dövlət universiteti nəşriyyatı, 1989. 328 s.
36. Məmmədov A. M. Qoşqarçay və Kürəkçay hövzəsində təhrif olunmuş yer adları haqqında // Tarix və onun problemləri, Bakı: 2003. № 4. S. 209–213.
37. Məmmədov A. M. Gəncə antik və ilk orta əsrlərdə // Tarix və onun problemləri. 2010. № 3. S. 163–171.
38. Məmmədov A. M. Gəncəbasar IV–XIII əsrlərdə. Bakı: Elm, 1992. 203 s.
39. Məmmədov A. M. Gəncə arxeoloji ekspedisiyasının tədqiqatları // Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar. Bakı: Elm, 2008. S. 112–113.
40. Moisey Kalankatuklu. Albaniya tarixi. Bakı: Avrasiya Press, 2006. 296 s.
41. Şərifli M. X. Gəncə şəhərinin əmələ gəlməsi tarixi haqqında // Az. EA Məruzələri, XII cild. 1963. № 6. S. 89–93.

Literatura

1. Abd ar-Rashid al-Bakuvi. Kitab talxis al-Asar va'adzha'ib al-malik al-kaxxar (Sokrashhenie «Pamyatnikov» i chudesa czarya moguwego) / per. s arab. Z. M. Bunyatova. M.: Nauka, 1971. 192 s.
2. Al'tman M. M. O vremeni vozniknoveniya Gyandzhi kak goroda // Izvestiya Azerbajdzhanskogo filiala AN SSSR. 1940. № 1. S. 1–85.
3. Axmed ibn Lyutfullax. Dzhami'ad Duval / per. M. Mamedova // Trudy' Instituta istorii AN Azerbajdzhanskoj SSR. T. XII. Baku: Izd-vo Akademii nauk Azerb. SSR, 1957. S. 205–222.
4. Axmedov R. Dzh. Gorodishhe Gyandzha. Baku: E'lm, 1985. 19 s. (Seriya «Material'naya kul'tura Azerbajdzhana»).
5. Axmedov R. Dzh. Gyandzha srednevekovaya (Arxeologicheskoe izuchenie). Baku: E'lm, 1988. 36 s.
6. Axmedov R. Dzh. Raskopki Gyandzhi IX–XVII vv. // Srednevekovy'e goroda i gorodskaya zhizn' Kavkaza: Tez. dokl. nauch. konf. po arxeologii Kavkaza (10–14 iyunya 1988 g.) / [redkol.: V. V. Dzharparidze (otv. red.) i dr.]. Tbilisi: Mecznieraba, 1988. S. 36–38.
7. Bartol'd V. V. Gyandzha // Bartol'd V. V. Sochineniya. T. 3. M.: Nauka, 1965. S. 405–407.
8. Bezmenov V. Materialy' dlya drevnej geografii Zakavkaz'ya po persidskomu sochineniyu «Zinet-ul'-medzhalis» // Izvestiya Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva. T. 1. Tiflis: Tip. gl. upr. namestnika kavkazskogo, 1872. S. 131–136.
9. Bunyatov Z. M. Gosudarstvo atabekov Azerbajdzhana (1136–1225 gody'). Baku: E'lm, 1989. 136 s.
10. Voronina V. G. Srednevekovy'j gorod arabskix stran. M.: VNII teorii arxitektury' i gradostroitel'stva, 1991. 99 s.
11. Gagemejster Yu. A. Novy'e ocherki Zakavkaz'ya. SPb.: Tip. Min-va vn. del, 1848. 158 s.
12. Gasanov E'. Ob izuchenii goncharnogo remesla Gyandzhi antichnogo perioda // International Scientific Journal. 2015. Issue 3. Vol. 23. P. 41–43.
13. Derbend-name: / [Muxammed-Avabi]; per. s yazy'kov tyur., arab., pers. i fr.; pod red. M. Alixanova-Avarkogo. Tiflis: Tip. Ya. I. Libermana, 1898. 192 s.
14. Dzhafarzade I. M. Istoriko-arxeologicheskij ocherk staroj Gyandzhi. Baku: AN Azerb. SSR, 1949. 103 s.
15. Dzhafarzade I. M. Staraya Gyandzha // Nizami / Yubilejny'j kom-t Nizami pri SNK AzSSR; Soyuz sov. pisatelej Azerbajdzhana. T. 4. Baku: Azerneshr, 1947. S. 194–221.
16. Ibn al-Asir. Tarix-al-Kamil (Polny'j svod istorii) / per. s arab. P. K. Zhuze. Baku: AzFAN, 1940. 68 s.
17. Istoriya imperatora Irakla / soch. ep. Sebeosa, pisatelya VII veka; per. s arm. [predisl. i primech. K. Patkan'jana]. SPb.: Imp. Akad. nauk, 1862. XVI. 216 s.
18. Jakut al-Xamavi. Mudzham al-buldan (Svedeniya ob Azerbajdzhane) / per. Z. M. Bunyatova; [per. s angl. i pers.]. Baku: E'lm, 1983. 65 s.
19. Kazvini Xamdallax. Nuzxul al-Kulub (Uslada serdecz) / per. s arab. Z. M. Bunyatova. Baku: E'lm, 1983. 65 s.
20. Mamedzade K. M. Arxitektorny'e pamyatniki Gyandzhi. Baku: E'lm, 1991. 46 s.

21. Mikluxo-Maklaj N. D. Adzhaib ad-duniya // Ucheny'e zapiski Instituta vostokovedeniya. 1954. T. 2. S. 178–221.
22. Minorskiy V. F. Istoriya Shirvana i Derbenta X–XI vv. M.: Vost. lit., 1963. 266 s.
23. Mukaddasi. Axsan at-takasim fi marifat al'-akalim (Luchshee iz delenij poznaniya klimatov) / per. N. A. Karaulova // Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostej i plemen Kavkaza. Vy'p. 38. Tiflis: Tip. Kancz. namestnika Ego Imp. Velichestva na Kavkaze, 1908. S. 12–28.
24. Mxitar Gosh. Albanskaya xronika / per. s angl. Z. M. Buniyatova. Baku: AN Azerb. SSR, 1960. 33 s.
25. Nagiev G. G. Goroda Azerbajdzhana i ix ukrepleniya vo vtoroj polovine VIII–X vv. // Sovremennaya nauka: aktual'ny'e problemy' teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarny'e nauki. 2017. № 12. S. 52–57.
26. Nagiev G. G. Oboronitel'ny'e sooruzheniya srednevekovy'x gorodov Azerbajdzhana: puti razvitiya i osobennosti e'volyucii // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. 2016. № 4 (24). S. 75–87.
27. Nagiev G. G. Razvitie fortifikacii gorodov Azerbajdzhana v XI – nachale XIII vv. // Sovremennaya nauka: aktual'ny'e problemy' teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarny'e nauki. 2018. № 2. S. 30–36.
28. Paxomov E. A. Krupnejšie pamyatniki Sasanidskogo stroitel'stva v Zakavkaz'e // Problemy' istorii material'noj kul'tury'. 1933. № 9–10. S. 37–47.
29. Russkie goroda // Zhurnal Ministerstva vnutrennix del. 1844. T. VI. S. 34–37.
30. Sadr-ad-Din Ali al-Xusajni. Axbar ad-daulat as-seldzhu kijja (Zubdat at-tavarix fi axbar al-umara va-l-muluk as-seldzhukijja). (Soobshheniya o Sel'dzhukskom gosudarstve. Slivki letopisej, Soobshhayushhix o sel'dzhukskix e'mirax i gosudaryax) / per. Z. M. Buniyatova. M.: Nauka, 1980. 273 s.
31. Tolstov S. P. Po sledam drevnexorezmijskoj civilizacii. M.; L.: 2-ya tip. Izd-va Akad. nauk SSSR v M., 1948. 322 s.
32. Xalilov Dzh. A. Arxeologicheskie issledovaniya v Gyandzhe v 1981 g. // Arxeologicheskie i e'tnograficheskie izy'skaniya v Azerbajdzhane (1980–1981 gg.). Baku: Elm, 1986. S. 97–104.
33. Shebly'kin I. P., Gorchakova M. G. Gyandzha XII v. // AAE'N. M.: B. s. arx. izd., 1947. S. 55–62.
34. Shopen I. I. Novy'e zametki na drevnie istorii Kavkaza i ego obitatelej. SPb.: Tipografiya N. Tiblena i K° (N. Neklyudova), 1866. 503 s.
35. Azərbaycan tarixi üzrə mənbələr. Bakı: Azərbaycan dövlət universiteti nəşriyyatı, 1989. 328 s.
36. Məmmədov A. M. Qoşqarçay və Kürəkçay hövzəsində təhrif olunmuş yer adları haqqında // Tarix və onun problemləri, Bakı: 2003. № 4. S. 209–213.
37. Məmmədov A. M. Gəncə antik və ilk orta əsrlərdə // Tarix və onun problemləri. 2010. № 3. S. 163–171.
38. Məmmədov A. M. Gəncəbasar IV–XIII əsrlərdə. Bakı: Elm, 1992. 203 s.
39. Məmmədov A. M. Gəncə arxeoloji ekspedisiyasının tədqiqatları // Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar. Bakı: Elm, 2008. S. 112–113.
40. Moisey Kalankatuklu. Albaniya tarixi. Bakı: Avrasiya Press, 2006. 296 s.
41. Şərifli M. X. Gəncə şəhərinin əmələ gəlməsi tarixi haqqında // Az. EA Məruzələri, XII cild. 1963. № 6. S. 89–93.

G. G. Nagiev

**Medieval City Ganja
(City Fortification and Social Structure)**

The article is devoted to one of the systems of historical stratigraphy of Azerbaijan. The article deals with the issues of the emergence and development of the city of Ganja as an economic and political center. Based on the results of archaeological research, an analysis of social structures and fortifications at different historical stages is carried out.

Keywords: Azerbaijan; Ganja; medieval cities; topography; fortification; social structure; fortresses.

УДК 340.121"13"

DOI: 10.25688/2076-9105.2020.40.4.09

А. К. Гладков

«Pontifex est dominus servorum...»: Церковь, закон и свобода в политической мысли первой половины XIV века

В статье, основанной на анализе трактата Уильяма Оккама «Восемь вопросов о папской власти» (*Octo quaestiones de potestate papae*) — оригинального памятника политической мысли первой половины XIV века, исследуются представления мыслителя о церковной власти, ее миссии и пределах, а также соотношение закона, рабства и свободы как ключевых категорий, определяющих в свете христианского учения и аристотелевской традиции характер папской власти.

Ключевые слова: Уильям Оккам; *plenitudo potestatis*; политическая мысль; папство.

Уильям Оккам (ок. 1285–1347), монах-францисканец, философ, политический теоретик, полемист, изгой, «еретик», — фигура даже на пестром интеллектуальном фоне средневековой Европы столь значительная, что едва ли одна из этих граней может в полной мере отразить масштаб личности мыслителя. Человек сложной, противоречивой природы, сочетавший глубокую веру с жесткой (иногда доходящей до крайности) критикой папства, искусно владевший пером, коим он служил к негодованию понтифика и клириков Римской церкви, императору Людовику IV Баварскому.

Не только современники, но и потомки, в том числе поколения исследователей, удостаивали Уильяма Оккама противоположных оценок, однако их очевидная полярность не отменяет и тем более не затемняет главного: наследие схоласта, а в данном случае речь идет о той части, что касается политической теории [1], явилось неискаженным отражением времени, своеобразным ответом на запросы, возникшие в обществе и Церкви первой половины XIV века, а заодно и заветом будущему — ведь оригинальные идеи, сразу не понятые или вовсе отвергнутые при жизни францисканца, оказались востребованными позднее (например, даже в XVI–XVII столетиях). Справедливости ради нужно сказать, что и во второй половине XIV–XV веков, когда память об «ученом еретике» была еще свежа, его философские (концепции универсалий, знака и символа) и прежде всего логические построения породили целое направление в западноевропейской мысли, которое принято называть оккамизмом. Обширная комментаторская традиция, имевшая место в Парижском университете (Альберт Саксонский, Петр д'Айи), свидетельствует, по выражению

Ю. Митке, о «странной популярности» (как положительной, так и вполне критической, представленной, в частности, изысканиями Вальтера Бурлея) трактатов Оккама, притом что его политические сочинения да и полемические работы 1330-х годов, направленные на критику римских пап (*Opus nonaginta dierum*, *De dogmatibus papae Ioannis XXII*, *Compendium errorum papae Ioannis XXII*, *Tractatus ostendens quod Benedictus papa XII nonnullas Ioannis XXII haereses amplexus est et defendit*), по причинам, видимо, сугубо цензурным и идеологическим на время выпали из интеллектуальной обоймы.

Широкий диапазон тем, которыми занимался Оккам, — от комментирования трактатов Порфирия, Аристотеля, Петра Ломбардского до создания оригинальных логических (вроде «Суммы [всей] логики» / *Summa [totius] logicae* (1323) — исключительного по значимости сочинения, явившегося предметом толкования для многих магистров, включая уже упоминавшегося Альберта Саксонского) и философско-богословских трудов, — определил и круг текстов, вышедших из-под его пера. Однако 30–40-е годы оказались по-своему поворотными для Уильяма: укрывшись в 1330 году от преследования Римской курии при дворе Людовика IV Баварского, схоласт сосредоточился на подготовке политических трактатов, которые в ходе полемики с папой Иоанном XXII и его преемником могли бы усилить позиции покровителя францисканца. Теме не только философско-богословского соотношения, но и принципиального политико-правового разделения юрисдикций светской и церковной властей, их природы, функций, назначения мыслитель посвятил ряд произведений: «Диалог» (*Dialogus*, 30-е годы XV века) — монументальное сочинение, в котором среди устойчивых полемических сюжетов подробно анализируются аспекты политического и церковного «вырождения» (в данном случае схоласт рассматривает вопросы происхождения ересей, и главной из них — так называемой папской ереси); «Бревилोकвий» (*Breviloquium [de principatu tyrannico]*, 1342), представляющий собой развернутое разоблачение доктрины «полноты папской власти» и рассмотрение в этой связи специфики тиранического правления внутри Римской церкви, притязющего на светские полномочия; «Трактат о власти императоров и пап» (*Tractatus de imperatorum et pontificum potestate*, ок. 1347) — итоговая работа, фактически суммирующая основные политические, эклезиологические и социально-экономические проблемы, рассмотренные Уильямом ранее (*sacerdotium, regnum, dominium, proprietas*). Наряду с иными трактатами, авторство которых не вызывает сомнений (*An princeps, Consultatio de causa matrimoniali*), есть два сочинения, пусть и включенные в *Opera omnia*, но по-прежнему заставляющие ученых спорить и задаваться вопросом, принадлежат ли они перу Оккама? Речь идет о сравнительно небольших по объему текстах: *Allegationes de potestate imperiali* — трактате об императорской власти, содержащем некоторые полемические приемы, в целом характерные для Оккама, однако из-за недостаточности рукописной традиции и отсутствия манускрипта-протографа не могущем считаться достоверно принадлежащим схоласту (позиция Х. Оффлера, М. Клейн и др.); *De electione*

Caroli Quarti — лапидарном труде, посвященном Карлу IV, ставшему после смерти покровителя Уильяма Людовика IV Баварского императором Священной Римской империи (позиция Х. Оффлера, Ю. Митке, А. Мак Грейда и др.).

В значительном перечне политических произведений наше внимание привлекают «Восемь вопросов о папской власти»¹ (*Octo quaestiones de potestate papae*) — сочинение, увидевшее свет в интервале между концом 1340 — летом 1341 года [4: р. 20, п. 70; 5: р. 332; 7: р. 5] и затрагивающее наиболее важные для Оккама, а равно и предельно актуальные для его времени сюжеты. Уильям не обходит стороной такие темы, как природа и назначение церковной власти (*auctoritas*), реальное и идеальное в реализации принудительной власти папы, воспринимаемое в совершенном измерении как служение (*ministerium*), но по факту олицетворяющее разновидность тирании (*tyrannia*). Наконец, мыслитель детально разбирает так называемую доктрину полноты папской власти (*plenitudo potestatis*), доказывая несостоятельность притязаний понтификов на прерогативы светских государей (*potestas*); более того, попытки глав Римской церкви присвоить себе некоторые ключевые обязанности, относящиеся к сфере мирской власти, оцениваются автором «Восьми вопросов» (*Guillelmi de Ockham. Octo quaestiones de potestate papae // Idem. Opera politica / Accuravit H. S. Offler. Manchester, 1974. Vol. 1. P. 15–217* (далее в тексте — ОQR, с указанием страницы)) как прямое свидетельство утраты благодати (*grati*) и забвения заветов Христа.

Оккам в принципе не отрицает необходимости института папства, признавая законность власти понтифика лишь в тех рамках, которые были установлены Богом; ведь, по сути, являясь преемником апостола Петра, римский первосвященник присвоил куда больше, чем мог себе позволить ученик Христа. Стремясь расширить собственные полномочия, включая и сферу непосредственной юрисдикции светских государей (ОQR. P. 95–99), папа, по мысли автора «Восьми вопросов», в погоне за могуществом вступил в противоречие не только с Божественным законом, знаменующим абсолютное и непреложное правило жизни (*regula vitae*), но и естественным, являющимся источником всякой справедливости. Именно эти законы, определяющие фундаментальную систему политико-правовых координат, подвергаются понтификом сомнению; ведь, как известно из Писания, и Оккам неоднократно апеллирует к букве и духу Священного текста, рабство (*servitudo*) допускается лишь в том случае, когда человек признает свою принадлежность Богу, отдает себя в Его полное распоряжение, принимает Его святую волю. Однако римский епископ, даже в мыслях допускающий реализацию на практике доктрины *plenitudo potestatis*, ставит себя — вопреки установлению Божьему — господином (*dominus*), а паству делает бесправными рабами (ОQR. P. 109). Конечно, рассуждает Оккам, когда Господь признает себя господином рабов (*dominus servorum*), то лишь потому, что прежде сам человек, обладающий свободной волей,

¹ О рукописной традиции см.: [6].

сделал такой выбор, вверив себя Всевышнему. Именно Бог — источник спасения, избавление от рабства, что когда-то было заповедано древними (Ис. 42, 6, 7; Ис. 61, 1) и осуществлено Христом (Лк. 4, 18–21; Иоан. 8, 36; Рим. 7, 23–25; Евр. 2, 15).

Понтифик, напротив, единолично сосредоточив в своих руках власть, ему не принадлежащую, фактически ее узурпировал; он лишь прикрывается идеей наилучшего правления, которому в принципе чужда такая практика (OQR. P. 109); по сути, же подменил высший закон своим хотением (*voluntas*), волю Божью — собственной, а свободе равных предпочел пути невежества. Острые критики направлены именно на то, что, формулируя доктрину полноты власти, римский первосвященник, по мнению Уильяма, не обладает ни моральным превосходством над паствой, ни добродетелями, выдвигающими его в первый ряд благочестивых мужей, ни знаниями, однако тщится стать единоличным владыкой над всеми.

Оккам заявляет: правитель (*rex, princeps, imperator*) наделен свыше правом руководства народом, а его приказ (*verbum regis*) имеет силу закона, что тем не менее не делает из него того, кто пребывает вне общины; при высоком достоинстве и исключительном статусе, обладателю *potesta* полагается не увеличивать дистанцию с подданными, а сокращать ее, предпочитая жестокости и силе любовь и милосердие. И тем не менее светское государство покоится именно на принуждении и подчинении (OQR. P. 110).

Что же до римского папы, олицетворяющего, как ему самому кажется, наилучшую форму правления, то, по сути, христианская община (*communitas*) существует не как целокупность равных и свободных, а как объединение подчиненных единоличной воле без надежды на обретение *summum bonum*. Иными словами, благо личное (= благо папы), собственно, тираническое, вытеснило из жизни церкви благо общественное. В подобной несправедливости схоласт усматривает результат применения силы принуждения, принадлежащей светским государям, но присвоенной понтификами без высшей — Божественной — санкции. В итоге вместо жертвенного служения, пастырского окормления и наставления любовью в церкви при попустительстве папы устоялась губительная практика подавления (*compressio*). То, насколько *ecclesia Romana* отличается от примеров древнего благочестия, живописует современник Уильяма Оккама Марсилиус Падуанский [3], называющий ее *deformis monstrum* (*Defensor pacis*. II, 24,12).

Рассуждая о вопросах сугубо эkkлезиологических, Оккам в свойственной ему манере привлекает аргументы, не имеющие, как может сперва показаться, непосредственного отношения к внутренней жизни Церкви; так, схоласт использует аристотелевскую терминологию, взятую им из «Политики» [2], для описания характера функционирования *ecclesia* и вводит понятие «общее благо» как ключевое для демонстрации специфики папской власти. Предпочитая механизмы принуждения, понтифик, как пишет Уильям, мерит

всех одной мерой, не разбирая, кто грешник (*qui peccavit*), а кто праведник; потому-то благо для одного является нередко злом для другого. Проистекающая, как полагает Оккам, именно из доктрины *plenitudo potestatis* уравнительность (*pontifex-complanator*) в наказании, при которой все испытывают внутри Церкви «иго власти», оказывается губительной, поскольку не только не учитывает индивидуальные особенности каждого, но и разрушает саму идею блага. Более того, тот факт, что римский папа обходится подобным образом с теми, кто равен или даже превосходит его по достоинству (*dignitas*), чести, благородству (ОQR. P. 108), свидетельствует, сколь далеко правление в Церкви от наилучшего и как сильно позабыты заветы Спасителя.

Понятно, что есть идеал *ecclesia veritas*, который представляется Оккаму апостольской общиной, руководимой Христом, а есть реальность, в которой существует *ecclesia Romana*, объективно весьма далеко отстоящая от этого идеала. Схоласт отдает себе отчет в том, что о масштабном переформатировании речи быть не может, хотя необходимость в преобразовании давно назрела, и тогда остается, при условии отказа от достижения оптимальной, наилучшей модели церковной организации, лишь найти путь сосуществования с «тираническим гнетом». Смирение (*modestia*) и послушание (*oboedientia*) — те добродетели, с помощью которых можно принять временное рабское состояние ради небесного воздаяния. Однако у всего есть предел и послушание нечестивой власти небесно бесконечно.

Автор «Восьми вопросов» признает, что общность свободных (государственная и церковная) куда лучше общности рабов (см., например: «...*melior est principatus liberorum quam servorum*» (ОQR. P. 108–109)), а меры принуждения, в том числе насильственного, распространенные не только в миру, но и в Церкви, носящей печать *ecclesia aeterna*, тем не менее не должны быть ведущими в регулировании жизни *communitas*. Наличие или отсутствие добродетелей — важные критерии оценки необходимости использования силы, особенно внутри Церкви, а равно и наделения еще бóльшей свободой (*libertas*) тех, кто в них преуспел.

Фундаментальные категории христианского вероучения — закон, справедливость, свобода — интерпретируются Уильямом Оккамом в конкретном историческом и политическом контексте вполне традиционно, близко и понятно большинству. Отступление от буквы и духа закона (Божественного и естественного, согласно которому все от рождения свободны — см.: *Dialogus*. III, II, б) влечет за собой искажение понимания того, что справедливо, а что — нет. Как следствие, свобода, столь необходимая для христианина, стремящегося ко спасению души, замещается иной формой, именуемой Оккамом рабством. И все это происходит по той простой причине, что римский понтифик, полагающий себя преемником апостола Петра (Оккам, к слову, разбирает вопрос о том, каковы источники и пределы папской власти и какую роль в ее реализации играет не только народ, но и мирские носители *potestas* — см.: ОQR. P. 99–101)

и стоящий во главе ecclesia Romana, присвоил себе ему не принадлежащее (светские права и юрисдикции), употребил власть во зло, убеждению (persuasio) предпочтя принуждение.

Литература / *Literatura*

1. Boehner P. Ockham's Political Ideas // *Review of Politics*. 1943. № 5. P. 462–487.
2. Lambertini R. Wilhelm von Ockham als leser der Politica. Zur rezeption der politischen theorie des Aristoteles in der ekklesiologie Ockhams // *Das publicum politischer theorie im 14. jahrhundert*. München, 1992. S. 207–224.
3. Miethke J. Marsilius und Ockham: publikum und leser ihrer politischen schriften im späteren Mittelalter // *Medioevo*. 1980. Bd. VI. S. 543–567.
4. McGrade A. S. *The Political Thought of William of Ockham. Personal and Institutional Principles*. Cambridge, 1974. 269 p.
5. Offler H. S. The Origin of Ockham's Octo Quaestiones // *The English Historical Review*. 1967. Vol. LXXXII. P. 323–332.
6. Offler H. S. Introduction // *Guillelmi de Ockham. Opera politica / Accuravit H. S. Offler*. Manchester, 1974. Vol. I. P. 2–13.
7. Shogimen T. *Ockham and Political Discourse in the Late Middle Ages*. Cambridge, 2010. 301 p.

A. K. Gladkov

«Pontifex est Dominus Servorum...»:

Church, Law and Liberty in Political Thought of the First Half of the XIVth Century

In article, based on analysis of William of Ockham's «Eight quaestiones on the power of the pope» («Octo quaestiones de potestate pape») — the original treatise of political thought of the first half of the XIVth century, the author explores Okham's ideas of church' power, its mission and limits, and also correlation of «law», «slavery» and «liberty» as main categories, which defines — in light of Christian doctrine and Aristotelian tradition — pope authority's character.

Keywords: William of Ockham; plenitudo potestatis; political thought; papacy.

УДК 327.7

DOI: 10.25688/2076-9105.2020.40.4.10

А. Ф. Рагимова

Индо-пакистанский конфликт в резолюциях ООН

Статья посвящена 75-летию образования ООН. На примере индо-пакистанского конфликта рассматриваются попытки регулирования ООН кашмирского вопроса. На примерах резолюций СБ ООН показаны пути решения данного конфликта, споры и разногласия между членами Совета Безопасности.

Ключевые слова: радикализм; глобализация; конфликт; противоборство; резолюция; ООН; Совет Безопасности; Генеральная Ассамблея.

В 2020 году мировое сообщество отмечает 75-летие образования Организации Объединенных Наций. Во время Второй мировой войны, когда в августе 1941 года обсуждался проект Атлантической хартии, У. Черчилль предложил внести в нее пункт об учреждении в будущем «широкой и постоянной системы всеобщей безопасности», согласно желанию США и Англии. Но именно Рузвельта считают автором словосочетания «объединенные нации» [3: с. 249], которое стало широко известно после 1 января 1942 года, когда 26 стран антигитлеровской коалиции подписали Декларацию Объединенных Наций. В этом документе звучал призыв бороться с фашистской Германией и ее союзниками до победного конца и не вступать с ними в сепаратные переговоры. В различных странах мира появилось более ста проектов новой всемирной организации. Проект будущей международной организации по поддержанию мира и безопасности обсуждался на всех встречах руководителей и министров иностранных дел ведущих держав антигитлеровской коалиции. И, наконец, 25 июня 1945 года представители 51 страны единогласно приняли и подписали Устав ООН. Первая сессия Генеральной Ассамблеи ООН открылась 10 января 1946 года в Центральном зале Вестминстерского дворца.

Следует отметить, что ООН сыграла более значительную роль, чем ее предшественница Лига Наций в процессе обеспечения мира и безопасности. Принцип суверенного равенства всех государств и обязательство не вмешиваться во внутренние дела друг друга стали основным достижением в создании ООН. Благодаря этой международной организации сократились доля и роль тайной дипломатии, мир стал открытым, а мировое сообщество более информированным о происходящем в нем.

Главное призвание ООН виделось ее учредителям в том, чтобы «избавить грядущие поколения от бедствий войны» [Там же: с. 250]. Но, к сожалению,

она менее всего преуспела в своих главных целях — предотвращение конфликтов между странами и народами в целях обеспечения мира и безопасности.

Устав ООН требует мирными средствами урегулировать международные споры, а также декларирует принцип воздержания применения силы. Но тем не менее реальная карта конфликтов и способы их урегулирования не соответствуют декларируемым принципам.

После окончания холодной войны встал вопрос о реформировании ООН. В частности, ставится вопрос о расширении Совета Безопасности, деятельности Генеральной Ассамблеи, усовершенствовании ее структуры, повышении статуса Генерального секретаря и др.

Как уже отмечалось, одна из главных задач ООН — урегулирование конфликтов мирными средствами, без угрозы применения силы. В этом направлении нельзя не отметить усилия ООН в попытках решения индо-пакистанского конфликта, который начался в период обретения обеими странами независимости. Этот конфликт превратился в одну из главных проблем безопасности в Южной Азии. Неудачи в урегулировании конфликта, центром которого стало историческое княжество Кашмир, со временем привели к его глобализации.

Международное измерение данного конфликта объясняется несколькими факторами: переходом межобщинного статуса к межгосударственному; складыванием непредсказуемых отношений между Китаем, Индией и Пакистаном, дестабилизирующих весь субрегион Южной Азии; расширением зоны нестабильности из-за религиозной составляющей конфликта; угрозой использования обеими сторонами ядерного оружия в качестве крайнего средства [1: с. 345].

Итак, конфликт между Мусульманской лигой и Индийским национальным конгрессом заставил британское руководство определить срок передачи власти Индии и Пакистану. Этим сроком стал август 1947 года. Но к этому времени стабильная граница между Индией и Пакистаном не была еще проведена, что привело к использованию силы для решения территориального вопроса. Осенью 1947 года началась Первая кашмирская война, в результате которой в спорный район Кашмира со стороны Пакистана вторглись пуштунские племена и на оккупированной ими территории провозгласили Азад Кашмир (Свободный Кашмир). Неудачно завершившиеся переговоры между Индией и Пакистаном в октябре – декабре 1947 года заставили Индию 1 января 1948 года официально обратиться в ООН с жалобой на вмешательство Пакистана во внутренние дела Джамму и Кашмира. Пакистан, в свою очередь, заявил о незаконности индийских обвинений, объяснив ситуацию как народное восстание против режима махараджи.

В целом Советом Безопасности ООН по индо-пакистанскому конфликту было принято около 17 резолюций. Они затрагивали вопросы создания комиссий, которые должны были расследовать факты и выполнять указания Совета Безопасности; призывали к одновременной и последовательной демилитаризации зоны конфликта; назначали представителя ООН по контролю и реализации принятых решений; требовали от правительств конфликтующих сторон

вступать в переговоры под эгидой представителя ООН в целях согласования конкретных вопросов в разрешении конфликта; просили непосредственно самого председателя Совета Безопасности посетить субконтинент и рассматривать предложения правительств Индии и Пакистана, которые могли способствовать разрешению конфликта. После Третьей индо-пакистанской войны, которая завершилась заключением соглашения в Симле в 1972 году, в котором указывалось, что оба государства берут на себя обязательство решать споры на двусторонней основе, что исключало вмешательство третьей стороны, ООН прекратила свое участие в кашмирском вопросе [4: с. 52].

Итак, Резолюция СБ № 38 от 17 января 1948 года обозначила позицию ООН, предложившей посредничество по урегулированию². Первым шагом ООН стало предложение сформировать Комиссию по Индии и Пакистану в составе трех государств. Членам комиссии было поручено изучить ситуацию, оказать помощь конфликтующим сторонам восстановить порядок и организовать плебисцит. В то время когда в ООН обсуждался вопрос по урегулированию конфликта, в Кашмире продолжались военные действия, в которые были втянуты регулярные войска Пакистана. 21 апреля 1948 года СБ ООН принял новую резолюцию № 39³, которая призывала к демилитаризации Кашмира. Но каждая из сторон толковала по-своему эту резолюцию, в результате она не была выполнена. В результате работы Комиссии ООН был принят новый документ — резолюция № 47⁴, в которой предусматривались меры по урегулированию конфликта: вывод правительственных войск Пакистана и нерегулярных формирований с территории Кашмира; вывод индийских правительственных войск; создание условий для решения дальнейшей судьбы Джамму и Кашмира. Но, к сожалению, эти условия не выполнялись в течение 1948 года. Конфликтующие стороны отказывались выводить свои войска с оккупированных территорий; следовательно, фактическое присоединение к Пакистану Азад Кашмира, а также области Гилгит с подконтрольными княжествами привели к нецелесообразности проведения плебисцита по статусу Кашмира.

В январе 1949 года под эгидой ООН в Кашмире была установлена линия прекращения огня, что привело к разделу княжества на две части — индийскую и пакистанскую. В результате под контролем Пакистана оказалась 2/5 территории Кашмира с населением около одного миллиона человек [1: с. 351]. Действия мировых держав в период Первой кашмирской войны ограничивались дипломатической активностью в рамках ООН. Начавшаяся холодная война повлияла на развитие индо-пакистанского конфликта,

² Резолюция СБ ООН № 38 от 17 января 1948 г. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.qwe.wiki/wiki/United_Nations_Security_Council_Resolution_38 (дата обращения: 14.12.2020).

³ Резолюция СБ ООН № 39 от 20 января 1948 г. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.qwe.wiki/wiki/United_Nations_Security_Council_Resolution_39 (дата обращения: 14.12.2020).

⁴ Резолюция СБ ООН № 47 от 21 апреля 1948 г. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.qwe.wiki/wiki/United_Nations_Security_Council_Resolution_47 (дата обращения: 14.12.2020).

так как соперничество двух сверхдержав на глобальном уровне проявилось и во вмешательстве в этот конфликт. США, учитывая близость индо-пакистанской границы к советской Средней Азии, поддержали Пакистан, который стал союзником США. СССР, в свою очередь, занял выгодную для Дели позицию в этом конфликте и, используя право вето в СБ ООН, отстаивал интересы Индии в незаконной оккупации Пакистаном части ее территории. В частности, в январе и феврале 1957 года, когда в СБ ООН обсуждался вопрос об использовании в Кашмире войск ООН⁵, советская делегация выступила за прямые переговоры в процессе урегулирования конфликта и в результате наложила вето на предложенную резолюцию. Предполагается, что данный шаг был предпринят из-за опасений усиления влияния Запада в регионе в случае ввода международных миротворческих сил.

В результате Первой кашмирской войны 1947–1949 годов и безуспешных попыток ее урегулирования сложились следующие геополитические изменения под воздействием внешних и внутренних сил: линия превращения огня превратилась в государственную границу между Индией и Пакистаном, которую не признавали обе конфликтующие стороны; декларативное участие международных посредников осложнялось борьбой сверхдержав; усугубляется религиозно-политический фактор территориального спора, который продолжается в настоящее время и усиливает экстремистские настроения, что, в свою очередь, осложняет поиски компромисса.

В 1960-е годы в ходе развития конфликта, который вновь трансформируется в открытое вооруженное противостояние, вовлеченным оказывается другое азиатское государство — КНР. В этот период обострились индийско-китайские отношения, причиной которых стало подписание в апреле 1954 года соглашения о торговле и связях между Индией и Тибетом. В обострении отношений между КНР и Индией были и взаимные территориальные претензии, что в конечном итоге привело к серьезным вооруженным столкновениям в 1959 и 1962 годах, которые закончились поражением Индии. Противостояние КНР и Индии привело к поддержке Китаем Пакистана. В январе 1961 года при рассмотрении Китаем и Пакистаном вопроса о начале проведения демаркационной линии в Кашмире Индия заявила о своем протесте против этого решения. Но тем не менее в марте 1963 года, несмотря на возмущение Индии, Китай передал так называемые Северные территории Пакистану и таким образом был решен вопрос установления пакистано-китайской границы. Эти события осложнили для Индии урегулирование территориального вопроса и одновременно подтолкнули ее к ведению войны на два фронта — пакистанском и китайском [1: с. 352].

В 1965 году эскалация индо-пакистанских отношений вокруг Кашмира привела ко Второй кашмирской войне. Президент Пакистана М. Аюб Хан

⁵ Резолюция СБ ООН № 123 от 21 февраля 1957 г. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.qwe.wiki/wiki/United_Nations_Security_Council_Resolution_123 (дата обращения: 14.12.2020).

подошел к проблеме Кашмира более серьезно, чтобы укрепить позицию страны в регионе. Он решил, с одной стороны, добиваться плебисцита в Кашмире через посредничество ООН, а с другой — пользуясь дипломатическими и военными средствами, оказать давление на Индию [5: с. 8].

СССР, пользуясь правом вето, блокировал все инициативы Пакистана по плебисциту или размещению международных миротворцев. Тем временем в Пакистане усиливался интерес к проблеме кашмирских мусульман. Совершив поездку в Китай в марте 1965 года и в Москву в апреле того же года, президент Пакистана Аюб Хан добился некоторых успехов: руководство СССР обещало не выступать с проиндийских позиций.

В апреле 1965 года начались вооруженные столкновения между обоими государствами, которые продолжались до сентября того же года. В результате к окончанию военных действий Индия контролировала 1840 кв. км пакистанской территории, а Пакистан — 545 кв. км территории Индии. Внешнее вмешательство привело к приостановке дальнейшего военного обострения, но формально боевые действия были прекращены после принятия очередной Резолюции СБ ООН № 209 от 4 сентября 1965 года⁶. Соглашения, подписанные обеими сторонами, постоянно нарушались. Это объяснялось тем, что обоим государствам не удалось решить политико-стратегические задачи, что привело к недовольству итогами конфликта.

В 1971 году произошло новое обострение конфликта, которое привело к радикальным геополитическим изменениям в Южной Азии. Очередной военный конфликт получил название Третьей индо-пакистанской войны. Кроме того, данный конфликт рассматривается еще как составная часть войны за независимость Бангладеш (Восточный Пакистан, бывшая восточная часть Бенгалии). Причиной эскалации конфликта стали выборы 1970 года в Пакистане, на которых победила Лига Авами во главе с М. Рахманом, который заявил о своем праве сформировать правительство как лидер партии большинства. Отказ президента Пакистана Яхья Хана в этом праве М. Рахману привел к беспорядкам и акциям неповиновения в Восточном Пакистане. Массовые аресты и репрессии сторонников Лиги Авами и его лидера привели к тому, что 27 марта 1971 года от имени арестованного М. Рахмана повстанцы объявили о создании суверенного государства Бангладеш в Восточном Пакистане. Правительство Индии заявило о признании нового государства и поддержке восставших. Это привело в ноябре 1971 года к военным столкновениям между Индией и Пакистаном.

Третья индо-пакистанская война привлекла внешние силы конфликтующими сторонами для своей поддержки. В результате США активно поддерживали Пакистан, так как опасались победы бенгальских сепаратистов и усиления Индии, что могло бы привести к росту влияния СССР в регионе. Китай также

⁶ Резолюция СБ ООН № 211 от 20 сентября 1965 г. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.qwe.wiki/wiki/United_Nations_Security_Council_Resolution_209 (дата обращения: 14.12.2020).

выступил союзником США, поддержав Пакистан. Индия, в свою очередь, обеспечила поддержку своим действиям со стороны Великобритании и Франции, заручившись обещаниями этих стран не принимать пропакистанские инициативы в ООН. Но еще бóльшую поддержку Индия обеспечила себе со стороны СССР. В августе 1971 года был подписан советско-индийский договор о дружбе и сотрудничестве. Таким образом, СССР поддержал войну за независимость в Восточном Пакистане и признал Республику Бангладеш.

Согласно резолюции Совета Безопасности ООН № 303 от 6 декабря 1971 года рассмотрение кашмирского вопроса было передано Генеральной Ассамблее в связи с отсутствием единодушия среди членов СБ⁷.

Генеральная Ассамблея ООН в своей Резолюции № 2793 от 7 декабря 1971 года обратилась к конфликтующим сторонам с предложением «принять меры для немедленного прекращения огня и отвода войск на собственную сторону границы»⁸. Но ООН вмешалась, когда кризисная фаза уже была ослаблена в результате капитуляции восточно-пакистанской армии. Правда, военные действия окончательно завершились лишь после поражения Пакистана. До 21 декабря 1971 года продолжались консультации со всеми заинтересованными сторонами, после которых СБ ООН принял Резолюцию № 307. В ней были выдвинуты требования, «чтобы прекращение огня строго соблюдалось до вывода всех вооруженных сил на свои территории»⁹.

После переговоров между Индией и Пакистаном, которые велись с 28 июня по 3 июля 1972 года в городе Симле, началось восстановление отношений между государствами. Симлское соглашение определяло перспективы отношений между государствами следующим образом: правительствам двух стран следовало положить конец конфликтам, приложить усилия для установления дружеских, гармоничных отношений и прочного мира на субконтиненте; уважать линию контроля, которая образовалась в Джамму и Кашмире после прекращения огня 17 декабря 1972 года. Оба государства должны были отказаться от применения силы с целью изменения этой линии [4: с. 54]. Процесс разграничения демаркационной линии контроля и взаимного отвода войск завершился в декабре 1972 года, а восстановление дипломатических отношений между Индией и Пакистаном произошло лишь в мае 1976 года. Это объяснялось трудностью в реализации Симлского соглашения, так как каждая сторона толковала ключевые положения этого документа по-своему.

Если говорить о четвертой, Каргильской войне, то здесь главной причиной стало официальное объявление о появлении ядерного оружия у обоих

⁷ Резолюция СБ ООН № 303 от 6 декабря 1971 года. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.qwe.wiki/wiki/United_Nations_Security_Council_Resolution_303 (дата обращения: 14.12.2020).

⁸ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 2793 от 7 декабря 1971 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/2793%28XXVI%29> (дата обращения: 14.12.2020).

⁹ Резолюция СБ ООН № 307 от 21 декабря 1971 года. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.qwe.wiki/wiki/United_Nations_Security_Council_Resolution_307 (дата обращения: 14.12.2020).

государств. Пока ядерный конфликт носит пассивный стратегический характер. Государства не ратифицировали Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 года, разработанный Комитетом по разоружению ООН. И, к сожалению, оба государства продолжают разработки в этой области по настоящее время [1: с. 364].

С начала 1999 года в Джамму и Кашмире усиливается напряженность. Обстановка накалялась с начала 1990-х годов, когда начался новый виток гонки вооружений в регионе и усилились радикальные религиозные группировки, которые применяли террористические методы политической борьбы и социального протеста. Каргильскую войну начали пакистанские войска, которые проникли в индийский район Каргил. В Индии эта война получила название «операция “Виджай” (“Победа”)». Но в эту войну Совет Безопасности ООН не стал вмешиваться по причине принятого обоими государствами в 1972 году соглашения в Симле. Данное соглашение ограничивало вмешательство третьей стороны в целях урегулирования конфликта. Тем не менее война представляла угрозу безопасности в субконтиненте, что вызывало необходимость вмешательства. Мирный процесс оказался под угрозой. Пакистан отрицал участие своих вооруженных сил в военных действиях, утверждая, что в Кашмире воюют так называемые борцы за свободу. В результате Каргильской войны Индия вернула себе контроль над областями к востоку и югу от линии границы, установленными соглашениями в Симле. Обе стороны понесли военные потери, превышавшие потери во время войны 1971 года.

Таким образом, к концу 1990-х годов глобальная трансформация системы международных отношений определила новые тенденции в индо-пакистанском конфликте, которые обозначили его как опасный очаг нестабильности в регионе и в мире в целом.

События 11 сентября 2001 года заставили США предпринять жесткие меры для прекращения насилия в мире, грозящего терроризмом. Исламабад получил серьезное предупреждение из Вашингтона о необходимости пресечь проникновение на территорию Индии вооруженных группировок. Следует отметить, что начало XXI века в Пакистане отмечено подъемом «подпольного» исламского радикализма. Усиление радикальных тенденций в значительной мере было вызвано участием Пакистана в так называемой глобальной войне с терроризмом. И под давлением жестких мер террористическая активность исламистских боевых групп в последние годы уменьшилась [6: с. 234].

С начала нового столетия напряженность между противоборствующими сторонами продолжала сохраняться, о чем свидетельствуют последующие столкновения Индии и Пакистана. В декабре 2001 года одна из экстремистских организаций Пакистана совершила атаку на индийский парламент, тем самым возросла вероятность обмена ядерными ударами между государствами. Благодаря международному посредничеству в июне 2002 года удалось договориться об отводе войск с линии контроля на общей границе. Затем начинается конфликт из-за водопользования, так как часто происходят нарушения

национальных территориальных вод в бассейне реки Инд как Индией, так и Пакистаном по причине отсутствия официальных границ [2: с. 531]. Постоянные конфликты на линии контроля также дестабилизируют ситуацию в регионе.

В начале 2020 года Китай выступил с инициативой вынести на обсуждение Совета Безопасности кашмирский вопрос. Активность Китая объясняется тем, что правительство Индии в августе 2019 года приняло решение отменить 370-ю статью Конституции, чтобы изменить статус приграничного с Пакистаном штата Джамму и Кашмир с целью превращения его в союзные территории (административные единицы, меньшие, чем штат). Китай считает, что этим актом Индия дестабилизирует положение в регионе. Позиция Китая понятна: он продолжает поддерживать своего давнего союзника — Пакистан. Но члены Совета Безопасности не согласились с аргументами представителей КНР. Поддержав позицию Индии, Совет Безопасности тем самым продемонстрировал, что кашмирский вопрос должен решаться на двусторонней основе. Здесь также следует отметить позицию представителя Великобритании при ООН, который отметил, что Индия и Пакистан должны самостоятельно решать кашмирскую проблему. Интересно, что Россия в данном вопросе поддержала не союзника КНР, а западные страны. Такое несогласие России со своим стратегическим партнером — явление довольно редкое. Министр иностранных дел России С. Лавров во время визита в Индию для участия в международной конференции в беседе с индийским премьером Н. Моди отметил, что кашмирский вопрос должен быть решен на прямых переговорах между Дели и Пакистаном в соответствии с декларациями и соглашениями, принятыми обеими сторонами. Многие дипломаты и эксперты в Индии считают обсуждение в СБ ООН вопроса о статусе Джамму и Кашмира дипломатической победой Индии. Таким образом, можно отметить, что в СБ ООН кроме Китая никто не желает интернационализации кашмирской проблемы.

С 9 июня 2017 года Индия и Пакистан стали полноправными членами Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), которая предполагает совместную борьбу против международного терроризма. В связи с этим можно надеяться, что оба государства смогут со временем преодолеть существующие между ними противоречия.

Литература

1. Барышников Д. Н. Конфликты и мировая политика. М.: Восток-Запад, 2008. 383 с.
2. Волхонский Б. М. Гидроресурсы как фактор геополитики в Южной и Центральной Азии // Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке. М.: ИВ РАН, 2016. С. 530–542.
3. Мировая политика и международные отношения / под ред. С. А. Ланцова, В. А. Ачкасова. СПб.: Питер Пресс, 2008. 445 с.
4. Никитина М. В. Индо-пакистанская конференция в Симле в 1972 году // Научные ведомости. 2008. № 10. С. 51–56.

5. Татарков Д. Б. Битва за Кашмир. Пакистано-индийская война 1965 г. М.: ИНФРА-М, 2015. 189 с.

6. Черкизова О. П. Исламский радикализм и экстремизм в Пакистане в конце XX – начале XXI в. // Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке. М.: ИВ РАН, 2016. С. 224–237.

Literatura

1. Bary`shnikov D. N. Konflikty` i mirovaya politika. M.: Vostok-Zapad, 2008. 383 s.

2. Volxonskij B. M. Gidrolesursy` kak faktor geopolitiki v Yuzhnoj i Central`noj Azii // Gosudarstvo, obshhestvo, mezhdunarodny`e otnosheniya na musul`manskom Vostoke. M.: IV RAN, 2016. S. 530–542.

3. Mirovaya politika i mezhdunarodny`e otnosheniya / pod red. S. A. Lanczova, V. A. Achkasova. SPb.: Piter Press, 2008. 445 s.

4. Nikitina M. V. Indo-pakistanskaya konferenciya v Simle v 1972 godu // Nauchny`e vedomosti. 2008. № 10. S. 51–56.

5. Tatarkov D. B. Bitva za Kashmir. Pakistano-indijskaya vojna 1965 g. M.: INFRA-M, 2015. 189 s.

6. Cherkizova O. P. Islamskij radikalizm i e`kstreizm v Pakistane v konce XX – nachale XXI v. // Gosudarstvo, obshhestvo, mezhdunarodny`e otnosheniya na musul`manskom Vostoke. M.: IV RAN, 2016. S. 224–237.

A. F. Ragimova

Indo-Pakistani Conflict in UN Resolutions

The article is dedicated to the 75th anniversary of the founding of the UN. Attempts to regulate the Kashmir issue by the UN are considered on the example of the Indo-Pakistani conflict. The examples of the UN Security Council resolutions show the ways of resolving this conflict, disputes and disagreements between the members of the Security Council.

Keywords: radicalism; globalization; conflict; confrontation; resolution; UN; Security Council; General Assembly.

**КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ.
ПУБЛИЦИСТИКА**

УДК 327.5(5-15)

DOI: 10.25688/2076-9105.2020.40.4.11

Рецензия на монографию:

**Схватка за Ближний Восток. Региональные
акторы в условиях реконфигурации
ближневосточного конфликта /**

**А. М. Васильев и др.; отв. ред. А. М. Васильев,
Л. М. Исаев, А. В. Коротаев. М.: ЛЕНАНД,
2019. 256 с.**

Рецензируемое издание стало результатом плодотворной работы коллектива известных отечественных историков, посвятивших свое исследование феномену «арабской весны» и аспектам трансформации понятия Большого Ближнего Востока в современных условиях. Особую актуальность данной теме придает и тот факт, что в последние годы данный регион отличается наибольшим конфликтным потенциалом и характеризуется острыми социально-политическими противоречиями между кланами как в самих ближневосточных обществах внутри национальных государств, так и между странами региона в целом. Однако хронологические рамки данной монографии не ограничиваются лишь событиями самой «арабской весны» 2011–2013 годов, что позволяет авторам монографии рассматривать и современные политические процессы в регионе, давать оценку изменениям в регионе с учетом современной политической обстановки.

Крайне сложно характеризовать и сам процесс смены политических режимов в регионе, как своего рода арабские революции, так как в их результате к власти приходили не столько либеральные прозападные силы, сколько сторонники радикальных исламских течений, как это было, например, в Египте. В Египте эти силы смогли стать на короткий период во главе социального движения, «но не смогли справиться с этой властью, решить социально-

политические проблемы, и рухнула под напором конкурентов в лице вооруженных сил и поддерживающих эти силы рядом государств Персидского залива» (с. 10).

Авторы склонны опровергать устоявшиеся ошибочные представления о сугубо экономических причинах, породивших феномен «арабской весны», отмечая необходимость комплексного рассмотрения политической ситуации и местных условий в каждой из стран региона. Так, если в Ливии имело место прямое иностранное вмешательство, противостояние в Йемене было вызвано внутриклановыми противоречиями, которые стали активно использоваться в условиях конфронтации между Саудовской Аравией и ОАЭ, с одной стороны, и Ираном — с другой. Во введении авторы ставят перед собой задачу рассмотреть противоречия, лежащие в основе региональных процессов на Ближнем Востоке, «которые существенно меняют не только политический пейзаж, но и всю социально-политическую и психологическую картину Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки» (с. 10). При этом авторы исходят из такого понимания социально-политических процессов на Большом Ближнем Востоке, при котором акцент делается на специфике развития каждой отдельной страны в контексте внутривосточной ситуации. В этом смысле феномен «арабской весны» показан, как своего рода ответ на западный вариант глобализации, в условиях трансформирующихся под воздействием внутренних социальных процессов государств региона.

Монография хорошо структурирована, содержит 7 глав и представляет собой ряд очерков по каждой из стран крупных игроков в регионе. В первой главе монографии «Схватка за Египет» авторы обращаются к политическим событиям 2011–2013 годов, в результате которых дважды произошла насильственная смена власти в стране. Сначала в 2011 году в результате начавшихся в стране выступлений групп оппозиции президент страны Х. Мубарак был вынужден уйти в отставку. Смена власти завершилась приходом радикальных политических сил во главе с Мохаммедом Мурси. Однако начавшиеся в стране перемены в духе усиленной исламизации общества вызвали недовольство военных кругов Египта, что привело к фактической смене власти в стране в 2013 году.

Этот процесс смены власти происходил при активной поддержке со стороны Саудовской Аравии, которой, как убедительно показали авторы монографического исследования, «удалось руками египетских военных и экономических элит при поддержке лидеров местных египетских салафитов добиться свержения ихванского режима М. Мурси» (с. 35). Фактически организация государственного переворота всего через год после прихода Мурси к власти в стране означала сговор между военной и экономической элитой страны, а использование официальными египетскими кругами термина «народная революция 30 июня» 2013 года далеко не отвечала политическим реалиям.

Во второй главе монографии «Воинствующая Аравия» рассматривается внешняя политика режима саудитов на Ближнем Востоке и проблема конфронтации с Ираном в Сирии. Кроме того, особое внимание уделено и проблемам

внутреннего развития Саудовской Аравии на фоне колебания нефтяных курсов и активного соперничества как с Ираном (в Сирии), так и с ОАЭ (в Йемене). Ввиду особой зависимости страны от экспорта нефти и увеличения численности населения с 2014 года стали нарастать кризисные явления в экономике, замедлились среднегодовые темпы роста ВВП. В этих условиях, считают авторы, назрел конфликт между консервативными силами и образованным классом, что ведет к серьезной угрозе политической стабильности в стране.

В этом смысле следует согласиться с выводом о том, что; «выстраиваемый на протяжении десятилетий статус-кво на Аравийском полуострове сменяется региональным беспорядком, характеризующимся своего рода игрой без правил. Такая турбулентность вместе с формированием различных союзов и комбинаций может продлиться определенное время» (с. 63).

Третья глава «Турецко-катарско-ихванский альянс» отвечает на вопрос о развитии в арабском мире радикальных исламских течений и их роли в современных политических процессах на Ближнем Востоке. Особую роль в этом процессе, как указывают авторы монографии, играют политические силы в Катаре и фактическое сближение этих сил с правительством Турции. Следует отметить, что создание подобного альянса началось еще за несколько лет до событий «арабской весны». «Альянс этот, — указывают авторы монографии, — оказался в высокой степени взаимовыгодным... В союзе с таким сильным государством, как Турция, <...> Катар действительно оказался серьезной силой. С другой стороны, Турция в одиночку не имела шансов на лидерство в арабском мире» (с. 89). В этом случае союз с Катаром позволил Турции обозначить претензию на региональное лидерство. Итогами деятельности данного альянса стала реализация обеими странами собственных внешнеполитических целей от Ливии и Сирии до Йемена, где с началом «арабской весны» произошла насильственная смена политической власти.

Четвертая глава монографии «Сирийский кризис» посвящена анализу политической обстановки в стране с 2011 года и роли ближневосточных игроков в развитии данного конфликта. В этом смысле авторы монографии отошли от известного клише о том, что сирийские события стали результатом активной политики США и стран НАТО и были полностью режиссированы извне, но при этом указывают на вовлеченность в конфликт самих стран региона. Как убедительно показывают авторы монографии, по мере развития конфликта в Сирии практические задачи Турции, Катара, Саудовской Аравии, ОАЭ «менялись по ходу развития сирийского конфликта» (с. 131). Фактический союз этих стран в начале сирийского противостояния сменился ростом противоречий к началу 2015 года ввиду разности собственных проектов каждого из игроков, а также снижения политической активности саудитов и представителей других арабских монархий ввиду особой остроты йеменского кризиса.

В пятой главе «Йемен: бесконечная война» анализируются причины йеменского кризиса, кульминация которого пришлась на 2014–2015 годы. Однако,

как показывают авторы монографии, эти события во многом остались в тени смены политических режимов в других странах Ближнего Востока — Египте, Ливии, Тунисе, ситуации в Сирии. Специфика йеменского кризиса состояла в своеобразной периферийности страны как в экономическом, так и в политическом плане, клановости общества, неразвитости инфраструктуры страны. Само же противостояние президента страны А. Салеха с радикальными силами внутри страны и своим бывшим окружением в лице Мансура Хади стало результатом отсутствия как позитивных перемен в экономике страны, так и сепаратистских устремлений части кланов Южного Йемена. «Ситуация в Йемене, — по мнению авторов монографии, — обернулась крупнейшей гуманитарной катастрофой XXI века» (с. 165–166).

Это стало возможным благодаря активному вмешательству в конфликт таких стран, как Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар, оказывавших активную поддержку участникам конфликта. Вовлечение в конфликт внешних игроков привело и к серьезному расхождению позиций ОАЭ и Саудовской Аравии и фактическому распаду их коалиции, когда каждая из сторон стала бороться за реализацию собственного политического проекта в регионе. Следует согласиться и с утверждением авторов, что подобное развитие событий было больше выгодно ОАЭ, укрепившим влияние в регионе в ущерб режиму саудитов. Участие же Саудовской Аравии в данном конфликте лишь ослабило экономику страны, обострив ряд внутренних остросоциальных проблем.

Заключительные, шестая («Игра в независимость») и седьмая («Иран и Ближний Восток после Арабской весны») главы монографии посвящены проблемам развития курдского национального проекта и политике Ирана в условиях политической реконфигурации ближнего Востока. Сильной стороной данной монографии является внимание авторов к внутринациональным процессам курдского общества, его социально-политической трансформации в современных политических условиях, попытка рассмотреть проблему Курдистана с точки зрения субъекта политической истории, а не только объекта влияния внешних политических сил.

Политика Ирана в условиях насильственной смены политических режимов в арабских странах в 2011–2013 годах практически не получала освещения в отечественной историографии до выхода настоящего коллективного труда. Как показывают авторы монографии, смена правящих режимов на Ближнем Востоке не привела к изменению политического курса в отношении Ирана большинства региональных игроков, создав дополнительные риски для внешнеполитических интересов страны. В то же время политическая реконфигурация Ближнего Востока заставила иранское руководство активнее участвовать в региональных процессах, включиться в сирийский конфликт, а также стремиться «своевременно купировать возникавшие для иранской безопасности вызовы в ближнем зарубежье» (с. 212).

В качестве пожелания авторам монографии хотелось бы выделить необходимость более детального освещения политической роли Российской Федерации в описываемых политических и социально-экономических процессах в зоне Ближнего Востока и стран Магриба, в том числе и в рамках переговорного процесса по урегулированию сирийского противостояния. Выход в свет данного монографического исследования стал ценным вкладом в отечественную историческую науку ввиду относительно слабой изученности феномена «арабской весны» в отечественной историографии. Остается надеяться, что рецензируемый труд будет интересен не только специалистам-историкам, но и широкой читательской аудитории, которая встретит его благосклонно.

С. А. Агуреев

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»,
2020, № 4 (40)**

Агуреев Станислав Александрович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации.

E-mail: stas.agureev@mail.ru

Безина Елизавета Александровна — аспирант кафедры отечественной истории Московского городского педагогического университета.

E-mail: lizagrib@mail.ru

Болотина Наталья Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории Московского городского педагогического университета, главный специалист Российского государственного архива древних актов.

E-mail: bolotina30@rambler.ru

Виноградов Алексей Евгеньевич — кандидат исторических наук, независимый исследователь.

E-mail: alwynor@mail.ru

Гавриленков Алексей Федорович — доктор исторических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии войсковой противовоздушной обороны Вооруженных сил Российской Федерации им. Маршала Советского Союза А. М. Василевского, Смоленск.

E-mail: aleksej.gavrilenkov@mail.ru

Гладков Александр Константинович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук.

E-mail: gladkov2010@yandex.ru

Красильников Тимофей Сергеевич — аспирант кафедры отечественной истории Московского городского педагогического университета.

E-mail: krass000@mail.ru

Кувшинова Елена Евгеньевна — старший преподаватель кафедры отечественной истории Московского городского педагогического университета.

E-mail: kuvshinovaee@mgpu.ru

Нагиев Гаджирагим Гаджикерим-оглы — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Московской государственной академии ветеринарной медицины и биотехнологии им. К. И. Скрябина.

E-mail: hnagiev@gmail.com

Рагимова Афат Фируддиновна — кандидат исторических наук, доцент, доцент общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории Московского городского педагогического университета.

E-mail: ragimova.afa@mail.ru

Хатанзейский Александр Владимирович — аспирант кафедры отечественной истории Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова.

E-mail: walterhan@yandex.ru

Челнокова Алла Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории Московского городского педагогического университета.

E-mail: allajurevna@yandex.ru

AUTHORS
of «Vestnik of Moscow City University»,
Series of «Historical Studies», 2020, № 4 (40)

Agureev Stanislav Aleksandrovich — Ph. D. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

E-mail: stas.agureev@mail.ru

Bezina Elizaveta Aleksandrovna — postgraduate of the Department of History of Russia, Moscow City University.

E-mail: lizagrib@mail.ru

Bolotina Natalya Yuryevna — Ph. D. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of Russia, Moscow City University, chief specialist of the Russian State Archive of Ancient Acts.

E-mail: bolotina30@rambler.ru

Vinogradov Aleksey Evgenievich — Ph. D. (History), independent researcher.

E-mail: alwynor@mail.ru

Gavrilenkov Alexey Fyodorovich — Doctor of History, Ph. D. (Philosophy), Associate Professor, professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Russian Federation Armed Forces Army Air Defence Military Academy named after Marshal of the Soviet Union A. M. Vasilevsky, Smolensk.

E-mail: aleksej.gavrilenkov@mail.ru

Gladkov Aleksandr Konstantinovich — Ph. D. (History), senior staff scientist of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: gladkov2010@yandex.ru

Krasilnikov Timofei Sergeevich — postgraduate of the Department of History of Russia, Moscow City University.

E-mail: krass000@mail.ru

Kuvshinova Elena Evgenievna — senior lecturer of the Department of History of Russia, Moscow City University.

E-mail: kuvshinovaee@mgpu.ru

Nagiev Gadzhiragim Gadzhikerim-ogli — Ph. D. (History), docent of Department of Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology by K. I. Skryabin.

E-mail: hnagiev@gmail.com

Ragimova Afat Firuddinovna — Ph. D. (History), Associate Professor, Associate Professor of the All-Univesitet Department of World and Russian History, Moscow City University.

E-mail: ragimova.afa@mail.ru

Khatanzeysky Aleksandr Vladimirovich — postgraduate of the Department of History of Russia, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov.

E-mail: walterhan@yandex.ru

Chelnokova Alla Jurievna — Ph. D. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of Russia, Moscow City University.

E-mail: allajurevna@yandex.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться следующими требованиями к оформлению научной литературы.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5, поля — верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 п. л.). При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании, греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы не могут быть сканированными.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева; заголовок — посередине, полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещается аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова (не более 5). Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой.

4. Статья снабжается пристатейным списком использованной литературы, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57] или [6: т. 1, кн. 2, с. 89].

6. Ссылки на интернет-ресурсы и архивные документы даются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

7. В конце статьи после списка литературы на русском языке приводится фамилия автора, заглавие, аннотация статьи, ключевые слова (*Keywords*) и список литературы (*References*) на английском языке.

8. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

9. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор по требованию главного или выпускающего редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgri.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра.

По вопросам публикации статей в журнале «Вестник МГПУ» серии «Исторические науки» обращаться к заместителю главного редактора *Федору Александровичу Михайловскому* (e-mail: f.mikhailovsky@yandex.ru).

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Вестник МГПУ

Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Исторические науки»
2020, № 4 (40)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62499 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО В. В. Рябов

Заместитель главного редактора:

доктор исторических наук, профессор Ф. А. Михайловский

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Т. П. Веденева

Редактор:

И. Е. Посоха

Корректор:

К. М. Музамилова

Техническое редактирование и верстка:

Г. П. Васильева, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1

Телефон: 8-499-181-50-36

Сайт: vestnik.mgpu.ru

Подписано в печать: 25.01.2021 г.

Формат 70 × 108 ¹/₁₆ Бумага офсетная

Объем 7,75 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.